

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

II.

9424.

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ
ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ,
СЕМЕЙНОЙ И ОДИНКОЙ, РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ.

« Une morale nue apporte de l'ennui,
« Le conte fait passer le précepte avec lui.
LAFONTAINE.

« Скучно сухое правоученіе, но въ сказкѣ
« охотно его выслушаютъ.»
ЛАФОНТАЕНЪ.

Издание третіе,

ВНОВЬ РАЗСМОТРѢННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ СВѣДѢНІЙ КЪ
БІОГРАФИИ ТИМОФЕЯ ИГНАТЬЕВИЧА СУНДУКОВА И ДРУГИХЪ
ПОДРОБНОСТЕЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1841.

м

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. Мая 23 дня, 1838 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

Печатано съ изданія 2-го 1833 года, съ исправленіями.

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

ГЛАВА II.

« Point de milieu l'hymen et ses liens

« Sont les plus grands des maux, ou des biens.

V O L T A I R E.

« Есть средины: супружество и узы его — или ве-

« личайшее бѣдствіе, или величайшее счастье.

В О Л Т Ъ Р Ъ.

Въ продолженіе сего времени, Софья сама часто писала къ матери и сестрамъ, и отъ нихъ часто получала письма. Помыщаемъ здѣсь одно отъ Елисаветы, другое отъ Катерины. Эти письма послужатъ къ

изображенію характеровъ и жизни об-
ихъ сестеръ.

«Никольское, Февраля 12, 18....

«Милый другъ Софья!

«Вмѣсто того, чтобъ быть въ Москвѣ
нынѣшнюю зиму, какъ надѣялась, я живу,
въ смертельной скукѣ, въ Никольскомъ. Я
просила моего тирана отпустить меня въ
Москву, хотя одну, на время; онъ все го-
ворить свое: нынѣшній годъ были большія
издержки; домъ отданъ въ наймы, и проч. —
Онъ дѣлается часъ отъ часу несноснѣе.
Все время проводить онъ въ конюшнѣ,
въ манежѣ, или на винокурениномъ заводѣ.
Общество его составляютъ: конторщикъ,
съ своими счетами, и винокуръ, который,
два, или три раза въ день, приносить ему
отвѣдывать заторы, или, какъ они назы-
ваютъ, бражку, и очень важно бесѣдуетъ
съ нимъ о чемъ-то мнѣ непонятномъ: до-
шла или перекисла эта бражка. Утромъ

и вечеромъ приходятъ къ нему, и доносятъ: главный его конюхъ о лошадяхъ, а псарь о собакахъ. Съ ними вступаетъ онъ въ пріятельскій разговоръ о томъ, которая собака, или лошадь, нездорова, отъ чего, и чѣмъ лечить ихъ надобно. Вечера проводитъ онъ въ пріятной бесѣдѣ съ старымъ прикащикомъ и выборнымъ, расспрашиваетъ о работахъ, приказываетъ что дѣлать на другой день, знаетъ поименно всѣхъ крестьянъ, и кто изъ нихъ какъ живетъ, кто богатъ и кто бѣденъ, кто лѣнивъ, кто чѣмъ промышляетъ. Все это благоразумному моему супругу извѣстно. Не понимаю, какъ можно заниматься такимъ вздоромъ! Къ довершенію всего, часто вижу я за столомъ своимъ Исправника, Засѣдателей и Секретаря. Всѣхъ ихъ принимаетъ онъ вѣжливо, и въ особенности Секретаря угощаетъ и поить безпрестанно травникомъ и наливками. Между тѣмъ, я одна, среди этихъ животныхъ, къ числу которыхъ охотно

присоединяю и мужа моего, сию и зываю въ великолѣпной моей гостиной! Англичанка, компаньѣнка моя, Миссъ Клокъ, бывшая прежде общео нашею гувернанткою, составляетъ дуэтъ со мною: мы съ ней обѣ зываемъ, и отводимъ, что называется, душу тѣмъ, что обѣ напереывъ ругаемъ моего мужа за скупость и глупость его. Миссъ Клокъ и Фиделька, собачка моя, еще пока моя отрада: первая нравится мнѣ потому, что принимаетъ участіе въ моемъ горѣ, и мы вмѣстѣ съ нею бранимъ моего мужа, а милую Фидельку люблю я за то, что она терпѣть его не можетъ, и всегда на него лааетъ. По утрамъ играемъ мы съ Миссъ Клокъ въ бильярдъ, или ходимъ изъ комнаты въ комнату; по вечерамъ раскладываемъ гранъ-пасьянсъ, или играемъ въ пикетъ. Приглашала я къ себѣ погостить, сама не знаю зачѣмъ—для того, казалось мнѣ, чтобы она иногда болтала — одну бѣдную дворянку, сосѣдку нашу. У насъ

ихъ большое изобиліе: въ селѣ, куда мы прихожане, болѣе дворянскихъ, чѣмъ крестьянскихъ домовъ. — Но эта барыня надобла мнѣ до смерти угодливостью своею. На все она соглашается. Ежели я что нибудь скажу, тотчасъ отвѣтъ: «Такъ, матушка, Ваше Сіятельство; вы изволите, В. С., правду говорить.» Вяжетъ себѣ чулокъ, ни въ какія игры, кромѣ Дурачковъ, не знаетъ, и тутъ, когда играть со мною, или съ *Саррою Карловою* (такъ называется она Миссъ Клокъ), то боится прогнѣвить меня, и всегда нарочно сама остается въ дурахъ. Разказы ея заключаются въ томъ, что у нея есть баба Акулина, которая мастерица дѣлать квасы и печь ватрушки; что съ мужикомъ ея Сидоркою то-то случилось, или что приходскій нашъ Священникъ, Лука Яковлевичъ, тогда-то женился, и что она помнитъ его еще семинаристомъ, и прочее тому подобное. Ты можешь себѣ вообразить, какъ пріятно общество этой *паразитки*, или,

какъ въ деревняхъ называютъ, *прихлѣбательницы!* Если-же когда бывало подарю я ей старое свое платье, или Князь велитъ отвезти къ ней какой нибудь четверикъ гороху, или крупъ, она цѣлуетъ мои ручки, и чуть-чуть не кланяется ему въ ноги. Еще я вздумала было взять въ фаворитки одну дворовую дѣвочку. Рожица ея мнѣ понравилась, но она скоро мнѣ надоѣла. Терпѣть не могу ребятишекъ: я прогнала ее опять въ избу. Ты сама знаешь, что я не люблю никакого рукодѣлья. Книги мнѣ также наскучили. Твой любезный С. Ламбертъ — котораго ты совѣтовала мнѣ читать, и въ особенности хвалила въ его *Catéchisme universel* главу: *Devoirs mutuels des époux* (о взаимныхъ обязанностяхъ супруговъ) — очень скученъ: такая сухая, обветшала мораль! Сочиненія Фенелона, Жанлисъ, Эджевортъ, и проч., что позволяла читать намъ маменька, знаю наизусть. Любимый и модный нынѣшній авторъ, Валь-

теръ Скоттъ, также надобно. Велика мнѣ нужда знать, что было нѣсколько сотъ лѣтъ тому въ Шотландіи! Это не облегчить и не уменьшить моей несноснѣйшей, теперешней, скуки въ Никольскомъ. Впрочемъ, я прочла все, что только у меня было изъ романовъ Вальтеръ Скотта. Думала было найти что нибудь новое у моего мужа, но библіотека его дѣдушки и папеньки состоитъ изъ старинныхъ Русскихъ книгъ, которыхъ, разумеется, читать нѣтъ никакого терпѣнія, а супругъ мой присоединяетъ къ собранію этой рухляди, покупаемая имъ, вновь выходящія книги о земледѣліи и о винокуренныхъ заводахъ. Стала было я иногда играть на фортепіано, но замѣтила, что мужъ мой любить музыку; послѣ этого тотчасъ заперла я фортепіано. Онъ находитъ удовольствіе мучить меня, заставляя меня сидѣть зиму въ деревнѣ, и — я ему отплачиваю тѣмъ-же.

«Иногда, для прогулки, отправляюсь я скучать и звать къ моимъ сосѣдямъ, по-

тому, что всѣ порядочные люди уѣхали въ Москву.

«Въ день моего рожденія Князь исполнилъ свое обѣщаніе: пригласилъ обѣдать сосѣдей; но, еще повторяю — никого порядочныхъ не осталось. Явилось къ намъ нѣсколько неуклюжихъ помѣщиковъ, съ женами и дочерьми, которыя вѣкъ живутъ въ деревнѣ — очень пріятное общество! Мужчины толковали о цѣнахъ хлѣба, о замолотахъ, о приѣздѣ Губернатора, который былъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ по какому-то слѣдствію; рассказывали, гдѣ и какой онъ нашелъ безпорядокъ, и кого бранилъ изъ Судей. Съ дамами должна была я бесѣдовать о томъ, какъ онѣ варятъ варенье, и слушать, какъ лучше сохранять впрокъ разные запасы. Я очень была рада, когда всѣ уѣхали. Полкъ, который стоитъ у насъ въ уѣздѣ, ходилъ куда-то на смотръ, или въ караулъ, и никого изъ офицеровъ у насъ не было.

«Мужъ мой, замѣчая, что мнѣ чрезвы-

чайно скучно, ставить въ примѣръ свою мать. «Матушка,» говоритъ онъ, «вѣкъ свой жила одна въ деревнѣ, но всегда бывала весела, и находила занятіе.» Эта старая дура, какъ мнѣ сказывали, проводила время очень пріятно. Почти все утро, запершись въ своемъ кабинетѣ, молилась она Богу, потомъ лечила больныхъ крестьянъ, входила во всѣ подробности хозяйства, сама варила варенья, выдавала на кухню сахаръ и другую провизію. Богъ съ ней! Зачѣмъ не искалъ себѣ достойный сынъ ея жены, похожей на нее?

«Не смотря на несносную мою тоску, мужъ мой увѣренъ, что я совершенно счастлива, тѣмъ, что имѣю честь быть *Княгиней Рамирскою*, что я хозяйка въ огромномъ его домѣ, что у меня прекрасныя лошади и экипажъ, которыми я могу располагать по моей волѣ. Многія знакомыя мнѣ дѣвушки завидуютъ, что я составила такую блистательную партію; но ежели-бы знали онъ, какова жизнь

моя, ежели-бы чувствовали, какъ часто я сама имъ завидую, въ особенности-же сестръ Катенькѣ!... Письма ея меня утѣшаютъ. Она въ тысячу разъ умнѣе, что вышла не за богатаго и знатнаго, а за умнаго и добраго человѣка.

«Но я замѣчаю, что весьма длинное письмо мое заключаетъ въ себѣ одинъ только жалобы. Ожидаю, что ты будешь бранить и упрекать меня, какъ я не умѣю быть счастлива въ томъ состояніи, въ которомъ, по волѣ Провидѣнія, нахожусь. Это обыкновенная твоя мораль; но хорошо такъ говорить, не испытавши самой, каково жить весь вѣкъ съ упрямымъ и сумасброднымъ дуракомъ! — Однакожь, да будетъ тебѣ извѣстно, что мы теперь не такъ часто, какъ прежде, ссоримся съ моимъ супругомъ, отъ того, что рѣдко бываемъ вмѣстѣ. Онъ приходитъ въ чрезвычайной усталости, изъ манежа, или съ завода, передъ самымъ обѣдомъ; пьетъ свою рюмку травнику, и кушаетъ весьма

препорядочно. Послѣ обѣда садится въ диванной на большія кресла, спокойно засыпаетъ, и хранитъ часа полтора, а я въ это время или тоже дѣлаю, или плачу съ досады. Вотъ тебѣ журналъ жизни веселой и милой Елисаветы Холмской (такъ меня прежде называли)! Не правда-ли, что она очень счастлива? Богъ, за молитвы ся родительницы, какъ говорили старая моя няня и приходскій нашъ Священникъ, такъ хорошо се пристроилъ. Ежели у меня будутъ дочери, чего я совсѣмъ не желаю, то вѣрно ни одна изъ нихъ не выйдетъ за-мужъ. Тебѣ тоже советую. Будь здорова. Увѣдомъ меня о Московскихъ новостяхъ и о послѣднихъ модахъ. Мы здѣсь, въ глуши, ничего не знаемъ. Я думаю, что когда ты возвратишься изъ Москвы, то я покажусь тебѣ уродомъ.

Вѣрнѣйшій другъ твой и сестра,

Княгиня Елисавета Рамирская.»

Февраля 14-го 18... Приютово.

«Милый, истинный другъ мой и почтеннѣйшая сестра!

«Я виновата, что давно не отвѣчала на письмо твое. Мужъ мой въ это время былъ не очень здоровъ, простудился, ѣздивши къ брату Алексѣю. Теперь, благодаря Бога, совсѣмъ выздоровѣлъ. Что тебѣ сказать, милый другъ мой? Я счастлива и счастлива. Впрочемъ, ты сама знаешь, деревенская жизнь такъ единообразна, что всякій день одно и то же. Но имѣя добраго и милаго мужа, чего еще желать на свѣтъ? Остается только безпрестанно благодарить Бога за неизреченную Его милость.

«Въ первые мѣсяцы моей беременности я чувствовала себя не очень здоровою. Маменька все это время прожила съ нами. Хотѣла было она поѣхать въ Никольское, къ сестрѣ Лизанькѣ, но сестра не настоятельно просила, а мужъ ея и совсѣмъ не приглашалъ. Извѣстія отъ нихъ

не весьма пріятны. Можетъ быть, Лизанька скрываетъ отъ тебя, что она также была беременна, но выкинула, отъ неосторожности своей, чему, какъ она пишетъ, весьма рада, потому что, по мнѣнію ея, дѣти—несносное иго. Но мужъ ея былъ очень огорченъ: ему хотѣлось имѣть наследника. Какія различныя мысли и желанія! Что-бы я чувствовала, ежели-бы со мною случилось такое несчастіе!

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю я весны, когда ты, милая Соничка, по обѣщанію твоему, приѣдешь къ намъ, вмѣстѣ съ тетущкою, въ Пріютово! Ты еще ни разу не видала Петрушу моего у себя дома, хозяиномъ. Лизанька сообщаетъ мнѣ, что она часто въ письмахъ своихъ советуетъ тебѣ не выходить никогда за-мужъ. Приѣзжай въ Пріютово: ты на самомъ опытъ, смотря на насъ, увѣришься, что советъ ея несправедливъ.

«На дняхъ удостоилъ обѣдать у насъ братъ Алексѣй. Найдя довольно хорошій

и вкусный столъ, онъ нѣсколько удивился, а когда стали подавать сотернъ, и потомъ малагу, то сказалъ намъ, что мы очень роскошничаемъ, и что даже у самаго Князя Бориса Матвѣевича, когда объдаютъ въ своей семьѣ, ничего, кромѣ домашнихъ наливокъ, не подаютъ. Мужъ мой, обративъ это въ шутку, отвѣчалъ, что всякій живетъ по своему. Впрочемъ, Алексѣй довольно охотно пилъ и хвалилъ наше вино. — Вотъ о какомъ вздорѣ я пишу къ тебѣ! Но еще повторю: въ деревнѣ такое единообразіе, что ничего интереснаго сообщить тебѣ не имѣю, кромѣ того, что я счастлива, и ты вѣрно съ удовольствіемъ прочтешь это.

«Я послала къ тебѣ, и къ тетускѣ, съ обозомъ нашимъ, который, дня три тому, отправился къ вамъ въ Москву съ овсомъ, нѣсколько банокъ соленыхъ грибовъ, вишенъ и пикулей; кушайте на здоровье: великій постъ скоро приближается. Не знаю, понравится-ли вамъ: это первый мой

опытъ. Боюсь только, чтобы дорогою, въ теперешніе морозы, не испортилось, и чтобы банокъ не разбили. Я сама укладывала, и очень просила старосту беречь. Будь здорова, милый другъ мой, и вѣрь, что любить и уважаетъ тебя отъ всей души

вѣчно преданный тебѣ другъ и сестра,

КАТЕРИНА АГЛАЕВА.

P. S. У почтенной тетушки цѣлую руки.»

Два письма сіи, полученные въ одно время, произвели надъ Софьей противоположное впечатлѣніе. Она видѣла, что неосторожность, вѣтренность и безразсудные поступки Елисаветы навлекутъ на нее большія бѣдствія; что мужъ ея утомится наконецъ непрерывными непріятностями, и, можетъ быть, послѣдняя искра любви его скоро исчезнетъ. Она хотѣла было тотчасъ ѣхать къ сестрѣ, но, размысливъ, должна была признаться, что всѣ совѣты ея остались безъ уваже-

нія, и что она никакой пользы приѣздомъ своимъ не сдѣлаетъ. Въ утѣшеніе, воображала она, какъ счастлива Катерина, въ смиренномъ и тихомъ своемъ уединеніи.

«Какого теперь ты мнѣнія о супружествѣ и о дѣвичьей жизни?» сказала Свѣжская, прочитавъ оба письма сестеръ ея.

— Я думаю — отвѣчала Софья — все тоже. Во всякомъ состояніи можно быть счастливою, и это именно отъ насъ зависитъ. Катинька благополучна, а Лизанька страдаетъ и несчастлива; но кто, и въ томъ и другомъ случаѣ, причиною? Разумѣется, онѣ сами. Удивляюсь Лизанькѣ: она, вы это знаете, совсѣмъ не глупа, а не умѣетъ расположить себя, какъ надобно, чтобъ быть счастливою! Можетъ быть, я покажусь вамъ слишкомъ гордою, но думаю, что если-бы я была на ея мѣстѣ, то могла-бы ужиться и быть по возможности благополучною съ Княземъ Рампрскимъ. Мнѣ кажется, я достигнула-бы своей цѣли, перемѣнила-бы характеръ и

исправила недостатки его, которые, напротивъ, отъ безразсудныхъ поступковъ жены теперь часъ отъ часу будутъ усиливаться. Можно-ли такъ дѣйствовать съ человѣкомъ ума ограниченнаго, который, гордясь своимъ богатствомъ и знатностію, воображаетъ, что онъ осчастливилъ дѣвушку, взявъ ее безъ приданаго, и что въ замѣнъ того имѣетъ онъ право требовать отъ нея безусловнаго повиновенія? Людямъ такого рода досадно, ежели тѣ, кому они, по мнѣнію ихъ, сдѣлали добро, не чувствуютъ этого добра и не безпрестанно воспоминаютъ объ ихъ благодѣяніяхъ. Лизанька, напротивъ того, просто, безъ всякихъ околичностей, показываетъ явное пренебреженіе къ мужу, и непрерывно бѣситъ его. Впрочемъ, конечно, со стороны гораздо виднѣе, и совѣтовать легче, нежели самому дѣлать; но кажется мнѣ, что съ искусствомъ и нѣкоторою снисходительностію можно-бы взять поверхность надъ Княземъ, и тѣмъ болѣе, ког-

да такое *искусство* вспомоцествуемо молодостью и красотою. Лизанька поступает иначе, и я очень опасаюсь, что она совсѣмъ потеряетъ любовь и привязанность мужа.

«И, къ несчастію,» отвѣчала Свѣяжская, «потерявъ однажды любовь, никогда уже болѣе не возвратитъ ее! Самолюбіе мужчинъ очень раздражительно: никогда не забываютъ они и не прощаютъ женамъ оскорбленій, ими сдѣланныхъ, хотя, напротивъ, требуютъ отъ женъ, чтобы онѣ безпрестанно ихъ прощали. Послѣ, всѣ усилія жены, къ приобрѣтенію прежней довѣренности и уваженія, будутъ бесполезны, и тѣмъ болѣе еще, если между супругами есть посредники, которымъ они повѣряютъ жалобы свои другъ на друга, и если эти повѣренные захотятъ вмѣшиваться не въ свое дѣло, и мирить ихъ, потому, что признаніе при свидѣтеляхъ въ ошибку, или въ вину своей, есть самое тягостное униженіе, оставляющее

на вѣкъ воспоминаіе, весьма непріятное и оскорбительное для нашего самолюбія.»

«Когда говорить о какомъ нибудь супружествѣ,» продолжала Свіяжская, «что оно совершенно благополучно, или совершенно несчастливо, то ошибаются. Есть такія сокровенности, которыя никому не могутъ быть извѣстны. Въ супружеской жизни есть степени счастья и несчастья. Не знаю, такъ-ли я объясняюсь, но мнѣ кажется, отъ совершеннаго *блаженства*, которымъ наслаждаются съ самаго начала супруги, соединенные страстною любовью, переходятъ они на степень просто *благополучія*; потомъ слѣдуетъ степень *довольства*, а за тѣмъ *равнодушія*. Въ противоположность надобно поставить, сначала просто *неудовольствіе*, *несчастье*, а наконецъ *совершенное бѣдствіе*. Мнѣ кажется, молодыя женщины жалуются на судьбу свою и почитаютъ себя несчастливými отъ того, что не наблюдаютъ постепеннаго хода супружеской жизни. Ко-

гда отъ совершеннаго блаженства вступаютъ онѣ на степень благополучія, или довольства, то переходъ сей почитаютъ уже большимъ бѣдствіемъ. Но счастливы тѣ супруги, которыя изъ очарованія, продолжающагося не болѣе, можетъ быть, мѣсяца, остановятся на средней степени — благополучіи. Елисавета, съ мужемъ своимъ, кажется мнѣ, ежели не ошибаюсь, весьма близка къ равнодушію; я думаю, далѣе между ними ничего не будетъ. Но сохрани Богъ Катерину сойти съ нынѣшней степени супружеской жизни! При чувствительномъ ея сердцѣ и страстной любви къ мужу—она ниспадетъ на степень совершеннаго бѣдствія!»

— Ежели ей не опредѣлено пользоваться одинакимъ благополучіемъ во всю жизнь—отвѣчала Софья—то, мнѣ кажется, лучше пожелать ей умереть, и на небѣ наслаждаться тѣмъ счастіемъ, котораго она достойна. И это будетъ непремѣннымъ послѣдствіемъ, если она замѣтитъ хоть нѣ-

которую перемену въ чувствахъ мужа. Она не перенесетъ такого горя....

«Окончимъ тягостный разговоръ нашъ,» сказала Свѣжеская, замѣтивъ, что глаза Софьи были наполнены слезами.

ГЛАВА III.

«Par tout, où se trouvent des malheureux, vous êtes
« sûr de rencontrer des femmes. Il existe entre el-
« les et des souffrances un lien mystérieux.»

Ю у т.

«Вездѣ, гдѣ есть несчастные, вы навѣрное встрѣ-
« тите женщинъ. Какой-то таинственный союзъ со-
« единяетъ ихъ съ страдающими.»

Ж у н.

Въ тотъ день, когда Свѣяжская приоб-
щалась Святыхъ Таинъ, многіе привѣжа-
ли, присылали и приходили, по обыкно-
венію, поздравлять ее. Въ числѣ прочихъ
были двѣ сестры, старыя дѣвушки, Ое-

досья и Надежда Филиповны Весталковы, дальнія родственницы Свіяжской и Софьи. У нихъ былъ собственный маленький домикъ, въ отдаленной части города, гдѣ-то въ Хамовникахъ, въ переулкѣ. Онѣ жили съ небольшого капитала процентами, которыхъ однакожъ никогда не доставало имъ на прожитокъ. Свіяжская снабжала ихъ ежегодно всеми съѣстными припасами и живностію, привозимыми къ ней изъ степныхъ ея деревень. Сверхъ того она часто дѣлала имъ подарки. После пожара Москвы въ 1812 году, помогла она имъ выстроить домикъ; словомъ: была истинная ихъ благодѣтельница. Весталковы въ полной мѣрѣ это чувствовали. Свіяжская пригласила ихъ остаться у нея обѣдать.

За обѣдомъ получила Свіяжская съ эстафетомъ письмо, которое чрезвычайно ее растревожило. Едгарова, ея внучатная сестра, заклинала именемъ самаго Бога, поспѣшить приѣхать къ ней. Мужъ ея былъ

при смерти боленъ; она боялась, что онъ умретъ, не благословивъ дочери своей, которая противъ его воли вышла замужъ. Она знала, что старикъ чрезвычайно уважалъ Свіяжскую, почиталъ ее за истинную Христіанку, и что при наступленіи смерти, никто скорѣе Свіяжской не убѣдитъ его простить дочь.

«Это письмо меня очень разстроиваетъ,» сказала Свіяжская. «Кромѣ того, что мнѣ предстоитъ тягостное объясненіе съ упрямымъ и сумасброднымъ старикомъ, я чувствую себя не совсѣмъ хорошо: говѣнье утомило меня; да и дорога, какъ слышно, очень ухабиста и дурна. Однакожъ, дѣлать нѣчего. Я молюсь ежедневно, чтобы Богъ далъ мнѣ средства быть полезною: видно молитва моя услышана. Какъ же отказываться? Завтра непременно отправляюсь. Только—какъ мнѣ быть съ тобою, другъ мой Соничка? Брать со мной тебѣ не лзя, а отпустить тебя домой я не хочу, да и не съ кѣмъ. Путешествіе мое

можетъ продолжиться не болѣе недѣли, взадъ и впередъ. Едгаровы живутъ отсюда съ небольшимъ въ двухъ стахъ верстахъ, и я поѣду на почтовыхъ.

— Да не угодно-ли будетъ сестрицѣ Софьѣ Висильевнѣ переѣхать на это время къ намъ?—сказала Ѳедосья Весталкова. Сестра ея подтвердила, что онѣ были-бы очень рады, и что хотя у нихъ не очень просторно, но помѣститься кое-какъ можно. Софья отвѣчала, что съ удовольствіемъ приняла-бы это предложеніе, но боится обезпокоить ихъ. Обѣ сестры утѣшали, какъ обыкновенно водится, что ни какого безпокойства имъ не будетъ. Такимъ образомъ рѣшено было, чтобы Софья, проводивъ Свѣжскую въ дорогу, переѣхала на все время ея отсутствія къ Весталковымъ. Онѣ, вскорѣ послѣ обѣда, уѣхали домой.

«Вотъ преимущество дѣвической, независимой жизни!» сказала Свѣжская, оставшись одна съ Софьею. — «Ежели-бы

я была за-мужемъ, то, не смотря на все душевное желаніе мое и готовность быть полезною другимъ, я не имѣла-бы тогда средствъ послѣдовать влеченію моего сердца. Можетъ быть, мужу моему не хотѣлось-бы, чтобы я тѣхала, или болѣзнь дѣтей моихъ остановила меня; да и мнѣ самой было-бы тягостно разстаться съ семействомъ. Впрочемъ, все это доказываетъ только то, что всякое состояніе имѣетъ свои особенныя удобства и неудобства. Признаюсь однакожъ, я такъ привыкла, и такъ хорошо мнѣ было жить съ тобою, что очень не хочется разставаться, потому-же болѣе, что я предвижу. . . . тебѣ не такъ-то будетъ весело въ обществѣ Весталковыхъ. Старшая угрюмаго и холоднаго характера, а другая, напротивъ, веселаго. Онѣ вѣрно будутъ стараться разсѣять тебя, и доставить, по своему, всякія удовольствія. Вѣроятно, и то и другое будетъ тебѣ непріятно; но вели перевезть фортепіано, запасись поболѣе кни-

•

гами, а я попрошу ихъ, чтобы онѣ дали тебѣ свободу. Впрочемъ, пребываніе на нѣкоторое время въ ихъ домѣ будетъ имѣть для тебя свою пользу. До сихъ поръ ты видѣла дѣвическую, одинокую жизнь съ хорошей стороны; погостивъ у нихъ, можетъ быть, ты перемѣнишь свой образъ мыслей.» Софья хотѣлось лучше отпра- виться въ Пріотово къ Катеринѣ, но ей совѣстно было противорѣчить Свѣяжской, и нарушать планъ, чтобы ѣхать туда вмѣ- стѣ весною.

На другой день, рано утромъ, Свѣяж- ская отправилась въ дорогу. Софья про- водила ее до заставы, и потомъ прямо проѣхала къ Весталковымъ. Обѣ сестры приняли ее съ большою привѣтливостью, хотя каждая, сообразно своему характе- ру: старшая важно, съ церемоніею, млад- шая свободно и непринужденно. Но во- обще, домъ ихъ и образъ жизни имѣлъ разительную противоположность съ до- момъ Свѣяжской. Софья очень желала,

чтобы время искуса ея какъ можно скорѣе кончилось.

Тѣсный, низенькій домикъ Весталковыхъ расположенъ былъ очень безпокойно. Во всемъ видны были безпорядокъ, неопрятность и недостатокъ. Меньшая сестра уступила Софѣ свою комнату, и сама на это время переселилась въ гостиную; но дурной запахъ отъ кухни производилъ головную боль у Софьи, тараканы и клопы мучили ее по ночамъ; притомъ-же комната была окнами на дворъ, и собаки мѣшали ей спать. Днемъ, въ этой, съ маленькими окнами, комнатѣ такъ было темно, что невозможно было ничѣмъ заняться, но тѣснотѣ дома всякое слово было слышно, а обѣ сестры почти безпрестанно бранились, или между собою, или на дѣвку и кухарку свою.

Столъ у нихъ былъ очень дуренъ. Этобы еще не бѣда, что кушанья невкусно приготовлены, но припасы были не свѣжіе, и Софья, привыкшая дома и у Свѣ-

яжской къ столу вкусному, не могла почти ничего ѣсть. Къ счастью, добрая и заботливая Сыяжская, вѣроятно, предвидѣвъ это, велѣла зелень и прочіе припасы, привозимые къ ней еженедѣльно изъ подмосковной, отсылать къ Весталковымъ.

Все было мрачно и печально въ ихъ домъ, и вездѣ былъ виднѣнь отпечатокъ характера обѣихъ сестеръ. Канарейки пѣли изрѣдка; даже самая кошка, любимица старшей сестры, имѣла видъ важный, и все почти лежала; одна только любимая, старая Болонская собачка меньшей сестры иногда бѣгала, лаяла, или ласкалась къ тому, кто вѣходилъ въ комнату, въ надеждѣ, что ее накормятъ.

Софья покорилась необходимости, сносила все терпѣливо, умѣла поладить съ обѣими сестрами, и въ особенности понравилась имъ великимъ искусствомъ слушать вздорные ихъ рассказы и старинные анекдоты. Это совсѣмъ не бездѣлица, и ино-

гда бываетъ самымъ надежнѣйшимъ средствомъ къ приобретению благосклонности разскащиковъ.

Обѣ сестры, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, остались въ дѣвкахъ. Старшая, Федосья, была дурна собою, ряба и коса; никто не обращалъ на нее вниманія. Младшая, Надежда, напротивъ того, смолodu была довольно хороша собою: ей представлялись женихи, но она была слишкомъ разборчива, перебирала, разбирала, и нечувствительно въ этомъ переборѣ увяла ея красота, и она состарѣлась. Послѣ того, охотно желала-бы она выйти замужъ, но уже было поздно. Федосья, еще съ молодости, не очень любила меньшую сестру: она завидовала, что ей представлялись женихи, а на нее никто не смотрѣлъ. Противъ воли онѣ были обязаны жить вмѣстѣ, и обходились между собою съ какою-то странною церемонією и холодною. Вѣкъ свой говорили онѣ одна другой: *вы сестрица*. Можно было замѣ-

тить, что онъ терпѣть не могли другъ друга.

Время проходило въ несносномъ для Софьи единообразіи. Обѣ сестры вставали рано, и ничего болѣе не дѣлали, какъ только, или бранились и говорили колкости другъ другу, или раскладывали грань-пасьянсъ. Старшая Весталкова любила карты, и почти каждый вечеръ уходила къ одной старушкѣ, сосѣдкѣ своей, играть въ бостонъ, по двѣ копейки; меньшая оставалась съ Софьею, садилась подлѣ фортепіано, и слушала ея прелестную игру. Только въ это время отдыхала Софья.

На третій, или на четвертый день, послѣ ея переселенія къ Весталковымъ, сосѣдка, Марья Львовна Кирбитова, прислала спросить: «будутъ-ли онъ вечеромъ дома?» — Скажи, что будемъ и просимъ ее къ себѣ — отвѣчала Надежда. — Это премилая и прелестная женщина — продолжала она, обращаясь къ Софьѣ. — Мы

съ удовольствіемъ проведемъ съ нею время.

Кирбитова была также пожилая дѣвушка; она походила обращеніемъ, разговоромъ, и даже нѣсколько лицомъ, на Свѣяжскую, и это заставило Софью съ перваго раза полюбить ее. Софья также понравилась Кирбитовой, и онѣ въ полчаса такъ познакомились и подружались, какъ будто вѣкъ жили вмѣстѣ.

Послѣ обыкновеннаго разговора, началась между ними рѣчь о супружествѣ. Весталкова не могла скрыть сожалѣнія своего, что осталась въ дѣвкахъ.

«Конечно,» сказала она, «я могу избѣгнуть всегдашнихъ ссоръ и непріятностей моихъ съ сестрицею, а живши съ мужемъ, можетъ быть, вѣкъ-бы должна была и терпѣть ихъ. Правда, что я могу располагать собою, и ни отъ кого не завишу, но за всемъ тѣмъ очень пріятно быть окруженною дѣтьми, и особенно въ старости. Воля ваша, а я никакъ не могу по-

вѣрить, чтобы пожилая дѣвушка не сожалѣла, что не вышла за-мужъ. Я думаю даже, что сама тетушка Прасковья Васильевна раскаявается въ этомъ. Въ особенности жизнь старой дѣвки въ бѣдномъ состояніи очень тягостна.

— Ты ошибаешься, Надежда Филиповна—сказала Кирбитова.—Мнѣ представлялось нѣсколько партій; но божусь тебѣ, что я предпочла по разсудку остаться лучше въ дѣвкахъ. Не смотря на то, что весь доходъ мой состоитъ въ 1500 рублѣхъ, кѣторые получаю, и то еще не всегда, съ моего дома, я почитаю себя счастливою, и благодарю Бога. Доходъ мой не великъ, но я могу располагать имъ, какъ мнѣ хочется. Не обязана я спрашивать у мужа о всякомъ вздорѣ, и ожидать, что онъ, можетъ быть, откажетъ, или дастъ денегъ съ неудовольствіемъ, упрекая въ мотовствѣ. Никто не станетъ повѣрять моей расходной книги и ворчать на меня. Нѣтъ человека, у котораго

я была бы обязана осведомиться, ежели захочу куда идти, или ѣхать. Правда, когда возвращаюсь я домой, и встрѣчаетъ меня только одна моя кошка и старая моя Улита—мнѣ скучно; за то однакожъ никто и не бранить меня, что я поздно приѣхала. Повѣрь, многое можно сказать въ пользу и противъ дѣвической одинокой жизни. Одно только вѣрно, что мы никогда не можемъ быть счастливыми ни въ какомъ состояніи, ежели не будемъ сносить съ покорностью и благодарностью къ Провидѣнію пріятности и непріятности, соединенныя съ каждымъ званіемъ, потому, что совершеннаго счастья нѣтъ въ здѣшнемъ мірѣ!

Софья провела очень пріятно вечеръ съ Кирбитовою; но за то на другой день испытала она самую мучительную скуку, въ обществѣ, собравшемся на званый вечеръ къ Весталковымъ, по случаю дня рожденія старшей сестры.

Иванъ Кузмичъ Кохтинъ, отставной, ра-

ненный, драгунскій Капитанъ, игралъ первую ролю въ этомъ обществѣ. Онъ провелъ большую часть жизни въ казармахъ и на бивакахъ, никогда не бывалъ въ кругу женщинъ хорошаго тона, и думалъ, что имѣеть право обходиться со всеми, какъ бывало въ старину обходились въ Польшѣ съ панянками, въ обществѣ экономовъ и шляхтичей. Ни о чемъ болѣе говорить онъ не умѣлъ, какъ только о походахъ своихъ, или о проказахъ, въ то блаженное время, когда полкъ ихъ стоялъ въ разныхъ мѣстахъ Польши. Оедосья имѣла отдаленный планъ, не смотря на свои 45-ть лѣтъ, рябое лице и косые глаза, выйти замужъ за Кохтина, а потому не только часто приглашала его къ себѣ, но сносила разные глупыя и неумѣстныя его шутки, позволяя ему безпрестанно курить трубку, безъ которой онъ не могъ обойтись. Частыя посѣщенія Кохтина продолжались уже болѣе двухъ лѣтъ; но до сихъ поръ драгунское его сердце

оставалось нечувствительно къ прелестямъ Ѳедосьи; однакожь она не унывала, и надѣялась достигнуть своей цѣли.

За Кохтинымъ слѣдовалъ Климъ Гавриловичъ Тартюфовъ, отставной Секретарь. Онъ почитался оракуломъ въ своемъ переулкѣ, восклицалъ противъ всеобщихъ злоупотребленій и беззаконій, говорилъ, что настали послѣднія времена, безпрестанно ставилъ себя въ примѣръ безкорыстія и честности, и повторялъ обыкновенныя фразы, свойственныя лицемѣрамъ и плутамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ злобчивъ и нравился Ѳедосѣ Весталковой разными сплетнями, клеветами и выдумками на счетъ сосѣдей и знакомыхъ ея. Отвратительное лицо, на которомъ начертана была черная его душа, поразило и привело въ какое-то содроганіе Софью, при первомъ на него взглядѣ.

Тартюфовъ пришелъ прежде всѣхъ, пилъ чай, съ Французскою водкою, и здословилъ, въ то время, когда Кохтинъ

явился въ ихъ общество. Онъ началъ тѣмъ, что всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ вздумалъ цѣловать въ губы, говоря, что это старинное Русское обыкновеніе, а онъ *Русскій*, и иностранцамъ подражать не хочетъ. Съ этимъ-же подошелъ онъ къ Софѣ, которая, какъ можно себя вообразить, не привыкши къ такому странному обращенію, покраснѣла, смѣшалась, и отошла отъ него. Потомъ, не смотря на тѣсноту комнаты, и не спросивъ позволенія, набилъ и закурилъ онъ трубку, запивая пуншемъ, который, по приказанію хозяйки, тотчасъ ему подали.

Терпѣніе Софы истощилось. Злословіе Тартюфова, наглость Кохтина, глупое болтанье женщинъ, и сильная головная боль, отъ табачнаго дыма, въ маленькой, душной комнатѣ, заставили ее воспользоваться первою возможностью, когда всѣ съѣли играть въ ламушъ и бостонъ, и оставить это пріятное общество. Она ушла къ себѣ въ комнату, гдѣ бросилась на

постелю и, нюхая спиртъ, чтобы облегчить головную боль, раскаявалась, что не поѣхала въ Приютово къ Катеринѣ, на время отсутствія Свѣжской. Надежда Весталкова не играла въ карты, и замѣтивъ, что Софья ушла изъ гостиной, тотчасъ явилась къ ней. Она нашла ее въ слезахъ; но Софья, сама стыдясь слабости своей, скоро ободрилась, и очень была рада предложенію Надежды: идти къ Кирбитовой, которая жила черезъ нѣсколько домовъ отъ нихъ и, по нездоровью своему, отказалась отъ приглашенія на вечеръ къ Весталковымъ.

Онѣ нашли Кирбитову читающею духовныя сочиненія Тихона, Епископа Воронежскаго. Чулокъ, который она вязала, лежалъ на столикѣ; подлѣ находился серебряный колокольчикъ для призыва дѣвки; бѣлая кошка, любимица ея, покоилась у нея въ ногахъ, на подушкѣ. Все въ комнатахъ было чисто, опрятно и на своемъ мѣстѣ. Казалось, вездѣ у Кирбитовой

были тотъ порядокъ, тишина и спокойствіе, которые замѣтны были на лицѣ этой почтенной женщины.

Надежда Весталкова не упускала ни одного случая пожаловаться на свою сестру и побранить ее. Она поспѣшила сообщить Кирбитовой о нагlostяхъ Кохтина и злословіи Тартюфова, прибавивъ къ тому, что когда Софья ушла изъ гостиной, то они оба хвалили красоту ея. «Теперь я увѣрена, что они всякій день будутъ поспѣвать насъ,» сказала Надежда, «и я, право, не знаю, что дѣлать, и какъ избавить Софью Васильевну отъ ихъ общества. А сестрицу ни конемъ образомъ не приведешь въ резонъ!»

— Сожалю, что сестрица твоя вздумала пригласить къ себѣ этихъ двухъ молодыхъ. Я ихъ обоихъ знаю — отвѣчала Кирбитова. — Общество ихъ, ни въ какомъ отношеніи, не можетъ быть пріятно Софьѣ Васильевнѣ. Знаю также и то, что ежели будешь ты настанвать, чтобы не прини-

мать ихъ, то это ничего болѣе не произведетъ, какъ только ссору. Но чтобы избавить Софью Василевну отъ удовольствія видѣть вашихъ гостей, вотъ что я думаю— продолжала Кирбитова. — Не согласитесь-ли вы милая, новая моя знакомая, перѣхать ко мнѣ, пока возвратится ваша почтенная тетушка, о которой, хотя и не имѣю я чести быть знакомою, слышала много хорошаго? Мнѣ совѣстно, что не могу васъ принять и угостить, какъ-бы желала; но надобно избирать изъ худшаго лучшее. По крайней мѣрѣ, вамъ у меня будетъ спокойнѣе, нежели въ обществѣ такого наглеца, какъ Кохтинъ, и такого злоязычника, какъ Тартюфовъ.

Софья отъ души благодарила Кирбитову за ея дружеское приглашеніе, и не только съ одобренія, но по совѣту Надежды Весталковой (которая, не доброжелательствуя сестрѣ, напередъ восхищалась мыслію сдѣлать ей неудовольствіе и возстановить Свѣжскую противъ нея), объ-

щалась воспользоваться предложеніемъ ея при первой дерзости Кохтина. За этимъ дѣломъ не стало, и Софья, на другой-же день, переселилась къ Кирбитовой. Надежда сама проводила ее. Федосья тотчасъ явилась съ убѣдительною просьбою возвратиться; но Софья холодно благодарила ее, и объявила рѣшительное намѣреніе ожидать возвращенія тетушки у Курбитовой. Со стыдомъ должна была Федосья отправиться домой, но за то сестра ея торжествовала. «Вотъ, сестрица, вѣдь я вамъ нѣсколько разъ говорила, что любимые ваши гости, Кохтинъ и Тартюфовъ, такіе мерзавцы, что ихъ ни въ какое порядочное общество пускать нельзя?» сказала она. «Нѣтъ, вы мнѣ не вѣрили. Вы все хотите дѣлать по своему. Вотъ тепѣрь, чѣмъ вы оправдаетесь передъ тетушкою Прасковьею Васильевною? Поблагодаритъ она васъ, что такъ хорошо угостили и успокоили вы Софью Васильевну! И какой срамъ: что будутъ го-

ворить объ этомъ? Меня никто не обвинить; сама Софья Васильевна заступится за меня. Но посмотримъ, чѣмъ-то *вы* оправдастесь!» прибавила она съ торжествующимъ видомъ. Оедосья молчала, и плакала отъ досады.

Въ жилищѣ Кирбитовой была во всемъ большая разница противъ жилья Весталковыхъ. Старинныя мебели ея содержались въ чистотѣ; вездѣ видно было какое-то пріятное единообразіе и порядокъ. Кирбитова, по небольшому состоянію своему, должна была во многомъ отказывать себѣ; но такъ у нея все было хорошо устроено, что Софья нѣчего было желать лучше. Хозяйка умѣла отдать справедливость Софьѣ, не обременяла ее безпрестанными извиненіями на недостатокъ того или другаго, и не перемѣнила ни въ чемъ обыкновеннаго образа жизни своей.

«Располагайтесь, какъ вамъ хочется» — сказала она Софьѣ. — «Почитайте мой домъ вашимъ собственнымъ. Я увѣрена, что вы

примете это не за обыкновенный комплиментъ, а точно за настоящее предложеніе, которое дѣлаю вамъ отъ чистаго сердца. Я не богата, не имѣю средствъ угостить васъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось; но, кажется, если я не ошибаюсь, вы на самомъ опыть увѣритесь, что и въ бѣдномъ состояніи можно прожить спокойно и счастливо.» Софья пробыла три дня у Кирбитовой, до возвращенія Свѣжской, и на самомъ опыть испытала истину этихъ словъ. Она пользовалась въ полной мѣрѣ свободою и спокойствіемъ въ мирномъ жилищѣ новой своей знакомки.

ГЛАВА III.

« Weiber die man sieht, sind doch mehrentheils
« weniger gefährlich, als die Weiber an die
« man denkt.»

ZIMMERMANN.

« Женщины, которых мы видимъ, не столь-
« ко опасны, какъ тѣ, о которыхъ думаемъ.»

Циммерманъ.

Чадскій удалился изъ Москвы, въ надеждѣ, что уединеніе, время и отсутствіе изгладятъ изъ сердца его любовь къ Софьѣ. Хотя онъ былъ въ службѣ, но состоялъ по кавалеріи, и имѣлъ право располагать

собою. Изъ Москвы поѣхалъ онъ къ себѣ въ деревню. Жизнь въ деревнѣ, одинокая зимою, и для всякаго непріятна, тѣмъ болѣе она была тягостна для человѣка, привыкшаго къ лучшему обществу столицы. Отъ нѣчего дѣлать, Чадскій слушалъ разнообразныя анекдоты и исторіи отъ прикащицы своей, о житьѣ бытѣ старой барыни (такъ называла она покойную его мать), курилъ трубку, бесѣдовалъ съ прикащикомъ, выслушивалъ просьбы, простилъ крестьянамъ многія недоимки, начиналъ читать нѣсколько книгъ, и училъ свою лягавую собаку. Но черезъ нѣсколько дней все это навело на него нестерпимую тоску. Онъ уѣхалъ къ сестрѣ своей. Однакожъ, надежда его не свершилась; образъ Софьи не глаживался изъ его сердца, и страсть къ ней еще болѣе усиливалась: Софья безпрестанно представлялась его воображенію, въ особенности-же у сестры, которая была счастлива въ супружествѣ своемъ. Нѣсколько

миленькихъ дѣтей увеличивали ся семейное благополучіе. Смотри на нихъ, Чадскій еще болѣе бѣсился на Угарова. «Можно-ли равнодушно перенести, что этотъ негодяй предупредилъ меня!» думалъ Чадскій. «Можно-ли повѣрить, чтобы Софья, совершенство красоты и любезности, отдала сердце свое такому ничтожному человѣку?» Все это приводило его въ большое уныніе. Сестра, замѣтивъ грусть его, просила быть съ нею откровеннымъ. Онъ признался въ любви своей къ Софьѣ, и показалъ записку Угарова, отданную ему Графиней Хлестовою. Сестра, прочитавъ эту записку, просила, чтобы онъ подробнѣе разсказалъ о сношеніяхъ своихъ съ Софьею и образъ ея жизни. Выслушавъ все, она сказала ему: «Я не знаю твоей Софьи, но, послѣ всего слышаннаго, увѣрена, что Графиня Хлестова воспользовалась твоимъ легковѣріемъ и безсовѣстно обманула тебя. Прочитай самъ, со вниманіемъ и хладнокровіемъ, записку. Въ-

роятно-ли, чтобы дѣвушка, которую такъ ты описалъ, могла имѣть интригу съ ничтожнымъ и глупымъ мальчишкою? Да и почему ты увѣренъ, что эта записка писана точно къ ней? Посмотри самъ, часть листа, на которой былъ адресъ, оторвана. Притомъ-же Софья Холмская живетъ въ домъ тетушки Прасковьи Васильевны, и пользуется—чего ты мнѣ не сказывалъ, но что я знаю—не только покровительствомъ, но и дружбою этой почтенной женщины. А Хлестова открыла тебѣ ея интригу! Тетушка, можетъ быть, изъ состраданія приняла-бы къ себѣ Софью, но не могла-бъ быть въ дружеской связи съ нею. Разсуди самъ: Хлестова всѣмъ извѣстна. Можно-ли ей вѣрить?»

Какъ громомъ пораженъ былъ Чадскій основательнымъ и справедливымъ сужденіемъ сестры. Онъ удивлялся, какъ все это прежде не пришло ему въ голову. По своей пылкости и нетерпѣливости, онъ въ ту-же минуту рѣшился ѣхать, оты-

скать Угарова, и отъ него самого узнать развязку. Тщетно уговаривали его зять и сестра остаться хотя до завтрашняго утра, представляя, что ночью, по проселочной дорогѣ, онъ можетъ сбиться и ночевать гдѣ нибудь въ оврагѣ. Чадскій не внималъ ни чему, и въ ту же ночь отправился прямо въ полковую квартиру того полка, въ которомъ служилъ Угаровъ.

Полковой командиръ былъ сослуживецъ и хорошій пріятель Чадскаго. Онъ удивился, когда Чадскій спросилъ у него объ Угаровѣ. «На что тебѣ этого шалуна? И какія сношенія можешь ты имѣть съ нимъ?» — сказалъ Полковникъ. — Мнѣ сейчасъ должно видѣться съ Угаровымъ. Вотъ все, что могу сказать тебѣ — отвѣчалъ Чадскій. «Теперь здѣсь нѣтъ его: нѣсколько дней тому назадъ освобожденъ онъ изъ-подъ ареста съ полковой гауптвахты, которая бываетъ почти всегдашнее мѣсто его жительства. Мнѣ досадно, что я велѣлъ его выпустить. Если-бы я зналъ, что те-

бъ такая нужда видѣться съ нимъ, то продержаль-бы его еще здѣсь. Теперь онъ высланъ въ деревню, въ свой взводъ, верстъ за 40 отсюда, съ строжайшимъ подтвержденіемъ ни куда не выбѣжать. Эготъ шалунъ выводитъ меня изъ всякаго терпѣнія: я насилу могъ уговорить корпусъ офицеровъ, чтобы простили его въ послѣдній разъ. Уже была готова подписка о представленіи его, за дурное поведеніе, въ отставку.»

Чадскій позавтракалъ; лошадей привели; онъ тотчасъ отправился въ деревню, гдѣ стоялъ взводъ Угарова. Узкая, проселочная дорога приводила въ бышенство нетерпѣливаго Чадскаго. Онъ сердился, и внутренно клялся непременно вызвать Угарова на дуэль, если откроется, что онъ точно въ интригѣ съ Софьею. Но тщетно бранился онъ на извозчика, и поуждалъ ѣхать скорѣе: пристяжные безпрестанно вязли въ снѣгу; наконецъ, должно было отпречь ихъ и ѣхать гуськомъ.

Непривыкшія къ такой ѣздѣ, почтовые лошади поминутно сбивались съ дороги, и уже начинало смеркаться, когда Чадскій совершилъ свое путешествіе: 40 верстъ казались ему 500-ми. Онъ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи, и если-бы въ это время попался ему Угаровъ, то не такъ-то легко отдѣмался-бы отъ него. Гусарь, ѣхавшій проводникомъ впереди, въ крестьянскихъ санихъ, провелъ его прямо къ корнетской квартирѣ.

Откидная повозка Чадскаго, медвѣжья шуба, красная шаль, повязанная на шеѣ, бѣлая фуражка, два колокольчика на дугѣ—все это произвело большое волненіе въ деревнѣ. Отъ роду не видывали тамъ подобныхъ рѣдкостей. Бабы и мальчишки сбѣжались смотрѣть, и Чадскій вышелъ изъ повозки окруженный большою толпою. Старшій слуга Угарова, родъ дядьки, приставленнаго къ нему матерью, встрѣтилъ Чадскаго у воротъ. «Здѣсь-ли стоитъ корнетъ Угаровъ?» — Здѣсь, Ваше

Превосходительство!—отвѣчалъ оторопѣвшій слуга. «Дома-ли онъ?»—Никакъ нѣтъ-съ, В. Пр.! Онъ изволилъ пойдти на взводную конюшню!—«Пошли сей часъ за нимъ!» Гусарь, вѣстовой, давно побѣждалъ отыскивать его.— Не угодно-ли, В. Пр., взойдти въ избу, погрѣться? — «Хорошо; только вели поскорѣе отыскать своего барина.»

Чадскій вошелъ въ избу, снялъ шубу свою и съ нетерпѣніемъ началъ ходить; но пространство было не слишкомъ велико, и у него закружилась голова. Между тѣмъ становилось уже темно. Камердинеръ Чадскаго вынулъ изъ повозки восковую свѣчку, съ дорожнымъ подсвѣчникомъ, зажегъ и поставилъ на столъ. Чадскій опять сталъ ходить по избѣ, и опять закружилась у него голова. Отъ нѣчего дѣлать онъ началъ разсматривать украшенія корнетскаго жилища, и увѣрился, что *хозяинъ не великій господинъ*. На окнахъ стояло нѣсколько глиняныхъ трубокъ, съ длинными чубуками, безъ

мундштуковъ; на стѣнѣ висѣли сабля, ташка, завернутая въ бумагу, и киверъ. Большой крестьянскій столъ исписанъ былъ мѣловыми цыфрами; видно было, что на немъ недавно только окончилось картежное побоище. Табачной золы также еще не успѣли смести со стола. Красная ермолка, шлафрокъ и Турецкіе желтые сапоги лежали на тюфякѣ, покрытомъ изодраннымъ ситцевымъ одеяломъ. Въ головахъ постели стояла шкатулка, и на ней хранилась вся библіотека Угарова, то есть: нѣсколько рукописныхъ, извѣстныхъ гусарскихъ стиховъ, какъ то: *Въ дымномъ полѣ, на бивакѣ*, проч., рекрутская школа о шеренговомъ ученѣ, командныя слова взводнаго офицера, и два или три Французскіе романа Пиго-Лебрёня.

Между тѣмъ слуга Угарова не зналъ, что ему дѣлать. Мундирный сюртукъ, большіе эполеты, кресты, а болѣе всего высокій ростъ и сердитый видъ Чадскаго, приводили его въ изумленіе. Онъ не

могъ понять: за чѣмъ приѣхалъ къ нимъ этотъ Генераль? Наконецъ, онъ осмѣлился подойти къ приѣзжему съ вопросомъ. Не прикажете-ли, Ваше Превосх., чаю съ дороги-съ? — Хорошо. Дай чаю. Да гдѣ-же твой баринъ?—«Вѣстовой еще не отыскалъ его, Ваше Превосх. Но онъ вѣрно сей часъ будетъ.» Послѣ этого слуга сталъ разводить огонь, и поставилъ на него чайникъ; но согласіе Чадскаго пить чай, привело добраго старика въ большое затрудненіе, потому, что у нихъ не было ни чаю, ни сахару, ни рому. Все было выпито, а купить, хотя-бы и нашлись деньги, въ которыхъ баринъ его имѣлъ всегдашній недостатокъ, въ деревнѣ было нѣгдѣ. Онъ сдѣлалъ предложеніе, въ надеждѣ, что Чадскій откажется, а теперь не зналъ какъ быть! Рѣшился было налить въ фаянсовой чайникъ воды, разбить его, какъ будто ненарочно, и чрезъ пожертвованіе чайникомъ спасти отъ посрамленія честь своего барина, скрывъ,

что у него въ домѣ недостатокъ во всемъ; но вдругъ вздумалось ему подняться на хитрость, и испытать еще одно средство. Онъ пошелъ къ камердинеру Чадскаго. «Съ чѣмъ кушаетъ вашъ баринъ чай?» спросилъ онъ у него.—Со сливками.—«Какъ жаль! А у насъ прекрасный ромъ: я хотѣлъ бымо поподчивать его. Да кстати: какой чай онъ кушаетъ?»—Обыкновенно, черный.—«Ахъ Боже, мой! Черный у насъ весь вышелъ, а остался самый лучший цвѣточный, зеленый. Баринъ мой купилъ по 20 рублей фунтъ: самъ большой охотникъ до него, и подчиваетъ имъ гостей своихъ.»—Бѣда не велика, что у васъ нѣтъ чернаго чаю—отвѣчалъ камердинеръ.—Согрѣй только воды и достань хорошихъ сливокъ. У насъ есть все свое.—Съ этими словами, онъ вынулъ дорожный погребецъ изъ повозки. Слуга Угарова, въ восторгъ, что такъ удачно выпутался изъ затруднительнаго положенія, выпросилъ у хозяйки самыхъ густыхъ сливокъ.

Нѣсколько чашекъ чаю, выпитыхъ Чадскимъ, который порядочно прозябъ дорогою, немного успокоили его. Но онъ опять взбѣсился, и чуть не прибиль вѣстового, возвратившагося съ извѣстіемъ, что помѣщикъ Рубакинъ присылалъ за Угаровымъ сани, тройкою, и что Угаровъ, прямо съ конюшки, уѣхалъ къ нему въ деревню. «Какой Рубакинъ, и гдѣ? Сей часъ пошлите туда за нимъ!» вскричалъ Чадскій, вскочивъ съ скамейки.—Сей часъ, Ваше Превосходительство!—отвѣчалъ слуга.—Мы вытребуемъ у старосты подводу и пошлемъ гусара за бариномъ.—«Далеко-ли это, отсюда?» — Не такъ далеко, В. Пр., всего верстъ 7-мъ или 8-мъ.—«Да когда-же онъ будетъ?» — Сей часъ, В. П.! Сію минуту мы вытребуемъ подводу — отвѣчалъ испуганный слуга.

«Богъ знаетъ, когда онъ придетъ», думалъ Чадскій. «При томъ-же, если ему скажутъ, что я приѣхалъ и требую его къ себѣ, то онъ догадается, и выдумаетъ что

нибѣдь, чтобы скрыть интригу свою съ Софьей, съ которою онъ, можетъ быть, въ перепискѣ. Мнѣ надобно напасть на него въ распложъ, и не дать ему времени одуматься. Сей часъ самъ повѣду къ этому Рубакину!» Вздумать, рѣшиться, исполнить, нужно было Чадскому только одно мгновеніе. Лошадей изъ его повозки еще не успѣли отпречь. Онъ надѣлъ шубу, посадилъ вѣстоваго къ себѣ на блучокъ, показывать дорогу, подарилъ попавшуюся ему первую десяти-рублевую ассигнацію слугѣ Угарова, и, не смотря на то, что ночь была темная, и начиналась мятель, отправился въ путь. Извозчикъ сталъ было отговариваться, представлять, что лошади устами, что позомокъ заметасть дорогу, и они могутъ сбиться съ пути; но Чадскій обѣщалъ ему четверные прогоны. Этого было достаточно для убѣжденія извозчика. Русскій народъ часто пускается во всякія опасности на *авось*. Это слово важное въ

нашемъ языкѣ. Извозчикъ ударилъ по лошадямъ.

Хотя странствователи нѣсколько разъ сбивались съ дороги, однокожъ доѣхали благополучно. Одно только было приключеніе: при въѣздѣ въ деревню завязли они въ снѣгу, нанесенномъ въ околлицѣ, и насилу, съ пособіемъ людей Рубакина, за которыми Чадскій долженъ былъ посылать, выбились изъ сугроба. Между тѣмъ Чадскій вспомнилъ, что фамилія Рубакинъ какъ-то ему знакома.—Неужели это онъ, тотъ отчаянный, храбрый повѣса — думалъ Чадскій — который служилъ у меня въ эскадронѣ, во время кампаніи 1812-го года? Хорошъ я буду, ежели это точно онъ, и я застану у него старинную гусарскую попойку! — Чадскій зналъ, что если это знакомый ему Рубакинъ, то трезвый, онъ славный, умный, пріятный мальчикъ. Онъ былъ преданъ Чадскому и любилъ его. Но когда онъ подпывалъ, то такого буяна и забіяки не

было, навѣрно, во всѣхъ друзьяхъ минувшихъ лѣтъ, во всѣхъ гусарахъ коренныхъ. Не смотря на то, что Рубакинъ оказывалъ отличную храбрость въ военное время, онъ былъ несносенъ, когда полкъ стоялъ на квартирахъ. Безпрестанныя жалобы и непріятности заставили наконецъ полковаго командира попросить его оставить полкъ.

Повозка подъѣхала къ крыльцу. Все было освѣщено. Пѣсельники, пляски крестьянскихъ бабъ, хохоть, шумныя восклицанія гуляющихъ уже были слышны Чадскому. Узнавъ отъ вѣстоваго, что этотъ Рубакинъ точно прежде служилъ въ гусарахъ, Чадскій думалъ воротиться, но уже было поздно. Хозяинъ слышалъ колокольчикъ; люди, помогавшіе выбиваться изъ сугроба въ околицъ, успѣли уже сказать ему, что какой-то баринъ, съ усами, и въ медвѣжьей шубѣ, завязъ было въ снѣгу, и онъ послалъ просить его къ себѣ. «Укрыться» думалъ Чадскій, «уже

теперь не лъзя. Если я поѣду ночевать на крестьянскій дворъ, то онъ тамъ отыщеть меня, и это будетъ еще гораздо хуже.» По необходимости долженъ былъ Чадскій рѣшиться вступить въ общество веселящихся гусаровъ, отъ котораго давно было отвыкъ.

ГЛАВА IV.

« Ну, скорѣе: трубку дай,
« Ставь бутылки передъ нами,
« Всѣхъ друзей сюда сзывай,
« Съ закрученными усами!
« Чтобы хорошъ здѣсь гремѣть
« Эскадронъ гусаръ летучихъ;
« Чтобы до неба взлетѣть
« Я на ихъ рукахъ могучихъ;
« Чтобы стѣны отъ ура
« И тряслись и трепетали. . . .

Гусарскій пиръ, Д. В. Давыдова.

«Какъ это? Не во снѣ-ли я вижу? Это вы, старый мой командиръ, вы, Александръ Адреевичъ?» вскричалъ Рубакинъ, бросившись цѣловать Чадскаго, который съ состраданіемъ смотрѣлъ на него: онъ

такъ перемѣнился, состарѣлся и потом-
стѣлъ, что его съ трудомъ можно было
узнать. Красный носъ, прыщики, багров-
вый цвѣтъ лица, все, все показывало, что
онъ продолжалъ съ такимъ-же усердіемъ
служить Вакху, какъ и прежде. Въ осо-
бенности замѣтно было, что теперь онъ
принесъ ему обильную жертву.

«Какими судьбами вижу я васъ здѣсь,
у себя въ домѣ?» продолжалъ Рубакинъ,
поправляя, по давнишней привычкѣ, за-
крученные, чернобурые съ просѣдью усы
свои. «Вотъ, пословица справедлива: гора
съ горой не сойдется, а человѣкъ съ че-
ловѣкомъ когда нибудь свидится. Мнѣ
Богъ привелъ принимать у себя въ до-
мѣ, въ день моихъ именинъ, почтеннаго
моего стараго отца и командира. Жена,
дѣти! сюда! Посмотрите, какого Богъ
далъ намъ нежданнаго гостя!» Женщина
довольно молодая и пріятной наружно-
сти, но блѣдная и худая, подошла къ
нимъ. «Рекомендую вамъ жену мою. Мы

такъ давно съ вами не видались, что я успѣлъ жениться и нажить дѣтей. Эй, Боринька! вытянись и кричи: здравія желаю, Ваше Высокоблагородіе!»

Хорошенькій мальчикъ, лѣтъ шести, одѣтый въ красную, гусарскую курточку, съ золотыми шнурками, подошелъ къ Чадскому. Онъ взялъ его на руки и расцѣловалъ; женѣ своего сослуживца успѣлъ онъ также сказать нѣсколько привѣтствій. Но Рубакинъ не умѣлъ долго мѣшкать. «Шампанскаго!» закричалъ онъ. Чадскій видѣлъ, что попалъ въ бѣду. Ему не хотѣлось объяснять настоящей причины своего посѣщенія, и онъ выдумывалъ средства избавиться отъ питья.

«Я ѣду въ деревню къ сестрѣ, изъ Москвы,» сказалъ онъ Рубакину, «сбился съ дороги, и очень радъ, что попалъ нечаянно къ старинному товарищу. Если бы я зналъ, что ты такъ близко живешь, то нарочно-бы заѣхалъ.» Въ это время подали большой бокалъ Шампанскаго. «По-

слушай, любезный другъ,» сказалъ Чадскій, «одинъ бокалъ я выпью, на радости, что такъ нечаянно свидѣлся съ старымъ товарищемъ; но, пожалуйста, больше не принуждай меня. Ты знаешь, что я никогда не могъ много пить, а особенно не могу теперь; послѣ моей тяжелой раны мнѣ именно запрещено.»

— Ежели такъ, то Богъ съ вами! Я знаю, что вы и прежде бывали плохимъ гусаромъ въ нашемъ веселомъ обществѣ; за то, помню, какъ всегда были вы молодцомъ въ атакѣ. «Впереди всѣхъ, какъ свѣчка, нашъ эскадронный командиръ!» говорили гусары, которые безъ памяти любили васъ. Я помню, когда вы были ранены, и самъ я въ тоже время получилъ этотъ значекъ (показывая рубецъ на своей щекѣ). Помню, что вы упали съ лошади, и Польскій уланъ хотѣлъ доканать васъ; но мы всѣ бросились спасать любезнаго начальника. Улана не стало въ минуту на семь свѣтъ, и васъ на плечахъ

вытащили мы съ мѣста сраженія. Господа! — продолжалъ Рубакинъ, обращаясь къ гостямъ своимъ — вотъ Полковникъ Чадскій, о которомъ я такъ часто разсказывалъ вамъ: это онъ самъ. Ура! подымай его на руки; давай качать по гусарски! — Съ этими словами офицеры бросились и подняли Чадскаго на руки. Пѣсельники запѣли: «А дай, Боже, здравствовать командир-то нашему!» Всѣ Офицеры, вмѣстѣ съ пѣсельниками, закричали: ура! ура! и восклицанія ихъ слышны были въ отдаленныхъ избахъ. Въ Чадскомъ еще кипѣла гусарская кровь, и воспоминаніе о прежней веселой жизни въ кругу добрыхъ товарищей не совсѣмъ еще исчезло. Онъ былъ тронутъ, и когда перестали его качать, то, поднявъ вверхъ бокаль съ Шампанскимъ, почти со слезами сказалъ онъ: «Благодарствуйте, благодарствуйте, господа! За здоровье ваше!» Чадскій выпилъ бокаль до дна, опрокинулъ его, какъ водится по гусарски, на голову, по-

гремѣль имъ по пуговицамъ, и съ улыбкою сказалъ: «Жаль, что сапоги мои безъ шнуръ, а то по гусарски надобно-бъ было и окончить.» — За этимъ дѣломъ не станетъ! — прервалъ его Рубакинъ, выхватилъ бокалъ и разбилъ въ дребезги, бросивъ на полъ. — Ура! ура! раздалось вновь. Чадскій вынулъ бумажникъ, и подарилъ пѣсельникамъ сто рублей. Новое: ура! было изъявленіемъ ихъ благодарности.

Все по немногу начало успокоиваться. Офицеры, игравшіе въ карты, отошли къ мѣстамъ своимъ. Чадскій, чтобы отдѣлаться отъ питья, сказалъ хозяину, что онъ давно не слыхалъ Русскихъ пѣсень, и, желая отвлечь его вниманіе отъ себя, подошелъ къ пѣсельникамъ. «Спойте, ребята, ежели знаете, мою любимую пѣсню: *За горами, за долами, Бонапарте съ плясунами*» — сказалъ онъ имъ. — Какъ не знать, Вице Высокоблагородіе! — отвѣчалъ запѣвало, и тотчасъ началъ эту лучшую изъ всѣхъ народныхъ и солдатскихъ пѣ-

сень, сочиненныхъ въ 1812-мъ году. Тутъ куда-то отозвали хозяина, и къ Чадскому подошелъ старый гусарскій офицеръ, съ съдыми усами. «Узнаете-ли вы меня?» сказалъ онъ. «Давно уже вы не видали меня и вѣрно забыли: я Храбренько, бывшій Вахмистромъ въ вашемъ эскадронѣ.» — Какъ: это ты? Здравствуй. здравствуй, любезный мой! Но ты, братъ, такъ постарѣлъ, что насилу можно узнать тебя. Какъ поживаешь? — «Я уже дослужился до чина Ротмистра, переведенъ въ этотъ полкъ, и команду теперь эскадрономъ; квартира моя въ здѣшнемъ селѣ.» — Слава Богу! Очень радъ, что встрѣтился съ тобою. Но смотри, братъ, не забывай своего прежняго обѣщанія: переѣхать ко мнѣ, когда захочешь оставить службу. Мой домъ, все содержаніе и пансіонъ до конца жизни—ты обѣщался все это принять отъ меня.—«Я въ вѣкъ милостей вашихъ не забуду,» отвѣчалъ Храбренько. — Да знаете-ли, Александръ Андреевичъ » —

прибавилъ онъ — «что у насъ въ полку есть еще старѣйшій вашъ знакомый, Левъ Федоровичъ Пальмирскій, котораго вы записали въ службу, и вывели скоро въ офицеры? Онъ уже теперь Маіоръ. Его произвели при послѣднемъ смотрѣ, въ манѣврахъ, за отличное состояніе его эскадрона, съ переводомъ къ намъ въ полкъ. Онъ часто воспоминаетъ объ васъ и страстно васъ любитъ. Эскадронъ его верстахъ въ 20-ти отсюда; я сей часъ пошлю къ нему, и онъ вѣрно завтра къ свѣту явится сюда.» — Какъ! Девушка Пальмирскій такъ близко?—вскричалъ Чадскій. — Пожалуста пошли, братъ, поскорѣе. Я страхъ какъ радъ буду видѣть его.—Храбренько тотчасъ приказалъ одному изъ пѣсельниковъ отправиться къ Пальмирскому, взявъ лошадь и сани съ его конюшни. «Какъ время летитъ! — продолжалъ Чадскій. — Давно-ли, кажется, онъ былъ мальчикъ Девушка, и ты училъ его ѣздить верхомъ? Экіе, братъ, мы старики съ тобою! Но

пока, по старой дружбѣ, помощи мнѣ какъ нибудь вырваться отсюда. Я право совсѣмъ отвыкъ отъ питья; у меня и съ одного бокала голова кружится, а я знаю, что отъ Рубакина однимъ бокаломъ не отдѣлаешься.» — Подождите немного—отвѣчалъ Храбренокъ.—Онъ теперь не то, что бывалъ въ старину: гораздо сталъ слабѣе. Еще одинъ, или два стакана пуншу, и онъ свалится, какъ снопъ. Ухвать теперь невозможно: онъ тотчасъ хватится, разбранитъ, и, можетъ быть, съ пьяна еще брызнетъ свою бѣдную жену, за то, что не умѣла удержать васъ, а самъ, со всеми пѣсельниками, поѣдетъ васъ отыскивать. Вотъ что надобно дѣлать: когда вамъ будутъ подносить, то чтобы не разсердить Рубакина, берите. Я стану заслонять васъ, а вы становите на окно, или отдавайте пѣсельникамъ. Онъ такъ пьянъ, что ничего не замѣтитъ. — Чидскій поступалъ по совету Храбреньки. Между тѣмъ онъ просилъ показать ему:

который изъ офицеровъ корнетъ Угаровъ Ему указали, сидѣвшаго за картами молоденькаго офицерики, не дурнаго собою, но уже весьма пьянаго. «И это мой соперникъ!» подумалъ Чадскій. «Сестра права не можетъ быть, чтобы Софья была въ интригъ съ нимъ.»

Вскорѣ явился Рубакинъ, и за нимъ человекъ съ подносомъ, на которомъ стояло нѣсколько стакановъ пуншу. «Отецъ и командиръ, Александръ Андреевичъ! выпейте еще хотя одинъ стаканчикъ; болѣе просить не буду!» — Ей Богу, никакъ не въ силахъ—отвѣчалъ Чадскій.—«Сдѣлайте одолженіе.»—Право не могу.—«Жена! дѣти!»—закричалъ Рубакинъ—«сюда: становитесь на колѣни, и просите Александра Андреевича, чтобы выпилъ.» При этихъ словахъ, онъ самъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни. Чадскій удержалъ его. «Полно, братецъ, полно!» Зная однакожь, что отъ него ничѣмъ отдѣлаться не лзя, Чадскій сказалъ: «Пуншу, во-

ля твоя, никакъ пить не могу, а ежели непременно требуешь, то дай рюмку какогонибудь вина.» — Право пуншъ лучше! — отвѣчалъ Рубакинъ. — Но, такъ и быть: выпейте хотя еще стаканъ Шампанскаго, или... постойте: у меня есть заповѣдная наливка! Сей часъ самъ принесу!

Чадскій думалъ воспользоваться его уходомъ, и, полагая, что онъ съ-пьяна все перезабудеть, поручилъ Храбренькѣ заговорить его и удержать въ залѣ, а самъ пошелъ къ дамамъ, въ диванную. Онъ надѣялся въ кругу ихъ найти убѣжище, подошелъ къ нимъ, и сѣлъ подле жены Рубакина. Разговаривая съ нею, Чадскій увѣрился, что она очень порядочная женщина, хорошо воспитана и, слѣдовательно, ведетъ несчастную жизнь съ такимъ пьяницею.

Но хитрость Чадскаго не удалась. Тщетно Храбренько хотѣлъ заговорить Рубакина, и самъ выпилъ съ нимъ по боль-

шой рюмкѣ наливки. Онъ помнилъ, что хотѣлъ подчивать Чадскаго, и пошелъ отыскивать его. — «Выкушайте, Александръ Андреевичъ!» сказалъ онъ. «Это чудо: вы отъ роду не пивали такого нектара. И называется-то *птичье* молоко. Попробуйте только: сами еще попросите.» Безполезны были всѣ отговорки. Жена Рубакина хотѣла было также убѣждать мужа не принуждать Чадскаго. Но это посредничество до такой степени взбѣсило его, что онъ бросился бить ее. Чадскій поспѣшилъ вынѣсть, чтобы успокоить его и избавить жену отъ побоевъ. Рубакинъ былъ доволенъ, и самъ выпилъ за здоровье Чадскаго; но вскорѣ послѣ того упалъ на полъ, безъ чувствъ.

Всѣ дамы, и въ особенности жена его, перепугались до чрезвычайности: она плакала, и не знала что дѣлать. Чадскій позвалъ людей; подняли Рубакина и отнесли на постелю. Между тѣмъ Чадскій велѣлъ подать уксусу и холодной воды;

намочили ему голову и терли виски. Онъ вскорѣ очнулся и сталъ по немногу говорить. Ему было чрезвычайно совѣстно передъ Чадскимъ: называя его Петромъ Евдокимовичемъ, онъ просилъ у него прощенья, и хотѣлъ цѣловать его руки. Чадскій совѣтовалъ ему успокоиться и заснуть, а самъ, вскорѣ послѣ этого, вмѣстѣ съ Храбренкою, уѣхалъ отъ него.

Храбренко уступилъ Чадскому свою квартиру, и самъ ушелъ въ другую избу. По жилищу бывшаго своего Вахмистра, Чадскій видѣлъ, что хозяинъ также не великій господинъ. Но, по крайней мѣрѣ, все было у него чисто, изба бѣлая и просторная. Каммердинеръ Чадскаго постлалъ своему барину дорожный его тюфякъ; онъ закурилъ трубку, и вскорѣ крѣпко заснулъ, утомленный дорогою и гусарскою гулянкой.

ГЛАВА V.

«La corruption du cœur est la source de
« nos erreurs.»

ВАРТЕЛЕМУ.

«Развращеніе сердца есть источник на-
« шихъ заблужденій»

ВАРТЕЛЕМУ

Съ вечера приказалъ Чадскій своему
Каммердиннеру, на другой день рано, оты-
скать и пригласить къ нему Угарова.
Лишь только онъ проснулся, ему до-
жили, что Угаровъ его дожидается. Онъ

тотчасъ велѣлъ позвать его къ себѣ. «Вашей-ли руки эта записка, и къ кому вы ее писали?» сказалъ Чадскій, съ сверкнувшими отъ гнѣва глазами, лишь только Угаровъ успѣлъ войти къ нему. — Моя, сударь — отвѣчалъ Угаровъ, изумленный такою встрѣчею. — «Къ кому вы ее писали? Извольте говорить правду!» повторилъ Чадскій грознымъ голосомъ. — Помилуйте, Полковникъ, я не намѣренъ васъ обманывать. Но ежели вамъ угодно узнать что нибудь отъ меня, то прошу васъ перемѣнить тонъ. — «Извините!» сказалъ Чадскій, насилу удерживая бышенство свое. «Я васъ прошу сказать: ваша-ли эта записка, и къ кому вы ее писали?» — Я имѣлъ честь объявить вамъ, что записка моя. Исторія эта гласна въ здѣшнихъ мѣстахъ. Я писалъ къ Графинѣ Софѣ Хлестовой. — «Какъ! къ Графинѣ Софѣ Хлестовой?» вскричалъ Чадскій, внѣ себя отъ радости, и чуть не бросившись цѣловать Угарова. «Ахъ, Боже мой! какъ я

глупъ: она сама при мнѣ называла ее Соничкою, а я не могъ догадаться!... Извините, что я васъ обезпокоилъ!» продолжалъ онъ. «Такъ эта записка точно къ Графинѣ Софѣ Хлестовой?» — Точно къ ней. Былъ молодцу не укора — отвѣчалъ Угаровъ ободрившись. — Вы, Полковникъ, еще сами молоды, и съ вами вѣрно тоже случалось. Графиня Хлестова родная племянница здѣшняго богатаго помѣщика, Князя Рамирскаго. Мы были всѣ приглашены на праздникъ къ нему. Вальсируя съ Графинею, я почувствовалъ, что она жметъ мнѣ руку, и этого было довольно. Я самъ тѣмъ-же отвѣчалъ; часъ отъ часу знакомилсъ мы съ нею короче, и стали даже передавать записочки другъ другу. Видно хозяйка замѣтила это, и, можетъ быть, нарочно занемогла; только намъ всѣмъ должно было отправиться отъ Князя Рамирскаго. На прощанье, подарила мнѣ Графиня вотъ это кольцо, и мы условились переписываться съ нею черезъ ея

горничную дѣвушку. Въ запискахъ нашихъ мы клялись другъ другу въ вѣчной вѣрности; но при первомъ свиданіи, въ саду, когда мы условливались было бѣжать, и тайно обвиняться, дядя ея подслушалъ насъ и внезапно явился. Мнѣ запретилъ онъ ѣздить къ нему въ домъ, жаловался на меня Полковнику, словомъ: самъ сдѣлалъ эту исторію гласною. Всякій въ здѣшнихъ мѣстахъ подтвердить все, что я вамъ рассказываю. Впрочемъ, я точно думалъ было жениться. Меня увѣряли, что Графиня богата; но послѣ я узналъ, что все имѣніе принадлежитъ ея матери, а у нея ничего нѣтъ. Она-же старѣе меня, и большой привлекательности не имѣетъ. Я оставилъ теперь мысль объ ней, и на нѣсколько писемъ, ея даже не отвѣчалъ.

«Вамъ сказали неправду,» возразилъ Чадскій повинувшись чувству мщенія, за то, что Хлестова такъ безсовѣстно обманула его. «Она богата, а напротивъ, ея мать

ничего не имѣеть. Мать все свое промотала, но у вашей Софьи отцовское большое состояніе. Женитесь на ней, милый мой! женитесь, если только можете возобновить прежнюю вашу связь.»—О! за этимъ дѣломъ не станеть—отвѣчалъ Угаровъ.

«Но что-жъ мы стоимъ? Садитесь, сдѣлайте одолженіе садитесь, любезный Г. Угаровъ! Эй, Вася!» сказалъ Чадскій камердинеру своему — «давай намъ чаю и трубокъ. Да послунай: извощикъ, который везъ насъ, здѣсь еще, или уѣхалъ?»—Еще здѣсь—отвѣчалъ Вася. Я ему заплатилъ четверные прогоны отъ послѣдней деревни сюда, а онъ говоритъ, что вы общались ему за всю станцію, отъ самаго города, и хочетъ самъ просить васъ. — «Онъ вретъ; но заплати ему, что требуетъ, только съ тѣмъ, что если его лошади отдохнули, то онъ долженъ везти меня и отсюда. Я сей часъ ѣду въ Москву. Укладывайся и вели запрягать.»

Чай и трубки были тотчасъ поданы. Въ это время вошелъ Храбренько, въ полномъ мундирѣ, съ рапортомъ и съ ординарцемъ. «Полно, старикъ, церемониться со мною,» сказалъ Чадскій, пожавъ ему руку. «Отпусти ординарца, сними съ себя киверъ, и садись пить чай съ нами.» Ординарцу Чадскій подарилъ рубль серебромъ.

Въ слѣдъ за симъ вошелъ Маіоръ Пальмирскій, за которымъ Храбренько посылалъ съ вечера. «Ахъ, милый Левушка!» вскричалъ Чадскій, бросившись цѣловать его. «Это ты? Какъ я радъ, что такъ нечаяно увидѣлся съ тобою!» Они оба нѣсколько разъ принимались цѣловать другъ друга. «Ну что, любезный другъ? Какъ поживаешь? Ты ни сколько не перемѣнился: такой-же свѣжій и краснощекій, какъ былъ прежде. А какъ давно не видались мы съ тобою.... Извини, братъ, что я называлъ тебя Левушкою. Теперь это уже не годится, но я такъ привыкъ,

что невольно вырвалось это, когда я увидѣлъ тебя.»

— Сдѣлайте милость и не отвыкайте. Называйте меня всегда Левушкою: это напоминаетъ мнѣ мою молодость, и то, чѣмъ я вамъ обязанъ. Я вѣкъ не забуду вашихъ одолженій.

«Э, полно, братецъ, какія одолженія! Ежели разобрать, то ты гораздо болѣе меня одолжалъ, чѣмъ я тебя. Ты всѣмъ заправлялъ, и все дѣлалъ въ моемъ эскадронѣ. Безъ тебя я совсѣмъ-бы пропалъ. А вмѣсто благодарности, еще я-же часто, по бышеному моему характеру, тебя бранивалъ, и ты по дружбѣ своей все сносилъ отъ меня. Вотъ ужъ мнѣ точно не лѣзя вѣкъ забыть кротости и терпѣнія твоего. Что, ты все такой-же служака, какъ былъ прежде? Я увѣренъ, что у тебя чудесный эскадронъ. Досадно, что нѣкогда мнѣ заѣхать полюбоваться, въ какомъ у тебя все порядкѣ!»

— Надобно отдать справедливость Льву Федоровичу — сказалъ Храбренько. — Ему достался худшій эскадронъ въ полку, но онъ, въ самое короткое время, такъ его поправиль, что узнать невозможно.

«Доставшійся мнѣ эскадронъ былъ недурень людьми и лошадьми,» отвѣчалъ Пальмирскій; — «но въ немъ все было до такой степени разстроено и избаловано, что повѣрить не лзя. Вообразите себѣ, Александръ Андреевичъ — вы сами долго служили и командовали эскадрономъ — слышали-ль вы когда нибудь такія проказы, какія дѣлалъ мой предмѣстникъ? Я не говорю уже о томъ, что для сбереженія аммуниціи, гусары его носили тулупы и кафтаны хозяевъ, у которыхъ они стояли. Но онъ еще принудилъ крестьянъ выстроить на ихъ счетъ особія конюшни и манежъ; бралъ у нихъ фуражъ даромъ; за провіантъ никогда ничего не платилъ; для своего стола собиралъ также все въ реквизицію, и за-

ставлялъ несчастныхъ крестьянъ, на ихъ-же собственныхъ лугахъ, косить ему сѣно; словомъ: онъ распоряжался какъ ему хотѣлось, а къ довершенію всего довелъ до того гусарь, что ни одинъ изъ нихъ, ни въ карауль, ни въ манежь, не ходилъ пѣшкомъ: для этого наряжались подводы. Напрасно крестьяне приносили нѣсколько разъ жалобы Исправнику. Всякій мѣсяцъ прибѣжалъ самъ Исправникъ въ тѣ деревни, гдѣ стоялъ эскадронъ, и, по предварительному условію съ предмѣстникомъ моимъ, принуждалъ крестьянъ подписывать квитанціи о добропорядочномъ квартирваніи. Мнѣ очень трудно было, когда я принялъ эскадронъ, разрушить этотъ *порядокъ* и растолковать гусарамъ, что мы стоимъ не въ завоеванной, непріятельской странѣ, а въ своемъ отечествѣ. И за всѣмъ тѣмъ, вообразите себѣ, что мнѣ теперь получать квитанціи гораздо затруднительнѣе, нежели моему предмѣстнику: дѣлиться съ Земскимъ Су-

домъ мнѣ не изъ чего, и черезъ это я терплю всѣ возможныя притѣсненія.»

— Хорошъ молодецъ! — сказалъ Чадскій. — Отъ роду не слыхивалъ я такихъ чудесъ, и, признаюсь, ежели-бы не ты говорилъ, то я никакъ-бы не повѣрилъ. Неужели все это даромъ сошло ему съ рукъ?

«Разумѣется, нѣтъ! — отвѣчалъ Пальмирскій. — Полковой Командиръ получалъ, въ свое время, положенныя квитанціи, жалобъ отъ Земскаго Суда никакихъ не было, такъ ему и въ голову не могло придти, чтобы такое грабительство совершалось, почти подъ его глазами. Когда онъ приезжалъ осматривать эскадронъ, то Вахмистръ отряжалъ унтеръ-офицера и нѣсколько гусаръ, чтобы не допускать до него крестьянъ. Нѣсколько мѣсяцовъ продолжались этѣ проказы. Но однажды, при въѣздѣ Полковника въ село, увидѣлъ онъ нѣсколько рядовыхъ, ѣдущихъ на

подводахъ. Остановленный имъ, одинъ изъ нихъ, поступившій недавно только изъ рекрутъ, чистосердечно объявилъ, что они ѣдутъ въ манежъ, и въ дальнѣйшихъ распросахъ выболталъ, что они въ манежъ и въ караулъ, и даже другъ къ другу по селу, ѣздятъ на крестьянскихъ подводахъ. Вы не можете повѣрить, до какой степени былъ взбѣшенъ Полковникъ! Тотчасъ призвалъ онъ Старосту, и собралъ сходку, на которой наконецъ все открылось ему. Послѣ того велѣлъ онъ сдѣлать, законнымъ порядкомъ, наистрожайшее изслѣдованіе, хотѣлъ представить о преданіи суду этого, какъ вы сказали, чудеснаго молодца, и единственно только по просьбѣ офицеровъ, и чтобы не разрушить отличія, которымъ пользуется нашъ полкъ, что у насъ никогда и никого нѣтъ подъ судомъ, согласился на то, чтобы эскадронный командиръ тотчасъ удовлетворилъ обывателей, и самъ подалъ въ отставку.»

Въ продолженіе этого разговора, Чадскій замѣтилъ, что Пальмирскій и Храбрено съ изумленіемъ смотрѣли на Угарова, сидящаго вмѣстѣ съ ними и курящаго трубку.

«Вы удивляетесь, что видите здѣсь Г-на Угарова?» сказалъ Чадскій. «Я пригласилъ его къ себѣ: мнѣ нужно было переговорить съ нимъ, и объясненіе наше благополучно кончилось. Послушайте меня, любезный Угаровъ: возобновите, если можно, то дѣло, о которомъ мы говорили» — продолжалъ Чадскій, сохраняя еще чувство мщенія къ Графинѣ Хлестовой, за клевету ея на Софью. Вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось ему еще болѣе увѣриться: точно-ли интрига Угарова такъ гласна, какъ онъ говорилъ ему? «У васъ въ полку этотъ Г-нъ Корнетъ молодецъ: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!»

— Да, и за побѣду свою еще просидѣлъ нѣсколько дней подъ арестомъ — сказалъ Храбрено, съ улыбкою, дога-

дываясь о чемъ идетъ дѣло, потому, что исторія Угарова точно была всѣмъ извѣстна. «Какъ?—возразилъ Чадскій.—Это несправедливо! За такія дѣла гусара не должно сажать подѣ арестъ. Видно, вашъ Полковникъ забылъ, что гусарь *прокля- тью* *предается*, если лошадь *осадитъ* или *миленькой плутовкѣ* *сердце даромъ подаритъ*. Какъ-же это было? Не ты-ли, старый грѣховодникъ, виновать въ этомъ?»—Точно я—отвѣчалъ усмѣхаясь Храбренко.—Г-нъ Угаровъ въ моемъ эскадронѣ; я командировалъ его съ бракованными лошадьми, а ему не хотѣлось опоздать на свиданіе. Мы съ нимъ повздорили: служба службою, а дружба дружбою. Я настоятельно послалъ его, а ему, чтобы не опоздать къ назначенному времени, вздумалось увѣрить Полковаго Адыютанта, что я не далъ ему описи лошадей. Полковникъ велѣлъ сдать лошадей пока въ Лейбъ-эскадронъ, и самому возвратиться домой, а мнѣ прислалъ выговоръ. Скоро все от-

крылось, и Г. Угаровъ погостилъ довольно долго на гауптвахтѣ.» Чадскій смѣялся; но Пальмирскій, съ важнымъ видомъ, оборотился къ Угарову.

«Вы опять напраказали!» — сказалъ онъ ему — «и теперь, можетъ быть, не такъ-то легко отдѣлаетесь. Не понимаю! Ежели вы не любите сами себя. то, по крайней мѣрѣ, хотя-бы вы пощадили стариковъ своихъ, отца и мать. Каково имъ будетъ видѣть васъ солдатомъ? А вы непременно этимъ кончите!» — Что такое? — спросилъ Чадскій. — «Вы хорошо сдѣлали, что скоро уѣхали отъ Рубакина — отвѣчалъ Пальмирскій. — Тамъ была порядочная комедія, и праздникъ его кончился очень непріятно. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, молодецъ хоть куда, прострѣленный насквозь, и нѣсколько разъ бывшій уже на смертномъ одрѣ отъ дуэлей, поссорился за картами съ однимъ помѣщикомъ, какимъ-то отставнымъ 14-го класса, Г-мъ Простаковымъ.

Слѣдствіемъ этой ссоры была полновѣсная пощечина Г-ну Простакову. Жена его упала въ обморокъ. Всѣ дамы перепугались, въ особенности-же бѣдная хозяйка, которая только было успокоилась, уложивъ спать пьянаго своего мужа. Къ счастью, бывший тутъ Маіоръ Любскій постарался кое-какъ прекратить шумъ, и не допустилъ до драки штатскихъ и помѣщиковъ съ нашими, а уже нѣкоторые изъ офицеровъ вынули было и сабли, и въ томъ числѣ изъ первыхъ Г. Угаровъ!»

— Помилуйте, Левъ Федоровичъ! Какъ же мнѣ было не заступиться за товарища?

«Эта непріятная исторія будетъ имѣть дурныя послѣдствія—продолжалъ Пальмирскій. — Любскій, проѣзжая въ городъ къ полковому командиру, разсказалъ мнѣ все происшествіе. Онъ предлагалъ кончить, какъ надобно между благородными людьми; обѣщалъ Простакову, что нашъ

офицеръ дать ему все преимущество передъ собою; предлагалъ, чтобы онъ первый выстрѣлилъ по немъ, а нашъ будетъ стрѣлять на воздухъ. Но все напрасно Секретарь Земскаго Суда сердить на Полковаго Командира, и подбилъ этого Простакова. Ему сочинили ужаснѣйшую просьбу. Любскій сказывалъ, что и вы, и Храбренко, поставлены въ свидѣтели. Это очень непріятно. Надобно постараться, чтобы васъ какъ нибудь не замѣшали въ эту исторію.» — Чего-же такъ бояться? — возразилъ Чадскій. — Насъ вѣдь не было. — «Это правда; но злоумышленные подьячіе способны ко всякой клеветѣ и кознямъ. Они могутъ запутать дѣло, и ввернуть такій крючекъ, котораго предвидѣть нельзя. Гораздо-бы лучше было, ежели-бы вашего имени совсѣмъ не упоминали. Штатскіе въ здышнихъ местахъ — прибавилъ Пальмирскій. — чрезвычайно злятся на нашего Полковника; но злоба ихъ дѣлаетъ ему честь. Онъ изобличилъ и вывелъ на-

ружу такіа злодѣйства, такіа ужасныя преступленія, которыя превышаютъ всякое вѣроятіе. Для примѣра, должно разсказать вамъ о нѣкоторыхъ подвигахъ бывшаго здѣсь Исправника. Кажется, нельзя вообразить себѣ, чтобы злоумышленность могла простирается до такой степени. Однажды, самъ Асмодей внушилъ ему мысль нажить нѣсколько десятковъ тысячъ рублей слѣдующимъ средствомъ. Отыскавъ двухъ собратовъ своихъ, такихъ-же злодѣевъ, какъ онъ самъ, командировалъ онъ ихъ въ лѣсъ, къ большой дорогѣ, и велѣлъ имъ сдѣлать нѣсколько нападеній на проѣзжихъ, такъ, чтобы разнесся слухъ по уѣзду о разбояхъ и грабежѣ. Послѣ этого онъ донесъ высшему Начальству, и просилъ воинской команды, въ пособіе къ поимкѣ разбойниковъ. Все тотчасъ было ему прислано. Онъ окружилъ лѣсъ командою, и, съ нѣсколькими людьми, подвергая жизнь свою опасности, какъ онъ доносилъ Губернатору,

отправился въ середину лѣса ловить. Разумѣется, разбойники его тотчасъ были пойманы и закованы. При допросахъ, которые были имъ дѣлаемы со всею возможною *справедливостію* и *безпристрастіемъ*, открывалось, какъ будто нарочно, что самые богатые и исправные обыватели въ уѣздѣ были *пристанодержателями*. Исправникъ тотчасъ посылалъ хватать ихъ, и представлялъ въ городъ скованныхъ, для очныхъ ставокъ. Тщетно доказывали эти несчастные совершенную невинность свою: ихъ до тѣхъ поръ держали въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, покуда они не представляли другихъ доводовъ, гораздо *краснорѣчивѣйшихъ* и *убѣдительнѣйшихъ*. Тогда открывалось, что они правы, и разбойники сознавались, что показывали ложно, или по *ошибкѣ*, или по *злобѣ* на нихъ. И новые, такіе-же пристанодержатели являлись на сцену. Съ ними поступали точно также. Такимъ образомъ весь уѣздъ былъ *обработанъ*, всѣмъ бо-

гатымъ обывателямъ досталось по-ровну, и кончилось тѣмъ, что разбойники какъ-то нечаянно бѣжали изъ тюрьмы, а Исправникъ приобрѣлъ черезъ-то нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Тѣми-же правилами руководствовался онъ въ слѣдствіяхъ о найденныхъ въ уѣздѣ мертвыхъ тѣлахъ. Это называлось здѣсь *стынокосомъ*. Исправникъ, Стряпчій и Уѣздный Лекаръ, какъ голодные, хищныя птицы, бросались на жертвы свои. Несчастные обыватели, у которыхъ во владѣніяхъ сыскивались мертвыя тѣла, старались, какъ нибудь потихоньку, свозить ихъ съ своей земли. Земскому Суду было это извѣстно: ихъ ловили, предавали суду и, обобравъ, оправдывали. Притомъ-же, вообще зажиточные крестьяне были непремѣнно замѣшаны при этихъ слѣдствіяхъ, и безъ представленія особыхъ, краснорѣчивыхъ доказательствъ никакъ оправдаться не могли. Подушныя деньги собиралъ Исправникъ также съ необыкновеннымъ искус-

ствомъ. Ежели не доставало хотя какой нибудь бездѣлицы для полной уплаты, то онъ настоятельно требовалъ ее, не принимая никакихъ отговорокъ. Никакія словесныя просьбы объ отсрочкѣ, хотя на короткое время, не принимались въ уваженіе: онъ угрожалъ сельскихъ начальниковъ заковать и посадить въ тюрьму. Но тотчасъ соглашался онъ на просьбы ихъ, получивъ лично себѣ въ подарокъ значительную часть денегъ, собранныхъ на подушныя, и тогда давалъ отсрочку, и уезжалъ изъ селенія. Такимъ образомъ мірская сумма уменьшалась. Должно было вновь дѣлать раскладку, для пополненія того, что подарено Исправнику, и опять вся тягость падала на зажиточныхъ крестьянъ. Неисправные плательщики, то есть лѣнныя и пьяницы, опять ничего не платили. Мірской суммы на подушныя не доставало. Вскорѣ Исправникъ вновь являлся, опять бралъ взятки за обождаііе, и, слѣдовательно, большая часть мір-

скихъ денегъ поступала въ собственность Исправника, а недоимка на селеніи оставалась, и постепенно отъ пени увеличивалась. Оканчивалось тѣмъ, что отправлялась, какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ называется, вмѣсто экзекуціи, *съкуція*, состоявшая въ томъ, что у несчастныхъ крестьянъ, за которыми считалась недоимка: продавали не только хлѣбъ и скоть, но и послѣднее ихъ имущество, за совершенный безцѣнокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ доставалось и прочимъ: и ихъ грабили и обирали тѣ, кто былъ употребляемъ на *съкуцію*. Слѣдствія такихъ распоряженій были всегда полезны наиболѣе цѣловальникамъ. Нашъ народъ, и съ горя и съ радости, любить вышнѣ. Часто, когда у крестьянъ отбирали имущество ихъ на пополненіе недоимки, то и послѣдніе кафтаны переходили въ собственность цѣловальника. Словомъ: какіе ужасы совершались при этомъ душегубцѣ — повѣрить невозможно! Въ примѣръ можно поставить здѣш-

нее селеніе, изобилующее землею, лѣсомъ и всѣми угодами, сверхъ того имѣющее, по мѣстному положенію своему вблизи торговыхъ городовъ, большія удобства; но, не смотря ни на что, оно пришло при немъ въ совершенный упадокъ.»

— Да этотъ злодѣй хуже всякаго разбойника, который грабитъ на большой дорогѣ! — сказалъ Чадскій. — Тотъ гораздо великодушнѣе: онъ, по крайней мѣрѣ, подвергаетъ жизнь свою опасности.

«И конечно» — продолжалъ Пальмирскій. — «Но сколько вору ни воровать, а висѣлицы не миновать. Полковникъ нашъ довелъ до свѣдѣнія начальства всѣ злодѣйства Исправника. Сдѣлано было наистрожайшее изслѣдованіе, и онъ предпринялъ, самымъ прямымъ трактомъ, путешествіе въ страну, завоеванную Ермакомъ, гдѣ каторжная работа была ему вознагражденіемъ за его подвиги.»

— Послушай, любезный Левушка — сказалъ Чадскій. — Ахъ, извини меня! Я

такъ привыкъ называть тебя Левушкою.... Все, что ты мнѣ рассказывалъ, во всякое другое время заставило-бы меня ужаснуться; но послѣ того, что со мною самимъ случилось, я не расположенъ уже болѣе ничему удивляться, и не могу ничѣмъ оскорбиться. Вообрази себѣ, что въ мою деревню приѣхалъ Сольскій Засѣдатель, извѣстный во всемъ уѣздѣ пьяница—просто—грабить моихъ крестьянъ? Рассказывать весь ходъ дѣла и почему послѣдовалъ набѣгъ на мое имѣніе, было-бы продолжительно. Къ счастью, меня въ то время не было дома. Ты знаешь мой характеръ: безъ смертоубійства не кончилось-бы, и меня, по всей справедливости, согласили-бы въ Сибирь. Самъ Богъ помиловалъ меня. Но я, какъ помѣщикъ, уполномоченный самыми законами быть покровителемъ своихъ крестьянъ, поставилъ себѣ долгомъ защитить ихъ, и, по крайней мѣрѣ, хотя на будущее время, предохранить отъ нашествія самыхъ оже-

сточенныхъ враговъ ихъ—подьячихъ. По принесенной мною жалобѣ, произведено было слѣдствіе. Разумѣется, изъ кармана Засѣдателя переломилось въ карманъ Слѣдователя все, что онъ приобрѣлъ въ продолженіе всей жизни своей. Засѣдатель найденъ совершенно правымъ, и къ довершенію всего меня-же обвинили, не требую никакихъ оправданій и доказательствъ, за то, что я осмѣлился возвысить голосъ и искать правосудія. Такая, можно сказать, неслыханная и невѣроятная наглость произвела надо мною дѣйствіе совсѣмъ противоположное тому, чего ожидать было должно. Я не разсердился, но тяжело, и очень тяжело вздохнулъ о томъ, что чиновники, поставленные для соблюденія правосудія и охраненія нашего спокойствія, не только употребляютъ во зло сдѣланное имъ довѣріе, но сами охотно причисляютъ себя къ сословію грабителей на большой дорогѣ. Впрочемъ, хотя и утверждаютъ, что въ пословицахъ заклю-

чаются всѣ истины, я на собственномъ опытѣ увѣрился въ противномъ. Напримѣръ, говорятъ: «Плачься Богу, а слезы вода—До Бога высоко, а до Царя далеко.» Неправда! Слезы невинно-страждущихъ совсѣмъ не вода: онѣ доходятъ до Бога, и хотя Онъ высоко, но рано или поздно всякій изъ насъ на эту *вышину* долженъ явиться и отдать отчетъ въ дѣлахъ своихъ. До Царя также совсѣмъ не такъ далеко, какъ воображаютъ себѣ злодѣи. Я это испыталъ по моему дѣлу, получивъ самое гласное и справедливое удовлетвореніе въ нанесенномъ мнѣ оскорбленіи. Право, въ наше время надобно имѣть необыкновенную отважность, и, какъ говорятъ, очертя голову пускаться *на проказы*. Рѣдко кому сходить даромъ съ рукъ. Однакожъ еще есть молодцы....

Въ это время камердинеръ Чадскаго пришелъ ему доложить, что лошади готовы. Чадскому страстно хотѣлось поскорѣе въ Москву. Онъ спѣшилъ одѣвать-

ся, и не смотря на замѣчаніе камердинера, что морозъ ужасный, кинулъ на полъ приготовленное ему, дорожное, теплое платье, надѣлъ только одну шубу, расцѣловался, и простясь съ Пальмирскимъ, Храбренкою и Угаровымъ, побѣжалъ садиться въ повозку. «Послушайте, Александръ Андреевичъ,» сказалъ Пальмирскій. «Мнѣ кажется, вамъ, хоть на минуту, надобно заѣхать къ Рубакину, за тѣмъ чтобы попросить его постараться выпутать васъ изъ непріятной исторіи съ этимъ Простаковымъ. Ему знакомы Исправникъ и Судья: они для него все сдѣлаютъ.

— Правда—отвѣчалъ Чадскій—Только это много отниметъ у меня времени.

«Вы поѣдете мимо самаго дома Рубакина.»—Ежели такъ, то поѣдемъ вмѣстѣ къ нему. Ахъ! Да я и забылъ, что ты съ нимъ незнакомъ! Хоть ты, любезный Храбренко, проводи меня. — Онъ вновь поцѣловался съ Пальмирскимъ, и отправился.

— Хорошъ, я думаю, теперь Рубакинъ—продолжалъ Чадскій, съвши вмѣстѣ съ Храбреною. — Любо дорого посмотреть на него, послѣ вчерашней попойки. Какъ жалка жена его!—прибавилъ онъ.—Мнѣ показалась она очень порядочною женщиною. Каково ей жить съ нимъ и всякій день опасаться, что онъ умретъ отъ пьянства!

«Она точно жалка,» отвѣчалъ Храбрено. «Эта милая и добрая женщина была-бы достойна лучшей участи. Я бываю у нихъ часто, и вижу, какую горькую чашу пьетъ она. Родители ея, бѣдные здѣшніе дворяне, пожертвовали ея богатству Рубакина. Она только что приѣхала изъ Петербурга, изъ Института, гдѣ воспитывалась. Рубакинъ увидѣлъ ее и влюбился. Отецъ и мать противъ воли принудили ее выйти за него, по старинному обыкновенію и предразсудку: *не obligать перваго жениха*. Притомъ-же онъ богатъ; чего лучше хотѣть? говорили они

- ей. Теперь сами сожалеютъ, но помочь нечѣмъ. Впрочемъ, когда Рубакинъ не пьянъ, то онъ очень милъ и хорошъ съ нею; но ежедневно, по пословицѣ, *какъ ни бьется, а къ вечеру напьется*. По этому вы можете судить: каково бѣдной его жень жить вѣкъ съ пьяницею!» — Вотъ слѣдствія предразсудковъ и мнѣнія, что богатство есть первое условіе для благополучной супружеской жизни! — сказалъ Чадскій.

Они нашли, что въ комнатахъ у Рубакина не успѣли еще прибрать остатковъ вчерашняго гулянья. вмѣстѣ съ хозяиномъ, и люди его были всѣ пьяны. Въ залѣ было натоптано и не подметено; пятенъ на полу, отъ пролитаго пуншу и вина, еще не успѣли смыть; нѣсколько разбитыхъ стеколъ заткнуто было салфетками; въ гостиной на полу валялись разорванныя карты, щеточки и сломанные кусочки мѣла; трюмо было разбито; нѣсколько стакановъ съ недопитымъ пун-

шемъ стояли въ горшкахъ съ цвѣтами; словомъ: вездѣ виднѣ былъ безпорядокъ—обыкновенное слѣдствіе пьянства.

Хозяина нашли они въ спальнѣ, съ за-
вязанною головою. Насилу могъ онъ встать
съ креселъ: такъ вчерашняя попойка от-
дымала его. Жена, съ заплаканными гла-
зами встрѣтила Чадскаго. Онъ нашелъ
еще нѣсколько вчерашнихъ гостей; у
всѣхъ были разстроенныя лица; одна-
кожъ на столъ стояли, для похмѣлья,
водка, травникъ, пиво, соленые огурцы,
селедки и ветчина.

«Что, братъ, постарѣлъ?» сказалъ Чад-
скій Рубакину. «Не такъ легко сходить
тебѣ съ рукъ попойка, какъ бывало въ
старину. Полно, любезный мой, пора пе-
рестать; вспомни, что у тебя жена и дѣ-
ти.»—Ахъ, правда ваша, Александръ Ан-
дреевичъ! Прошли видно эти времена, ко-
гда, бывало, вдвое выпьешь, а на другой
день такъ свѣжъ, какъ ни въ чемъ не
бывало! Что я выпилъ вчера? Вздоръ! Не

болѣе 8-ми или 10-ти стакановъ пуншу, а такъ голова ломить, что мочи нѣтъ. Притомъ-же это беспокоить бѣдную мою Вариньку—сказалъ онъ цѣлуя руку у жены, которая залилась слезами.—Вотъ видите: она плачетъ и разстроиваетъ свое здоровье. Полно — перестану совсѣмъ пить!—воскликнулъ онъ, наливъ и выпивъ большую рюмку травнику.—«Какъ-же ты хочешь перестать, а сей-часъ выпилъ такой ужасъ, что, мнѣ кажется, у меня сожгло-бы всю внутренность?» спросилъ Чадскій.—Не лзя: надобно опохмѣлиться, и, какъ говорятъ, колъ коломъ выгонять. Притомъ-же это цѣлебная настойка—продолжалъ Рубакинъ.—Не хотите-ли и вы чего нибудь закусить? — «Нѣтъ, мой любезный, я сей-часъ пилъ чай, и заѣхалъ только на минуту повидаться, проститься съ тобою, и попросить, чтобы ты постарался выпутать меня и Храбреньку изъ непріятной исторіи, случившейся вчера въ твоёмъ домѣ. Насъ обоихъ не было въ

это время, а говорятъ, что мы поставлены въ просьбѣ свидѣтелями.» — Какой вздоръ! Объ васъ вѣрно нѣтъ ни слова. — «Нѣтъ, мы знаемъ навѣрное, что насъ также помѣстили. — «Да и дѣло все пустое — прибавилъ Рубакинъ. — Подарить Секретарю рублей сто, такъ все и кончится. Я совѣтовалъ Любскому сдѣлать это. Онъ поѣхалъ въ городъ, и вѣрно вскорѣ возвратится съ изодранною просьбою. — «Дай Богъ, чтобы такъ кончилось!» сказалъ Чадскій. «Однакожъ, прощай, любезный другъ! Мнѣ пора ѣхать.» Съ симъ словомъ онъ всталъ, расцѣловался съ нимъ, подошелъ къ рукъ его жены, раскланялся со всѣми и отправился въ путь.

Храбренько провожалъ его до выѣзда изъ селенія. «Я было и забылъ поблагодарить тебя» — сказалъ Чадскій, прощаясь съ нимъ — «за ночлегъ. Но ты, смотри, не забывай обѣщанія своего переѣхать ко мнѣ, когда оставишь службу. Покой-

ный, теплый уголь, и все содержаніе готовы для тебя, старый товарищъ!» Храбренько, со слезами на глазахъ, благодарилъ его.

ГЛАВА VI.

« Une belle femme, avec les qualités d'un
« honnête homme est la perfection de
« l'espèce humaine. »

Ю у т.

« Прелестная женщина, съ свойствами
« добродѣтельнаго мужчины—верхъ че-
« ловѣческаго совершенства. »

Ж у н.

Чадскій прѣѣхалъ въ Москву на Страстной недѣлѣ, и тотчасъ отправился къ Свѣяжской, горя нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть Софью. Но Свѣяжская имѣла обыкновеніе два раза говѣть, на первой

и Страстной недѣль Великаго поста. Это время жила она въ глубокомъ уединеніи, и никого къ себѣ не принимала. Съ досадою долженъ былъ Чадскій вернуться отъ ея крыльца, и велѣлъ везти себя къ Князю Фольгину. Съ нимъ былъ онъ родня и довольно друженъ.

«Что съ тобою сдѣлалось?» спросилъ Князь Фольгинъ, расцѣловавшись съ Чадскимъ. «Вдругъ ускакалъ ты изъ Москвы, не простившись и не сказавъ никому ни слова. Гдѣ ты пропадалъ все это время? И что значить странный и внезапный твой отъѣздъ? Я не былъ на балѣ у Графини Хлестовой, на Масляницѣ, а мнѣ сказывали, что ты получилъ какую-то записку, ускакалъ съ бала, какъ сумасшедшій, и съ тѣхъ поръ—будто въ воду кануль! Знаешь ли? О тебѣ сказали, что ты точно помѣшался въ умъ, и что тебя, *по секрету*, здѣсь въ Москвѣ лечатъ. Многіе добрые люди говорили даже, что слышали это отъ Доктора, который къ тебѣ

ѣздить. Я думаю: потрудилась распустить всѣ такіе слухи милая Графиня Хлестова: она ко всему способна.» — При имени Графини Хлестовой, гнѣвъ и бышенство Чадскаго излились въ ужаснѣйшихъ на нее ругательствахъ. «Это гнусная клеветница!» вскричалъ онъ. «Но я отплачу ей.» Потомъ все рассказалъ онъ Князю Фольгину, объяснилъ страстную любовь свою къ Софѣ, и просилъ совѣта: какъ ему дѣйствовать?

«Послушай: ежели хочешь, чтобы я откровенно говорилъ съ тобою,» сказалъ Князь Фольгинъ, «то вотъ мое мнѣніе: оставь Хлестову въ покоѣ, пренебреги ея клеветою; она лицемерна, хитра, успѣетъ какъ нибудь вывернуться, и дать этой исторіи совсѣмъ другой видъ. Можетъ быть, она обратитъ еще все къ твоему же предосудженію, или какъ нибудь повредить *репутаци* невинной Софьи и Свѣжской: распустить слухъ, что онъ, желая отвлечь тебя отъ ея дочери, вы-

думали *интригу* съ этимъ мальчишкою, Угаровымъ. Хлестова мастерица на такіа дѣла, а ты самъ знаешь, что всякая исторія такого рода рассказывается двойко, и еще съ прибавленіемъ. Графиня вѣрно преклонитъ многихъ въ свою пользу. Кумушекъ обоого пола въ Москвѣ много. Гораздо скорѣе распространяются худыя слухи; люди охотнѣе вѣрятъ дурному, нежели хорошему, а честь дѣвушки такой цвѣтокъ *деликатный*, до котораго прикасаться не должно.»

— Ты говоришь правду — отвѣчалъ Чадскій.—Благодаренъ тебѣ, что ты предостерегъ меня. Я готовъ былъ надѣлать большихъ глупостей: вездѣ говорить, и самой Хлестовой въ глаза сказать, что она *безстыдная клеветница*.—Ты поступилъ-бы неловко и неосторожно,» отвѣчалъ Князь Фольгинъ. «Но, поговоримъ о страсти твоей, и о намѣреніи жениться на Софѣ. Свѣяжская имѣетъ весьма невыгодное мнѣніе о супружествѣ, и, ка-

жется, прочить Софью въ такія-же Весталки, какъ она сама. Надобно дѣйствовать съ большимъ искусствомъ. И того уже будетъ много, ежели она не станетъ отсовѣтывать Софьѣ отдать тебѣ свою руку, а на пособіе надѣяться нѣчего. Слѣдовательно, ты долженъ скрыть отъ Свѣжской клеветы Хлестовой, настоящую причину твоего отъѣзда, вразумленіе тебя сестрою, поѣздку для отысканія Угарова, и проч. Все это послужило-бы Свѣжской оружіемъ противъ тебя. Она тотчасъ объяснитъ Софьѣ, что хотя поступки твои и произошли отъ страстной любви, но показываютъ неразумительность, пылкость и нетерпѣливость, а эти качества не предвѣщаютъ хорошаго мужа. Потому — отнюдь не говори ты о подвигахъ твоихъ, и придумай какой нибудь предлогъ внезапнаго твоего отъѣзда. Скажи, что ты привѣщалъ прощаться съ Свѣжскою, но не засталъ ее дома. А самое главное — и вотъ, что худо: мнѣ

кажется, Софья никакой взаимности къ тебѣ не чувствуетъ; это самъ ты долженъ былъ замѣтить. Во время отсутствія твоего, только разъ, или два вспомнила она о тебѣ. «Гдѣ Александръ Андреичъ Чадскій? Что его давно не видать?» сказала она, весьма равнодушно. Ты знаешь, что Прасковья Васильевна была опекуншею моею жены, и точно она благодѣтельница ея; мы у нея бываемъ почти всякій день, но и она также не часто вспоминала о тебѣ, и то потому только, что ты уѣхалъ изъ Москвы не простясь съ нею. Она говорила, что этого никогда съ тобою не бывало прежде. Къ счастью еще, что она не любитъ въ обществѣ своемъ никакого злословія. Всѣмъ, кто къ ней ѣздитъ, это извѣстно, и слухи, распущенные, вѣроятно Графинею Хлестовою, о твоёмъ сумасшествіи, не могли до нея достигнуть.»

Этимъ кончилось объясненіе Чадскаго съ Фольгинымъ. Начался обыкновенный

разговоръ, объ общественныхъ и городскихъ новостяхъ, а между тѣмъ Князь Фольгинъ обдумалъ и сдѣлалъ планъ, основанный на собственной его пользѣ. Это увидимъ мы въ послѣдствіи. Сообразно съ своими планами, Фольгинъ снова обратилъ разговоръ на прежній предметъ.

«Однакожь, ты говоришь такъ сильно о страсти своей къ Софѣ, и увѣряешь, что безъ нея жить не можешь» — сказалъ Князь Фольгинъ. — «Надобно тебѣ помочь тронуть ея нечувствительное сердце. Вотъ что я думаю: послѣ Святой недѣли, у меня въ подмосковной, которая, какъ ты самъ знаешь, близко отсюда, всего только въ 10-ти верстахъ, будетъ праздникъ и благородный спектакль. Я приглашалъ уже къ себѣ Прасковью Васильевну и твою Софью. Ежели погода будетъ хороша, то онѣ вѣрно приѣдутъ. Нарочно нѣсколько дней продлю я праздникъ, и удержу ихъ у себя, подъ тѣмъ предлогомъ, что театръ мой не готовъ. Ты вос-

пользуйся этимъ временемъ. Въ деревнѣ, на свободѣ, бывши безпрестанно вмѣстѣ, найдешь ты вѣрно средство открыться Софьѣ въ страстной любви своей, и — я не вѣрю, чтобы въ твои лѣта, съ твоею фигурою и съ большимъ твоимъ состояніемъ, ты не тронулъ ея сердца.»

Чадскій благодарилъ за участіе, расцѣловалъ Князя, и нашелъ, что выдуманный имъ планъ прекрасенъ. Однакожъ, ему ужасно хотѣлось видѣть Софью. На другой день поѣхалъ онъ къ обѣднѣ, въ церковь того прихода, въ которомъ жила Свіяжская, чтобы, хотя издали, посмотреть на Софью. Онъ увидѣлъ ее въ углу, въ отдаленіи отъ всѣхъ. Усердно молилась она Богу, и это чрезвычайно понравилось Чадскому. Онъ самъ былъ добрый Христіанинъ, и всегда держался того мнѣнія, что и мужчина-вольнодумецъ непріятенъ, а женщина-вольнодумка — самое отвратительное и несносное твореніе.

При выходѣ изъ церкви, приближился онъ къ Свіяжской и къ Софѣ, когда онѣ шли садиться въ карету. «А! здравствуй Александръ Андреевичъ!» сказала ему Свіяжская. «Давно-ли приѣхалъ?» — Только вчера, тетушка. Я былъ у васъ; но мнѣ объявили, что вы никого не принимаете. — «Да, извини меня, мой любезный. Я говорю, и точно никого не вѣлѣла принимать. Ты вѣрно былъ у сестры своей? Что, здорова-ли добрая моя Вѣра Андреевна и дѣточки ея?» — Слава Богу! Она свидѣтельствуешь вамъ свое почтеніе. — Съ этимъ словомъ, Свіяжская сѣлась въ карету. Софѣ пріятно улыбнулась, также сказала Чадскому нѣсколько привѣтствій, и обошлась съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ.

Время карантина, пока не пускали Чадскаго въ домъ Свіяжской, провелъ онъ очень скучно. Бывалъ у Князя Фольгина, и вмѣстѣ съ нимъ обдумывалъ, какъ побѣдить нечувствительность Софьи. Князь Фольгинъ ободрялъ его, и отвѣчалъ за

вѣрный успѣхъ. «Знаешь-ли?» сказалъ онъ. «Ежели-бы можно было уговорить ее — взять ролю въ какой нибудь комедіи, и вмѣстѣ съ тобою играть, вотъ-бы самый лучший способъ объясниться съ нею. На репетиціяхъ, ты могъ-бы свободно говорить, и никто-бы не замѣчалъ за вами; потомъ, играя роль любовника съ жаромъ, могъ-бы ты нечувствительно внушить этотъ жаръ и въ ея сердце. Да, вотъ самое вѣрное средство! Только, я думаю, врядъ-ли она согласится взять ролю. . . . Однакожь, я буду ее уговаривать.»

Въ первый день праздника, очень рано, Чадскій явился къ Свѣяжской съ поздравленіемъ. Она никого не велѣла принимать; однакожь приказала, чтобы изъ числа тѣхъ, кто будетъ прѣзжать, пригласить нѣкоторыхъ обѣдать; въ семъ числѣ былъ и Чадскій. Онъ прѣхалъ опять ранѣе всѣхъ, и никого еще не нашелъ въ гостиной, даже и сама хозяйка не выходила еще изъ своихъ комнатъ: послѣ

обѣдни Свіяжская отдыхала, и не была одѣта въ то время, когда ей доложили о приѣздѣ Чадскаго. Софья вышла въ гостиную принять его, обошлась съ нимъ просто, безъ церемоній, какъ съ знакомымъ и роднею Свіяжской; но Чадскій, бывши съ нею наединѣ, чрезвычайно смѣшался, не могъ ни слова сказать, и сердился самъ на себя за свою робость. Впрочемъ, скоро ободрился онъ, наговорилъ Софьѣ нѣсколько комплиментовъ, на счетъ усталости, замѣтной на ея лицѣ, отъ говѣнья и богомолья. «Но это дѣлаетъ васъ еще *интереснѣе*,» прибавилъ онъ. Софья отвѣчала, что она точно утомилась, потому, что должна была вставать очень рано. «Особенно-же сего-дня устали мы,» сказала она. «Тетушка насилу выдержала. Не выходя изъ церкви, мы отслушали заутреню и обѣдню, и все это продолжалось часа четыре; тетушка насилу доѣхала домой; но теперь она отдохнула, и сей-часъ выйдетъ.»— При послѣднихъ словахъ во-

шелъ Князь Фольгинъ, съ женою. Онъ былъ очень радъ, что нашелъ Софью съ Чадскимъ наединъ; подошелъ къ ней христосоваться, и требовалъ, чтобы она исполнила обязанность Христіанки, какъ надобно, то есть, чтобы три раза поцѣловала его въ губы. Софья отдѣмалась отъ его любезности, и поцѣловала его въ щеку. «А ты, братъ, Александръ Андреевичъ, христосовался-ли съ Софьею Васильевою? И почему ты съ нами не цѣлуешься? Прошу, по Русскому обыкновению: начни съ дамъ, *à pour la bonne bouche* со мною!» Чадскій подошелъ къ дамамъ къ рукъ, и Софья, покраснѣвши, поцѣловала его въ щеку. Самъ Чадскій насилу могъ скрыть свое замѣшательство. Князь Фольгинъ, какъ опытный свать, видѣвъ смятеніе ихъ, тотчасъ обратилъ разговоръ на другіе предметы. Вскорѣ вошла въ гостиную Свіяжская, и со всѣми перецѣловалась. Приглашены были обѣдать къ ней только Князь Фольгинъ

съ женою, Чадскій, новая знакомая ея, Кирбитова, и еще нѣсколько бѣдныхъ старушекъ и дѣвушекъ, которымъ она благодѣтельствовала. Обѣдъ продолжался недолго; замѣтно было, что хозяйка нездорова, и черезъ силу сидить за столомъ. Всѣ скоро разѣхались.

На другой день, Свѣжская и Софья приглашены были обѣдать къ Князю Фольгину. Желу его нашли онъ въ задумчивости и уныніи; но за то добрый и гостепріимный хозяинъ, по обыкновенію, былъ милъ и привѣтливъ. Слѣдуя обѣщанію свосму—помогать Чадскому, онъ выискивалъ разныя средства, чтобы сблизить его съ Софьею. Между прочимъ сказалъ онъ ей, съ коварною улыбкою: «Знаете-ли: я замѣтилъ въ васъ со вчерашняго дня большую перемену. Что это значитъ?» Софья покраснѣла, и ничего ему не отвѣчала. Въ самомъ дѣлѣ чувствовала она что-то необыкновенное. Она не умѣла отдать себѣ отчета, отъ чего ей грустно,

была въ какой-то задумчивости, которая однакожъ не тяготила ее. Ночь худо спала она, и сама не понимала, отъ чего не можетъ обходиться и говорить съ Чадскимъ такъ-же свободно, какъ прежде. Съ нею происходило что-то страшное, чего она не умѣла постигнуть. Но Чадскій, и въ особенности опытный Князь Фольгинъ, очень это понимали. Князь поздравлялъ Чадскаго, потихоньку, съ успѣхомъ, и самъ Чадскій сдѣлался гораздо свободнѣе и смѣлѣе съ Софьею.

Послѣ обѣда, Свѣяжская, по обыкновенію своему, пошла немного отдохнуть, а Князь Фольгинъ убѣдилъ Софью играть на фортепіано и пѣть. Прежде, безъ затрудненія могла она пѣть при всѣхъ; теперь Чадскій стоялъ подлѣ нея, и она робѣла, голосъ ея дрожалъ; наконецъ она такъ смѣшалась, что не могла продолжать дальѣе.

Князь Фольгинъ, слѣдуя плану своему, атаковалъ ее предложеніемъ взять ролю

въ благородномъ спектаклѣ, который былъ у него назначенъ въ подмосковной. «Отъ этого я рѣшительно отказываюсь,» отвѣчала Софья. «Вы сей часъ видѣли опытъ моей застычивости. Хороша я буду на сценѣ: все испорчу, и смѣшаю другихъ актеровъ!»—Напрасно вы не надѣетесь на себя—сказалъ Князь Фольгинъ.—Съ вашею прелестною паружностію и прекраснымъ голосомъ, вы плѣните всѣхъ. Лишь только покажетесь вы на сценѣ, то всеобщее одобреніе придастъ вамъ смѣлости. Я увѣренъ, что вы прекрасно сыграете.—«Вы можете говорить мнѣ комплименты, сколько вамъ угодно,» возразила Софья, «но никакъ не убедите меня. Я сроду только два, или три, играла въ маленькихъ комедіяхъ Беркеня и Жанлисъ, въ деревнѣ, въ день именинъ маменьки, когда мы бывало дѣлали ей сюрпризы. И тутъ актерами были мои сестры и братъ, а зрителями маменька и нѣсколько ближнихъ родныхъ. Выйди на сцену при

ста челоуѣкахъ незнакомыхъ — надобно имѣть большую отважность.» — Тщетно уговаривалъ ея Князь Фольгинъ. Чадскій, напротивъ, находилъ сужденіе Софьи справедливымъ, и соглашался съ нею, къ удивленію и досадѣ своего свата. — По крайней мѣрѣ, не откажите вотъ въ какой просьбѣ (продолжалъ Князь Фольгинъ): мы будемъ играть извѣстную вамъ комедію: *Молодые супруги*. Кузина моя, Княжна Зизи Тугоуховская, взяла роль Эльмиры; ей надобно пѣть, а она на свой голосъ не надѣется; сдѣлайте намъ одолженіе, за кулисами, возьмите на себя трудъ пропѣть вмѣсто ея.

«Ежели никого лучше меня не найдете, такъ и быть—на это я могу рѣшиться,» отвѣчала Софья. «Только за кулисами, такъ, чтобы никто не видалъ меня. Впрочемъ, я не могу вамъ дать вѣрнаго слова: ежели тетушка не поѣдетъ къ вамъ, то и я не буду.»

Вскорѣ послѣ того вышла Свіяжская, и на приглашеніе Князя отвѣчала, что ежели будетъ здорова, то непременно приѣдетъ. Она одобрила отказъ Софьи взять ролю, говоря, что точно надобно имѣть большую отважность молодой дѣвушкѣ, выставляя себя на показъ, и подвергаясь нескромнымъ замѣчаніямъ и критикѣ незнакомыхъ людей. «Позволительно въ кругу семейства своего»—продолжала Свіяжская—«чтобы сдѣлать удовольствіе отцу и матери, выйти на сцену, когда напередъ мы увѣрены въ добромъ расположеніи и снисходительности зрителей; но во всякомъ другомъ случаѣ должно удивляться рѣшительности и отважности молодыхъ дѣвушекъ. Впрочемъ»—прибавила она—«мой образъ мыслей не законъ: всякій думаетъ и дѣйствуетъ по своему.»

Свіяжская хотѣла ѣхать домой; но Князь Фольгинъ упросилъ ее остаться, и сдѣлать *partie* въ вистъ старой тетюшкѣ его, Княжнѣ Загорѣцкой. Еще не доста-

вало одного. Чадскій ненавидѣлъ карты, и тѣмъ болѣе теперь, когда ему хотѣлось быть съ Софьею; но, по настоятельной просьбѣ Князя Фольгина, долженъ былъ и онъ съестъ играть.

Софья, съ двоюродною сестрою Князя, Варварою Осиповною Столицыною, остались вдвоемъ, въ диванной. «Ежели-бы вы были свидѣтельницею ужаснѣйшей ссоры между нашими хозяевами!»—сказала Столицына.—«Они только передъ вашимъ приѣздомъ перестали. Но Князь во всемъ правъ: онъ сохранилъ хладнокровіе, вѣжливость и веселость свою, а Княгиня плакала, укоряла его въ неразсчетливости, роскоши и мотовствѣ; говорила, что они раззоряются, и оставлятъ дѣтей безъ куска хлѣба, что доходы ихъ уменьшились, а онъ хочетъ вести все прежній образъ жизни, и долги ихъ безпрестанно увеличиваются. Князь обращалъ упреки ея въ шутку. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ правъ: будто дѣтей у нихъ множе-

ство! Всего только трое. Ежели они и проживутъ большую часть имѣнія, то все еще останется довольно. Чтожь дѣлать? Не всѣмъ быть богатыми. Ахъ! какъ-бы я благодарила Бога, ежели-бы мой мужъ, хотя нѣсколько, былъ похожъ на милаго и добраго Князя Бориса Ильича.»

Софья хотѣла было возражать, доказывать, что предусмотрительность Княгини, на счетъ будущей судьбы дѣтей, достойна похвалы, и что вообще родители, проживая имѣніе, доставшесся имъ отъ ихъ предковъ, поступають, такъ сказать, безчестно, потому, что пріобрѣли имѣніе не собственными трудами, и слѣдовательно, обязаны передать, ежели не съ присовокупленіемъ, то, по крайней мѣрѣ, хотя въ томъ-же положеніи своему потомству. Но, зная ограниченность ума и непонятливость своей собесѣдницы, она рѣшилась ничего не говорить.

«А, кстати!»—сказала Столицына.—Знаете-ли? Противъ васъ есть умыселъ —

только въ вашу пользу! Я подслушала разговоръ Князя Бориса Ильича съ Чадскимъ: Чадскій въ васъ влюбленъ. Они думали, что я не понимаю по-Англійски, и свободно разговаривали между собою. Предупреждаю васъ».... Но Свѣжекая окончила партію, и прервала бесѣду, позвавъ Софію ѣхать домой.

Софія сожалѣла, что ей не удалось дослушать разсказа Столицыной; но и того, что узнала она, было уже достаточно. Она вникнула въ сокровенныя чувства сердца своего, и перемѣна, которой до сихъ поръ она не понимала, объяснилась ей: она увѣрилась, что Чадскій сдѣлалъ большое на нее впечатлѣніе. Любовь усиливается и быстро превращается въ страсть, или, престо, въ какое-то очарованіе, въ такомъ только случаѣ, когда мы дѣйствуемъ безъ размышленія, и совсѣмъ предадимся сему—впрочемъ весьма сладостному чувству. Тогда любовь, точно такъ-же, какъ и другія страсти — корыстолюбіе,

картежная игра, и проч. и проч., постепенно беретъ поверхность надъ разсудкомъ, и совершенно овладѣваетъ всѣми умственными способностями человѣка. Слѣдствія всякой страсти одинаковы: физическое и моральное разслабленіе силъ. Софья слыхала часто отъ матери, и Свѣжская тоже въ разговорахъ своихъ повторяла, что всякая страсть есть ослѣпленіе, а слѣпой человѣкъ самъ не знаетъ и не можетъ видѣть, что онъ дѣлаетъ, и что весьма тягостно бываетъ тогда, когда онъ *прозрѣтъ*, и глаза его откроются. Она призвала на помощь весь разсудокъ свой, и, руководствуясь также совѣтами матери, чтобы во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ жизни, прежде всего прибѣгнуть къ Богу и просить Его помощи, она, оставшись одна, молилась съ усердіемъ и слезами. Молитва подкрѣпила ее, и, хотя эту ночь спала она дурно, но основательность ея разсудка впишилась въ нее силу, если не совсѣмъ преодолѣть

любовь къ Чадскому, и рѣшительно отдалиться отъ него, то, по крайней мѣрѣ, не совершенно предаваться страсти своей, надзирать за собою, разсматривать, внимательно и хладнокровно, характеръ и душевныя свойства Чадскаго, и не иначе, какъ по долговременномъ наблюденіи, рѣшиться отвѣчать его любви, и навѣкъ ввѣрить ему судьбу свою.

На другой день, увидѣвшись съ нимъ, она не была уже такъ застенчива, какъ вчера, не приходила въ какое-то странное замѣшательство, когда онъ начиналъ разговаривать съ нею, и чувствовала въ себѣ силу обращаться съ нимъ по прежнему, не подавая ему и не лишая его совсѣмъ надежды.

Погода на Святой недѣль была прекрасная. Время стояло такое хорошее и такое теплое, какъ въ Іюнѣ. Вся Московская лучшая публика обратилась на гулянье подъ Новинское. Утромъ, съ 12-ти до 3-хъ часовъ, дамы лучшаго тона со-

бирались тамъ, ходили пѣшкомъ, и даже, слѣдуя модѣ, для дѣтей, посѣщали лубочныя комедіи. Князь Фольгинъ предложилъ Свѣжской и Софѣ ѣхать на гулянье.

Свѣжская отказалась; но Софья, съ Княгинею Фольгиною и другими знакомыми ей дамами, отправилась. Чадскій, лишь только ихъ увидѣлъ, тотчасъ къ нимъ присоединился. Вскорѣ встрѣтилась имъ Графиня Хлестова, съ дочерью. Она не могла скрыть своего замѣшательства и смущенія, увидѣвъ, что Чадскій ведетъ Софью подъ руку. «Ахъ, здравствуйте, Софья Васильевна!» — сказала она, поцѣловавшись съ нею. — «Какъ давно мы не видались! Здоровы-ли вы?» И въ то время, когда дочь ея цѣловалась и говорила обыкновенныя фразы и привѣтствія Софѣ, Графиня Хлестова обратилась къ Чадскому, который едва могъ удерживать свое негодованіе при взглядѣ на Графиню. «Давно-ли вы здѣсь?» — Дней десять —

отвѣчалъ онъ, съ сверкающими отъ гнѣва глазами. — «Вы совсѣмъ насъ забыли, и ни разу не были у меня съ приѣзда вашего.» — Да, сударыня, не былъ — продолжалъ Чадскій, задыхаясь отъ бышенства. — Здѣсь не мѣсто изъясняться, и много говорить мнѣ нѣкогда; но, послушайте — сказалъ онъ, отведя Графиню нѣсколько въ сторону, въ то время, когда всѣ прочіе пошли далѣе — я все знаю: клевета ваша открылась. Не только самъ Угаровъ разсказалъ мнѣ, но исторія и интрига вашей дочери всѣмъ извѣстны въ тамошней сторонѣ. Я не буду пользоваться правомъ изобличить и разгласить, что знаю, однакожъ съ однимъ только условіемъ, чтобы вы не позволяли себѣ никакихъ гнусныхъ выдумокъ противъ Холмской. Если-же вы нарушите это условіе, то не пѣняйте на меня: я щадить васъ болѣе не стану! Записка Угарова останется у меня, и въ случаѣ нужды, я могу представить еще нѣсколько доказа-

тельствъ. Надѣюсь, Графиня, что собственныя ваши выгоды заставятъ васъ быть скромною. — «Я увѣрена въ вашемъ великодушїи, любезный Александръ Андреевичъ» — отвѣчала ему Графиня Хлестова, съ притворными на глазахъ слезами. — «Вижу, что вамъ все извѣстно! Не погубите моей дочери; судьба ея отъ васъ зависить; надѣюсь, что глупость и безразсудность ея не будутъ имѣть дальнѣйшихъ слѣдствій. Она, дастъ Богъ, выйдетъ за-мужъ, и будетъ счастлива; но еще повторяю: будьте великодушны!» — Даю вамъ честное слово—отвѣчалъ Чадскій—ежели только вы ничего не предпримете противъ Холмской, то никто ничего не узнастъ отъ меня. — «А я клянусь быть вамъ вѣкъ благодарною!»—отвѣчала Графиня Хлестова. — Послѣ объясненія поспѣшила она догнать другихъ, и тотчасъ, съ дочерью своею, уѣхала съ гулянья.

Софья хотѣла было также уѣхать; но Князь Фольгинъ уговорилъ ее, вмѣстѣ съ

другими дамами, зайти посмѣяться въ лубочную комедію. Убѣжденіе это было слѣдствіемъ плана, сдѣланнаго имъ, вмѣстѣ съ Чадскимъ. Они утромъ имѣли совѣщаніе между собою. Князь Фольгинъ, замѣтивъ, что Чадскій сдѣлалъ нѣкоторое впечатлѣніе на седрце Софьи, и что Свѣяжская, какъ видно было изъ ея обхожденія, довольно хорошо расположена къ нему, совѣтовалъ не мѣшкая объясниться съ Свѣяжскою, и просить ея пособія. Но чтобы имѣть возможность свободно говорить съ нею, должно было выискать время, когда Софьи не будетъ дома. Такимъ образомъ, Князь Фольгинъ, убѣдивъ всѣхъ дамъ зайти въ лубочную комедію, сказалъ на ухо Чадскому, что теперь самый удобный случай, и чтобы онъ тотчасъ ѣхалъ къ Свѣяжской.

Къ счастью, Чадскій нашелъ ее дома. У нея никого не было, и, собравшись съ духомъ, Чадскій признался Свѣяжской въ

страстной любви къ Софѣ, убѣждая содѣйствовать къ полученію ея руки.

«Я буду говорить откровенно съ тобою, любезный другъ,» отвѣчала Свѣжская. — «Родители твои были добрые и почтенные люди; съ твоею матушкою, кромѣ родства, были мы довольно дружны, но тебя я почти совсѣмъ не знаю. До сихъ поръ вижу, что и ты хорошій человѣкъ; ничего дурнаго я о тебѣ не слыхала. Но, любезный мой, этого очень недостаточно, чтобы совѣтовать дѣвушкѣ, которую я люблю, какъ дочь мою, повѣрить навсегда судьбу свою тебѣ. Когда потомъ — сохрани Богъ — будетъ она несчастлива, надобно принять на себя тягостную ответственность, и мучиться вѣкъ, тѣмъ, что я способствовала несчастной ея жизни — нѣтъ, нѣтъ! Притомъ-же, ты долженъ знать, что Софья почти ничего не имѣетъ.»

— Я это знаю — возразилъ Чадскій — но мнѣ ничего, кромѣ ея, не надобно. «Это говорятъ обыкновенно всѣ влюблен-

ные," отвѣчала Свѣжская. «У тебя, конечно, хорошее состояніе, но и ты, вѣрно, какъ всѣ молодые люди, не занимаешься своимъ хозяйствомъ: оно идетъ кое-какъ. Мнѣ также извѣстно, что ты много долженъ, но и это еще не большая бѣда. Кто изъ Русскихъ дворянъ, особенно-же въ военной службѣ, не долженъ? Поправить все можно. У меня, слава Богу, состояніе порядочное; Софья моя крестница; я люблю ее, какъ дочь; притомъ-же она мнѣ ближняя родня; заплатить долги твои и устроить васъ, я взялабы на себя, и за этимъ единственно не раздумаю... Но, любезный другъ, не сердись на меня: мнѣ совершенно неизвѣстенъ характеръ твой и свойства твои. Софьи также ты почти совсѣмъ не знаешь—размысли, разсмотри себя и ее. Вотъ, теперь приглашеніе Князя Бориса Ильича, къ нему въ подмосковную, очень кстати. Вы будете, нѣсколько дней сряду, безпрестанно вмѣстѣ: самый удобный слу-

чай покороче узнать другъ друга. Но, я напередъ предупреждаю: не буду ни помогать, ни мѣшать тебѣ. Дай Богъ, чтобы это дѣло устроилось, а я дала себѣ клятву: никогда въ такія дѣла не вступаться. Къ несчастію, я опытна, то есть, какъ говорится, порядочно учена. И теперь у меня на глазахъ устроенная мною партія, за которую буду вѣкъ упрекать себя.» — Для меня очень довольно будетъ и того, ежели вы не станете препятствовать—отвѣчалъ Чадскій, цѣлуя ея руку.

Вскорѣ возвратилась Софья. Она нашла Свіяжскую съ заплаканными глазами, а Чадскаго въ большомъ смущеніи, догадалась, о чемъ дѣло; но, по скромности своей, молчала. Свіяжская также, давъ обѣщаніе ни помогать, ни мѣшать Чадскому, не говорила ни слова, ожидая, что сама Софья спроситъ ее.

Между тѣмъ, Чадскій продолжалъ ѣздить всякій день, часъ отъ часу становился свободнѣе съ Софьею, и даже иног-

да позволяя себѣ гнѣваться на нее, когда она нескоро выходила въ гостиную, въ то время, когда онъ прибѣжалъ, или занималась кѣмъ нибудь другимъ, кромѣ его. Дальнѣйшее-же объясненіе, и настоящее предложеніе, рѣшился онъ сдѣлать въ подмосковной, у Князя Фольгина. Однакожъ люди въ домѣ Свіязской начали толковать между собою, и Аннушка, горничная дѣвушка Софы, написала домой къ матери и сестрѣ своей, что барышня ея выходить за-мужъ, за знатнаго, богатаго и красавца. Тѣ поспѣшили сообщить своимъ знакомымъ, и многіе сосѣди начали даже поздравлять Холмскую. Сундукова и Фіалкина бѣсались отъ зависти. «Каково счастіе этой Холмской!» говорили онѣ. «И что за отличныя красавицы ея дочери!

ГЛАВА VIII.

«Il n'y a point de vertu sans force.»

ROUSSEAU.

«Безъ силы — нѣтъ добродѣтели.»

Руссо.

Наконецъ — приближился день, назначенный для прадника у Князя Фольгина. Свѣяжская и Софья приѣхали къ нему въ подмосковную наканунѣ. Чадскаго, и многихъ другихъ гостей, онъ нашелъ уже тамъ.

Въ огромномъ домѣ, построенномъ отцомъ Князя Фольгина, можно было многимъ помѣститься спокойно. Свѣжской и Софѣ отвели лучшія комнаты. Впрочемъ, кромѣ большаго дома, обширнаго сада, оранжереи, и хорошаго мѣстоположенія, подмосковная Князя не представляла никакихъ выгодъ, и даже была ему въ тягость, съ тѣхъ поръ, какъ онъ почти весь прожился. Дѣлая праздникъ, и созвавъ къ себѣ много гостей, имѣлъ онъ въ виду, что если Чадскій, съ пособіемъ его, женится, то уговорить его основаться навсегда въ Москвѣ, и продать ему подмосковную, въ которой положено было начало его благополучія. По легкомыслію своему, Князь Фольгинъ былъ увѣренъ, что когда Чадскій и Софья будутъ помолвлены, то непременно убѣдятъ Свѣжскую на такую покупку, и это была *настоящая причина* его дѣятельнаго участія въ сватовствѣ.

На другой день гостей стало прибавляться часъ отъ часу болѣе и болѣе.

Князь Фольгинъ, слѣдуя своему плану, чтобы дать больше времени Чадскому сблизиться съ Софьею, отложилъ спектакль на нѣсколько дней, подъ предлогомъ, что еще не все твердо знали свои роли. Но онъ такъ умѣлъ занять гостей своихъ, что всемъ, кромѣ бѣдной его жены, было у него весело.

Погода стояла прекраснѣйшая; весна была въ полномъ цвѣтѣ. Прогулка, пѣшкомъ, верхами и въ экипажахъ, нечувствительно сокращала утро; потомъ вистъ, мушка, бильярдъ, шарады въ дѣйствиіи, живыя картины и танцы оканчивали день. Князь Фольгинъ славился необыкновеннымъ искусствомъ давать праздники. Все говорили, что на этотъ разъ онъ превзошелъ самого себя. Сколько остроумныхъ выдумокъ, сколько забавныхъ сценъ и сюрпризовъ было у него приготовлено гостямъ! Самъ Князь являлся, то Итальянцомъ, трактирщикомъ, то странствующимъ музыкантомъ. Все это было подроб-

но описано въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, при чемъ даже помѣщенъ былъ, къ общему свѣдѣнію, порядокъ и ходъ праздника, что именно въ какой день происходило, и какіе остроумные каламбуры сказаны были притомъ Княземъ Фольгинымъ. Гости его не видали, какъ летѣло время. Это стоило ему довольно дорого; но, въ твердой увѣренности, что Чадскій, или Свіяжская, за все заплатятъ, купивъ у него подмосковную, Князь не жалѣлъ денегъ, которыя досталъ—заложивъ послѣдніе брильянты своей жены.

Чадскій пользовался этимъ временемъ, и говорилъ Софѣ, почти уже прямо, о любви и о намѣреніи своемъ. Но она не отступала отъ принятаго ею плана, держала его въ нѣкоторомъ отдаленіи и не совсѣмъ лишала надежды, предоставляя времени узнать лучше его характеръ. Осторожность Софьи отнимала у Чадскаго смѣлость сдѣлать ей настоящее предложеніе.

Черезъ три дня, послѣ прибѣзда Свіяжской въ подмосковную, Князь Фольгинъ объявилъ, что все готово, и вечеромъ будетъ спектакль. Репетиціи, и вообще все шло своимъ *порядкомъ*. Нѣкоторые актеры, и особенно актрисы, перессорились между собою; другіе обижались, что имъ даны не тѣ роли, которыхъ имъ хотѣлось. Князь Фольгинъ насилу успѣлъ согласить и уладить. Представленіе шло, такъ-же, какъ обыкновенно водится въ благородныхъ спектакляхъ: кромѣ Князя Фольгина — онъ былъ совершенный актеръ — прочіе играли кое-какъ, не твердо знали свои роли, совсѣмъ обезобразили, и не въ томъ видѣ, какъ должно, представляли пьесы; но зрители аплодировали, хвалили въ глаза, а потихоньку смѣялись между собою, и критиковали декламацію, голосъ, произношеніе, словомъ: все, особенно-же во Французской пьесѣ.

Лучшая актриса, *кузина* Князя Фольгина, Княжна Зизи Тугоуховская, была

поводомъ къ большой ссорѣ. Одному изъ зрителей не понравилась ея игра и самая фигура. Онъ вздумалъ довольно громко смѣяться, и сказалъ нѣсколько эпиграммъ на счетъ Княжны, не видя, что сзади сидитъ ея женихъ, который съ своей стороны наговорилъ откровенному рецензенту множество нѣжностей. Изъ всего этого вышла гласная исторія.

Одна только Софья, пѣвшая за кулисами, пріобрѣла общее одобреніе. Прекрасный, вѣрный голосъ ея привелъ всѣхъ въ восторгъ; ей два раза кричали: *форо!* Послѣ того, влюбленный и восхищенный Чадскій рѣшился, не далѣе, какъ въ тотъ же вечеръ на балѣ, открыться въ любви своей, и предложить ей свою руку. Ему досадно было, что не скоро оканчивается спектакль; онъ ничего не слыхалъ, не отвѣчалъ на вопросы сосѣдей своихъ, предавался своимъ мечтамъ, о томъ, что и какъ онъ будетъ говорить Софьѣ, и что она станетъ отвѣчать. Воображеніе влюблен-

ныхъ лстасть всегда за тридевять земель: онъ представлялъ уже себѣ, какъ будетъ онъ женатъ; ничего не чувствовалъ, ничего не видалъ, и опомнился тогда, какъ по окончаніи спектакля Софья вошла въ залу, и апплодированіе ей вновь разда-лось повсюду. Чадскому показалась она еще прелестнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, скром-ность ея, разгорѣвшіяся щеки, уклончи-вость отъ похвалъ, все это еще болѣе при-давало ей красоты.

Чадскій хотѣлъ нѣсколько успокоиться и собраться съ мыслями. Когда начался балъ, Польскимъ, онъ подалъ Софѣ ру-ку, и ходя съ нею, во время танца, от-крылся прямо въ любви, предлагая со-единить свою судьбу на вѣкъ. Софья при-шла въ замѣшательство, и не могла ни-чего сказать. Это подавало большую на-дежду Чадскому. Наконецъ, ободрившись, отвѣчала Софья: «Сдѣланное вами пред-ложеніе весьма важно: отъ него зависитъ счастье или несчастье всей моей жизни.

Вы сами согласитесь, что я не могу дать вдругъ рѣшительнаго отвѣта; притомъ-же я сама отъ себя не завишу; да мы еще и не такъ хорошо знаемъ другъ друга.» — Вамъ давно можно было видѣть страстную любовь мою—сказалъ Чадскій.—Вы должны были ожидать того, что я теперь вамъ говорю, и вы имѣли все время обдумать. Къ чему-же продолжать мое мучительное положеніе неизвѣстности? Вы не кокетка, и вѣрно не будете находить удовольствія терзать меня и водить пустыми надеждами.—«Все это справедливо; но повторяю, вы сами согласитесь, что дать вдругъ рѣшительный отвѣтъ о такомъ важномъ дѣлѣ, отъ котораго зависить все благополучіе моей жизни, невозможно. Будемъ говорить откровенно: я еще мало знаю васъ, мнѣ неизвѣстенъ вашъ характеръ, ваши склонности, ваши душевные свойства. Признаюсь: привязанность вашу ко мнѣ, конечно, не лзя мнѣ было не замѣтить; но я не предвидѣла и не

приготовилась къ отвѣту на столь неожиданное предложеніе ваше. Мой образъ мыслей о любви и супружествѣ можетъ показаться вамъ страннымъ; но мнѣ надобно много времени, чтобы сообразить самое себя и вникнуть во всѣ подробности важной обязанности супруги.» — Можно-ли повѣрить, смотря на васъ — возразилъ Чадскій съ нетерпѣніемъ и неудовольствіемъ — чтобы у васъ было такое нечувствительное сердце? Можно-ли подумать, чтобы подъ такою ангельскою наружностію скрывалась — не только холодность, но и жестокость? — Однакожь онъ тотчасъ одумался, преодолѣвъ себя, и продолжалъ умоляющимъ голосомъ: «Никого и никогда не любилъ я такъ страстно, какъ васъ. Отъ васъ зависитъ все счастье моей жизни. Вы разсудительны, и, конечно, не повѣрите, ежели я скажу вамъ, что отказъ вашъ есть смертный для меня приговоръ, и что я готовъ лишиться себя жизни; но конечно повѣрите вы то-

му, что я буду очень несчастливъ. Правда, я самъ чувствую: характеръ у меня довольно пылкій и нетерпѣливый; но ваша кротость, ваша доброта.... —

«О, не надѣйтесь на это,» отвѣчала Софья, улыбаясь. «Я гораздо взыскательнѣе, нежели вы думаете. Я могу извинить какія нибудь невинныя ошѣбки, или неудовольствія, сдѣланныя мнѣ безъ мыслей; но для меня несносны капризы, своеволие, надменность и, такъ сказать, тиранское желаніе показывать власть свою.... а все это замѣтила я въ нѣкоторыхъ мужьяхъ.» — И эти ужасные пороки приписываете вы всѣмъ мужчинамъ, безъ исключенія? Неужели вы думаете, что и я таковъ-же? — «На вашъ счетъ я не говорю ни слова; но признаюсь, что теперь сказала я вамъ, то замѣтила во многихъ мужьяхъ. Не стану оправдывать женъ: есть и изъ нихъ довольно много съ такими-же недостатками.»

Чадскій готовилъ прекрасный отвѣтъ Софѣ, хотѣлъ объяснить ей, что употребить всѣ усилія составить ея благополучіе, и преодолѣть врожденную свою пылкость и нетерпѣливость. Къ несчастію, въ самое это время, Сердоликовъ, молодой офицеръ, хорошій знакомый Чадскаго, прошелъ мимо его, и по неосторожности наступилъ ему на ногу, прямо на мозоль, отъ которой Чадскій чрезвычайно страдалъ. Хотя Сердоликовъ тотчасъ извинился, но Чадскій, забывшись, вскочилъ въ бѣшенствѣ со стула, съ глазами пылающими отъ гнѣва, и не помня самъ себя, не слушая никакихъ извиненій, насквозь множество самыхъ оскорбительныхъ, самыхъ колкихъ и ядовитыхъ дерзостей. Сердоликовъ, также едва не задыхаясь отъ бѣшенства, схватилъ за руку Чадскаго. «Здѣсь не мѣсто изъясняться: мы поговоримъ послѣ. Вы меня понимаете!» сказалъ онъ Чадскому, и бросивъ на него яростный взглядъ, отошелъ

и вскорѣ уѣхалъ съ бала въ Москву. Гостей было множество; хозяинъ и не замѣтилъ отсутствія одного изъ нихъ.

Софья, съ полными слезъ глазами, была свидѣтельницею этой непріятной сцены, долженствовавшей кончиться дуэлемъ. Чадскій опомнился, почувствовалъ всю безразсудность свою, просилъ у нея извиненія, укорялъ себя въ бѣшенствѣ, клялся, что этого впредь никогда не будетъ, и что онъ чувствуетъ себя совершенно виноватымъ, и даже готовъ просить прощенія при всѣхъ у Сердоликова. Онъ хотѣлъ возобновить прежній разговоръ съ Софьею.

«Разговоръ нашъ можетъ и долженъ окончиться здѣсь, и навсегда,» сказала она ему холодно. «Вы мнѣ на самомъ опытѣ показали, что характеры наши несходны между собою, и что мы не созданы другъ для друга.»

Чадскій хотѣлъ отвѣчать, но Софья встала и, не слушая его болѣе, пошла

въ диванную, гдѣ Свѣжская играла въ вистъ. Чадскій преслѣдовалъ ее туда; но Софья объявила ему твердымъ голосомъ, чтобы онъ ее оставилъ, и что она ничего болѣе слышать не хочетъ.

Вниманіе Чадскаго къ Софьѣ, замѣченное всѣми, особенно въ продолженіе послѣдняго времени, и обыкновенныя двусмысленныя шутки и насмѣшки Князя Фольгина, позазывали явно, что дѣло доходить до сватъбы. Но въ этотъ вечеръ, увидѣвъ, что Софья оставила Чадскаго и не говорить съ нимъ ни слова, всѣ удивлялись и подшучивали надъ нимъ. Онъ самъ видѣлъ, что дѣла его идутъ плохо, но притворялся веселымъ, старался шутить на счетъ ужаснаго гнѣва Софьи, утверждая, что все это продолжится только до завтра, хотя внутренно сомнѣвался въ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Онъ съ горестію замѣтилъ, что Софья не разгорячилась, и что въ послѣднихъ словахъ своихъ показала она болѣе холодности и

презрѣнія, нежели негодованія. Ему болѣе оставалось-бы надежды, если-бы онъ увидѣлъ, что Софья съ неудовольствіемъ и краснѣя отъ досады говорила ему. Напротивъ, черты лица ея сохранили обыкновенную свою прелесть и кротость; только въ глазахъ ея замѣтно было пренебреженіе къ запальчивости и бышему его характеру.

Чадскій рѣшился сдѣлать на другой день послѣдній опытъ, и ежели будетъ имѣть неудачу, то прекратить навсегда знакомство съ этою холодною, бездушною красавицею. Сватъ его, Князь Фольгинъ, также замѣтилъ раздоръ ихъ. Онъ подошелъ къ Чадскому. «Что, братъ? Ты, кажется, сыгралъ, вмѣстѣ съ Софьею Васильевною, сцену изъ комедіи: *Le dépit amoureux* (Любовная ссора)?» сказалъ онъ. «Зачѣмъ дѣло стало? Не взять-ли мнѣ роли примирителя?» — Ничего, все вздоръ! — отвѣчалъ Чадскій съ принужденною улыбкою. — Надѣюсь, къ завтра-

му жестокость ея смягчится; пожалуйста не говори ей ни слова: я боюсь, что и ты сыграешь ролю *неудачнаго примирителя*.

Однакожь Князь Фольгинъ отыскалъ Софью въ другой комнатѣ. «Что вы не танцуете, Софья Васильевна?» сказалъ онъ. — Благодарю — такъ, что-то голова болитъ. — «Да отъ чего-же у васъ болитъ голова? По лицу вашему замѣтно что-то необыкновенное. Я никогда не видалъ васъ въ такомъ волненіи.» — Я не знаю, что вы замѣчаете. Въ залѣ очень жарко; отъ этого у меня разболѣлась голова — вотъ все. — «Нѣтъ, есть что нибудь другое,» продолжалъ Князь Фольгинъ, посмотрѣвъ ей, пристально, прямо въ глаза. «Воля ваша, а я отъ удивленія становлюсь нѣмъ и восклицаю: *ахъ, Милостивая Государыня!* Эту фразу, изъ одного стариннаго романа, должно повторить, посмотрѣвъ со вниманіемъ на васъ.» Софья улыбнулась, и ничего ему не отвѣчала. — «*Что я слышу?*

Безмолвіе—сказаль, или могъ сказать какой нибудь древній мудрецъ, напримѣръ, хотя Конфуцій!» прибавилъ Князь Фольгинъ, помирая со смѣху, и имѣя въ виду развеселить Софью.—Что мнѣ еще сказать вамъ? У меня отъ жара болитъ голова, и отъ этого я не танцую. Вотъ причина, по которой вы находите необходимымъ *восклицать въ онѣмънѣи и слышать безмолвіе* — отвѣчала съ усмѣшкою Софья. Тутъ Свіяжская окончила свою партію и пошла къ себѣ въ комнату. Софья послѣдовала за нею.

Оставшись наединѣ, она рассказала Свіяжской всѣ подробности разговора своего съ Чадскимъ и ссору его съ Сердоликовымъ. Свіяжская одобрила всѣ поступки и слова Софьи. «Повѣрите-ли, тетущка,» продолжала Софья, насилу удерживая свои слезы: «я готова была сдѣлаться жертвою его; думаю, что наконецъ я полюбила-бы его, и очень ему обязана, что онъ такъ скоро снялъ съ себя маску

и открылъ въ настоящемъ видѣ свой характеръ. Нѣтъ, впередъ буду я остороженъ, буду умѣть избѣгать такой опасности, и наблюдать за собою, съ такимъ вниманіемъ, съ такою недовѣрчивостію къ самой себѣ, что вѣрно въ другой разъ не попадусь въ подобныя сѣти. Мы завтра утромъ уѣдемъ отсюда, тетушка? Не правда-ли?» прибавила Софья, и слезы невольно потекли изъ ея глазъ. — Непременно завтра—отвѣчала Свѣяжская.—Но прежде отъѣзда мнѣ надобно имѣть продолжительный и важный разговоръ съ Княгининею Фольгиною; притомъ-же, ты сама знаешь, я не могу вставать рано. Кажется, мы не можемъ выѣхать прежде какъ часу въ первомъ, или во второмъ; однакожъ ежели тебѣ неспрѣятно встрѣчаться съ Чадскимъ, то пробудь утро въ моей комнатѣ.

«Встрѣча съ нимъ,» отвѣчала Софья, «ни сколько не беспокоитъ меня; напротивъ, я очень рада показать ему, что бѣшенство и запальчивость его возвратили

мнѣ прежнее равнодушіе къ нему. Если же я стапу избѣгать свиданія, онъ можетъ подумать, что я только сержусь, и все еще сохраняю чувства привязанности. Къ несчастію, прежде онъ могъ это замѣтить. Теперь я хочу показать, что всѣ мои сношенія съ нимъ навсегда прерваны.»

Чадскій, возвратясь съ бала въ свою комнату, нашелъ присланную съ нарочнымъ изъ Москвы записку отъ Сердоликова, съ вызовомъ на дуэль. Сердоликовъ назначалъ мѣсто недалеко отъ города, увѣдомлялъ, что въ 6-ть часовъ утра ожидаетъ его, и хочетъ драться на пистолетахъ. Былъ уже третій часъ въ исходѣ. Чадскій пошелъ въ комнату къ пріятелю своему Стрѣльскому, бывшему въ числѣ гостей у Князя Фольгина, и просилъ его быть секундантомъ. Они не раздѣвались; спросили себѣ чаю; Чадскій осмотрѣлъ свои дорожные пистолеты, и велѣлъ запрягать коляску. Въ назначенное время явились они на мѣсто, и нашли уже тамъ Сердо-

ликова. Объясненіе продолжалось недолго. Чадскій не хотѣлъ просить прощенія, и дуэль окончился тѣмъ, что Сердоликовъ получилъ опасную рану въ бокъ. Его отнесли въ коляску. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ умеръ. Чадскій былъ раненъ легко въ руку. Привхавшій изъ Москвы съ Сердоликовымъ лекарь перевязалъ имъ обоимъ раны, и Чадскій, все еще имѣя нѣкоторую надежду тронуть Софью, возвратился въ подмосковную Фольгина очень рано. Тамъ почти всѣ еще спали.

И такъ—Сердоликовъ, прекрасный молодой человѣкъ, одинъ сынъ у отца, полагавшаго на него всю надежду, окончилъ бѣдственно, въ ужасныхъ мученіяхъ, жизнь свою. . . . И отъ чего?—Но тщетны будутъ всѣ усилія возставать противъ пагубнаго обыкновенія выходить драться на смерть за всякую бездѣлицу! Этотъ остатокъ варварства отдаленнѣйшихъ временъ еще долго будетъ господствовать между моло-

дыми людьми. Многіе читали и будутъ читать пламенныя, излившіяся прямо изъ души, мысли добраго Руссо о дуэляхъ; многіе изъ читавшихъ вѣрно были убѣждены истинами, имъ представленными, и—при первомъ случаѣ, за малѣйшую бездѣлицу, готовы вызвать сами, или согласиться на дуэль.

ГЛАВА VIII.

Il y a un lieu sur la terre, où les joies pures sont
«inconnues, où les remords et les inquiétudes, furies
«infatigables, tourmentent les habitans. C'est la mai-
«son de deux époux, qui ne peuvent ni s'aimer, ni
«s'estimer.»

ST. LAMBERT.

«Есть на землѣ мѣсто, гдѣ чистыя радости не
«извѣстны, гдѣ угрызения совѣсти и безпокойство,
«дурнѣи неустоимыя, преслѣдуютъ и терзаютъ оби-
«тателей. Это домъ супруговъ, которые ни уважать,
«ни любить другъ друга не могутъ.»

С ЛАМБЕРТЪ.

Комната Софьи была подлѣ кабинета
Княгини Фольгиной. Прежде, проснув-
шись, тотчасъ уходила она къ Свѣжской;
но въ эту ночь Софья дурно спала, вста-
ла рано, и зная, что Свѣжская еще не

просыпалась, осталась противъ обыкновенія долго въ своей комнатѣ, успѣла одѣться, окончить свои утреннія молитвы, и принялась за чтеніе сочиненій Фенелона. Она сидѣла очень тихо, когда Княгиня Фольгина пришла къ себѣ въ кабинетъ. Вскорѣ послѣ того явился къ ней мужъ ея. Софья, совсѣмъ нечаянно, услышала слѣдующій разговоръ между ними.

«Я получилъ сей часъ записку отъ Графини Юліи Станиславовны Лелевой,» сказалъ Князь, входя въ комнату. «Она сегодня приѣдетъ къ намъ обѣдать, и пробудетъ нѣсколько дней. Прошу приказать приготовить для нея эту комнату. Вели вынести все свое отсюда.» — И такъ, не смотря на всѣ слова мои, ты пригласилъ ее къ себѣ?—сказала ему жена его.—Но вспомни, по крайней мѣрѣ, условіе твое съ Прасковьею Васильевною: она рѣшительно объявила тебѣ, что прибытіе Лелевой сюда будетъ знакомъ ея отъѣзда. Кажется, хотя изъ уваженія къ этой по-

чтенной женщинѣ и благодѣтельницѣ нашей, могъ-бы ты не приглашать ее.—«А я, сударыня, пригласилъ, и хотѣлъ пригласить ее. Что мнѣ за нужда до вашихъ глупыхъ женскихъ прихотей! Я хозяинъ у себя въ домѣ,» возразилъ Князь грубымъ голосомъ, и съ неудовольствіемъ. «Опять слезы и слезы! Ты хоть кого выведешь изъ терпѣнія: ты мнѣ надоѣла жалобами и слезами своими. Я кончу тѣмъ, что буду гласно имѣть любовницу!» — Этой гласности только и не достаетъ! — отвѣчала Княгиня, заливаясь слезами, и почти задыхаясь отъ рыданій. — Я тебѣ надоѣла своими слезами и жалобами; но кто видалъ меня плачущую? Кому я жалуюсь? Оставшись одна, позволяю себѣ предаться моему справедливому горю; но никто, ничего не знаетъ, никто даже не подозреваетъ, до какой степени я несчастлива! Ты хочешь при всѣхъ казаться добрымъ и угодливымъ мужемъ, и почти все такъ о тебѣ думаютъ. На мой счетъ

говорять Богъ знаетъ что: называютъ меня сумасбродною, и жалуютъ о тебѣ; но все терплю, и никому неизвѣстно, какъ ты лицемѣришь со мною при всѣхъ! Никогда и никому я не жаловалась, и съ покорностію несу тягостный крестъ мой. Настоящая истина отъ всѣхъ сокрыта!

«Къ чему весь этотъ вздоръ, и кончится-ли твое болтанье?

— Я знаю, все бесполезно, что я ни говорю тебѣ; но вотъ, посмотри, какую я получила записку. Три мѣсяца тому назадъ сказывалъ ты мнѣ, что заплатилъ деньги въ Институтъ, за дочь нашу, и въ Пансіонъ, за сына. Теперь черезъ Полицію объявлено у насъ въ домъ, въ Москвѣ, чтобы мы, или заплатили деньги, или взяли ихъ къ себѣ.

«Ахъ! да, въ самомъ дѣлѣ, я забылъ, что деньги точно не заплачены. Въ этотъ день обѣдалъ я въ Англійскомъ Клубѣ, игралъ несчастлииво, и деньги, назначенныя для заплаты за дѣтей, все спустилъ;

но эта небольшая бѣда — подождать — заплачу! Деньги и все деньги! Вѣкъ свой мучишь ты меня изъ денегъ, а откуда мнѣ взять ихъ? »

— О себѣ самой я не говорю ни слова; по твоей волѣ разлучена я съ дѣтьми моими. Ты самъ знаешь, что я во всемъ должна отказывать себѣ, не имѣю никогда копѣйки, и даже вчера, когда пришла ко мнѣ крестница, дочь старосты, на поклонъ, должна я была занять пять рублей у Софьи Васильевны, говоря, что у меня нѣтъ мѣлкихъ ассигнацій. Если-бы ей извѣстна была настоящая причина!

«Большая важность — пять рублей!» сказалъ Князь Фольгинъ, вынимая книжку свою, наполненную ассигнаціями, которыя получилъ, заложивъ брильянты жены.—На, отдай эти пять рублей!»

— У тебя, кажется, теперь довольно денегъ. Ради Бога, дай мнѣ отослать за дѣтей.

«Ну, вздоръ! Тамъ еще потерпятъ, а мнѣ деньги нужны на другія издержки.»

— Прощу тебя, сдѣлай одолженіе, избавь меня и себя отъ стыда: отошли поскорѣе деньги за дѣтей! И того, кажется, слишкомъ довольно, что съ нашимъ состояніемъ ты не воспитываешь ихъ дома.

«А я опять тебѣ повторяю, что ты говоришь все вздоръ. Не тебѣ вмѣшиваться въ мои дѣла. Я вдесятеро тебя умнѣе, и самъ знаю, что дѣлать надобно. Впрочемъ, ежели ты такъ упряма, и непременно все по своему хочешь поставить, я тебѣ не мѣшаю. Займи у твоей *старухи*, или у Холмской: ей старуха дастъ много денегъ; да Холмской даже на грѣхъ было-бы и подарить мнѣ. Я усердно хлопочу, чтобы она вышла за богатаго Чадскаго. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что когда она будетъ помолвлена, то изъ благодарности уговоритъ жениха своего купить эту подмосковную. Тогда я устроюсь и расплачусь съ долгами.—Но я долго заболтал-

ся съ тобою, а мнѣ нѣкогда. Вели непременно приготовить эту комнату для Графини Лелевой.» Съ этими словами онъ вышелъ.

Софья долго слышала рыданія Княгини Фольгиной. При самомъ началѣ разговора, она хотѣла было выйти, но боялась, что стукъ дверей, при уходѣ ея, откроетъ Князю Фольгину, что она все слышала, и что это еще болѣе можетъ повредить несчастной его женѣ: подастъ ему поводъ думать, что она нарочно просила Софью подслушать ихъ. Мысль эта удержала Софью; она не смѣла пошевелиться, и ушла тогда только, когда вошедшая къ Княгинѣ Фольгиной служанка сказала, что Прасковья Васильевна проситъ ее къ себѣ.

По выходѣ Княгини отправилась Софья въ гостиную, гдѣ почти всѣ уже собрались. Князь Фольгинъ, какъ будто ни въ чемъ не бывавъ, также шутилъ, смѣял-

ся, былъ веселъ по обыкновенію. Софья не могла безъ ужаса смотреть на него.

Вскорѣ явился и Чадскій, съ подвязанною рукою. Всѣ обратились къ нему съ вопросомъ: что это значитъ? «Ничего,» отвѣчалъ онъ равнодушно. «Сего дня утромъ я нечаянно упалъ и ушибъ себѣ руку; это скоро пройдетъ.» Между тѣмъ, бывшій у него секундantomъ Стрѣльскій успѣлъ разсказать многимъ, *по секрету*, о дуэль и ранъ его; слышавшіе, также *по секрету*, сообщили другимъ, и дамы находили Чадскаго съ подвязанною рукою очень *интереснымъ*. Софья, догадываясь, что вчерашняя ссора съ Сердоликовымъ должна была окончиться дуэлемъ, почувствовала еще болѣе отвращенія къ Чадскому; она внутренно благодарила Бога, что не будетъ женою такого быснаго и взбалмошнаго человѣка, за котораго всякій день должно было опасаться, что или онъ кого нибудь лишитъ жизни, или его самого убьютъ.

Однакожь, слѣдуя намѣренію — испытать еще счастія своего у Софьи, Чадскій подошелъ къ ней, и возобновилъ извиненія во вчерашнемъ поступкѣ, говорилъ, что ему рѣдко случается забыться до такой степени, и предаться такъ сильно бѣшенству и нетерпѣливости. Онъ давалъ честное слово, что впредь никогда этого не случится, и окончилъ рѣчь вторичнымъ предложеніемъ руки и всего состоянія своего. Софья холодно поблагодарила за сдѣланную ей честь, и рѣшительно объявила, что намѣреніе ея непоколебимо, и что она вѣкъ не перемѣнитъ того, что вчера сказала ему. Не смотря на данное слово никогда не горячиться, Чадскій взбѣсился, и ежели-бы Софья не ушла изъ гостиной въ комнату Свіяжской, то имѣла-бы съ нимъ очень непріятную сцену.

Все было готово къ отъѣзду ихъ. Свіяжская и Софья вошли въ гостиную проститься, въ то самое время, когда Графиня Делева приѣхала. Свіяжская обо-

шлась съ нею очень холодно. Князь Фольгинъ смѣшался, совѣсть мучила его. Замѣшательство его еще болѣе увеличилось, когда Свіяжская бросила на него строгій, выразительный взглядъ, доказывавшій, что ей извѣстна связь съ этою безстыдною кокеткою.

Съ большимъ удовольствіемъ оставила Софья домъ, гдѣ хозяинъ, по ея мнѣнію, былъ совершенный извергъ. Вообще всѣ мужчины казались ей вѣроломными, несправедливыми, настоящими чудовищами!

Чадскій съ горестію проводилъ Свіяжскую и Софью до кареты. Ему тягостно было лишиться всей надежды получить когда нибудь руку Софьи. Самолюбіе его было жестоко оскорблено. По отъѣздѣ Свіяжской, онъ притворялся равнодушнымъ, хотѣлъ казаться веселымъ, и, для разсѣянія, обратился къ волокитству за Графиней Делевою. Интрига ихъ кончилась, какъ обыкновенно, въ свое время, но прежде того Чадскій и Графиня пе-

рессорились и разстались на вѣкъ съ Княземъ Фольгинымъ.

Дорогою сообщила Софья Свѣяжской послѣдній разговоръ свой съ Чадскимъ, прибавивъ къ тому, что если бы она не попытала уйти изъ гостиной, то видно было, что взбѣсившись за рѣшительный отказъ ея, онъ готовъ былъ сдѣлать новую непріятную сцену. «Ты, мой другъ, на самомъ опытѣ видишь теперь,» сказала ей Свѣяжская, «какъ хорошо дѣйствовала ты, умевъ покорить сердце свое разсудку. Чадскій точно былъ-бы самый дурной мужъ, и ты вѣкъ свой была-бы съ нимъ несчастлива.» Она рассказала ей, что онъ прежде приезжалъ просить ея пособія; но что не знавши характера его, она общалась только ни мѣшать, ни помогать ему, и что послѣ замѣчала она нѣсколько разъ чрезвычайную занальчивость и нетерпѣливость его, а потомъ еще и Князь Фольгинъ, по нескромности своей, сообщилъ ей все козни и клеветы Гра-

фини Хлестовой, также и подвиги Чадскаго, то есть все то, что мы уже знаемъ. «Я узнала только вчера обо всемъ этомъ,» прибавила Свіжская. «Такая неразсудительность, легковѣріе, или просто сумасшествіе Чадскаго, не предвѣщали ничего, кромѣ самой бѣдственной жизни, если-бы ты за него вышла. Я хотѣла предостеречь тебя, но, къ счастью, онъ самъ скоро открылъ тебѣ глаза своими прекрасными поступками.»

Софья была поражена рассказомъ Свіжской; она не могла постигнуть, за что ненавидѣла ее Графиня Хлестова, и для чего рѣшилась она на такую гнусную клевету. По добротѣ своей, не знала Софья, что свойства людей разнообразны, что точно такъ-же, какъ одни готовы на всякую помощь и добро, другіе напротивъ готовы вредить, и находятъ удовольствіе дѣлать зло. Поступкамъ Графини Хлестовой тѣмъ еще менѣе должно было удивляться, что собственный интересъ по-

двинулъ ее дѣйствовать такимъ образомъ. Она имѣла въ виду отбить у Софьи жениха и выдать за богатаго и знатнаго человѣка свою дочь. *До интереса-жъ гдѣ коснется, не только тамъ гусямъ — и людямъ достается*—сказалъ И. А. Крыловъ.

Послѣ того Софья разсказала слышанный ею нечаянно разговоръ Княгини Фольгиной съ мужемъ. — «Я все знаю,» отвѣчала Свѣяжская, со вздохомъ. «За детей я заплачу, и сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть, къ облегченію ея горестей. Но чѣмъ помочь въ несчастной ея жизни съ мужемъ? Ты конечно, замѣтила связь нашу съ нею, и сердечное мое участіе въ судьбѣ этой несчастной женщины?» — Очень замѣтила — отвѣчала Софья. — Она воспитывалась въ вашемъ домѣ: вотъ все, что я знаю объ ней. Давно хотѣлось мнѣ спросить у васъ, но обеспокоивъ васъ прежде нескромнымъ вопросомъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ вашей жизни, послѣ того

остерегалась я, чтобы не причинить вамъ новаго горя. — «Благодарю тебя за дѣятельность твою», отвѣчала Свѣжская, «но еще повторяю: воспоминаніе о моемъ несчастіи не такъ уже тягостно для меня, какъ было прежде. Исторія Княгини Фольгиной имѣетъ нѣкоторую связь съ моею собственною. Я все расскажу тебѣ.»

ГЛАВА IX.

«What is life? A war, eternal war with woe.

Юнг.

«Что есть жизнь? Война, вѣчная война съ не-
мъ счастьемъ.

Юнгъ.

«Я была одна дочь у моихъ родителей» — сказала Свѣяжская. «Отецъ мой занималъ довольно значительное мѣсто въ Москвѣ, и имѣлъ большое состояніе. Ты можешь повѣрить, что въ женихахъ у

меня не было недостатка. Теперь нѣтъ никакихъ слѣдовъ, но, говорить, въ молодости я была не дурна собою, слѣдовательно, являлось много и влюбленныхъ въ меня. Въ большомъ числѣ мнѣ легко можно было выбрать чловѣка по сердцу. Родители мои страстно меня любили, были слишкомъ снисходительны, имѣя одну дочь, и, можетъ быть, и баловали меня. Какъ-бы то ни было, мнѣ предоставили совершенную свободу, и хотя избранный мною не очень имъ нравился, но они не противорѣчили, и я почитала себя совершенно счастливою.

«Графъ Ольгинъ былъ прекрасной наружности, уменъ, хорошо воспитанъ, ловокъ, лучшаго тона, и, казалось, страстно былъ влюбленъ въ меня. Чего еще недоставало для 18-ти лѣтней дѣвушки? Мнѣ и въ голову не приходило разсмотрѣть его характеръ и душевныя свойства. Онъ былъ всегда любезенъ со мною, угодливъ, говорилъ, какъ тогда я думала, о привя-

занности своей прямо отъ сердца. Словомъ: Графъ соединялъ въ себѣ, по моему мнѣнію, отличнѣйшія достоинства, и, казалось, лучше никого желать было не должно. Намъ скоро помолвили, однакожъ еще негласно, пока получится согласіе отца его, жившаго въ Петербургъ. Но въ этомъ никто не сомнѣвался, потому, что состояніе Ольгиныхъ было разстроено, и молодой Графъ имѣлъ въ виду богатую невѣсту. Онъ служилъ тогда въ Гвардіи, и пріѣзжалъ въ Москву въ отпускъ. Ему надобно было, по службѣ, и для того, чтобы получить скорѣе позволеніе отца, отправиться въ Петербургъ. Отсутствіе его должно было продолжиться едва-ли нѣсколько дней, но намъ обоимъ тяжело было разставаться. Онъ писалъ ко мнѣ съ каждой станціи; изъ Петербурга получала я, почти ежедневно, самыя милыя, нѣжныя письма. Онъ увѣрялъ меня въ страстной любви, жаловался на разлуку, и проч. На всякое письмо его отвѣчала

я въ томъ-же тонѣ. Это продолжалось — съ *недѣлю*; потомъ замѣтила я, что Графъ не въ такомъ уже сильномъ отчаяніи, какъ былъ прежде. Въ письмахъ его находила я *что-то такое*, что мнѣ не совсѣмъ нравилось. Однакожъ онъ продолжалъ довольно часто писать, все также изъяснялся въ любви своей; но мнѣ казалось, что онъ, можетъ быть, безъ всякой нужды продолжаетъ пребываніе свое въ Петербургѣ. Любовь недовѣрчива; всякая бездѣлица ее тревожитъ. Могу ошибаться, но, мнѣ кажется, одни только женщины способны чувствовать истинную любовь. У меня было какое-то мрачное предчувствіе. Я не умѣла отдать себѣ отчета въ томъ, что меня беспокоитъ, и что мнѣ не нравится въ письмахъ Графа. Мучительное положеніе мое продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Оно такъ было тягостно, что досихъ поръ не могу я безъ слезъ вспомнить этого времени. Наконецъ — предчувствіе мое оправдалось са-

мымъ дѣломъ: мы получили извѣстіе, что Графъ Ольгинъ женился въ петербургѣ, и ѣдетъ въ чужіе края, для поправленія разстроеннаго здоровья жены, которая увѣрила его, что болѣзнь ея происходитъ отъ долговременной къ нему любви. Мы узнали, что отецъ Графа Ольгина гораздо прежде сваталъ за него дѣвушку знатной фамиліи, которая была при томъ гораздо богаче меня. Графъ былъ согласенъ, ѣздилъ часто въ домъ своей невѣсты; но его водили, и не давали рѣшительнаго отвѣта: онъ замѣтилъ, что имѣютъ въ виду другаго. Состояніе отца его было чрезвычайно разстроено; должно было принять рѣшительныя мѣры, чтобы поддержать себя, и *поправилься* выгоднымъ супружествомъ. Тогда было обыкновеніе: ѣздить для женитьбы изъ Петербурга въ Москву, гдѣ всегда много богатыхъ невѣстъ, и промотавшіеся женихи спѣшили изъ Петербурга къ намъ. Графъ Ольгинъ, по совету отца, предпринималъ это путе-

шество, съ намѣреніемъ непременно жениться, и достигнулъ своей цѣли. Но во время искательства моей руки, обстоятельства въ Петербургѣ перемѣнились: семейство, гдѣ онъ прежде сватался, было согласно отдать за Графа, потому что тотъ, на кого имѣли виды — измѣнилъ. Опять возобновилось знакомство съ отцомъ Графа Ольгина, и по возвращеніи жениха моего въ Петербургъ все приняло другой видъ. Отецъ его убѣждалъ; въ домъ будущей жены своей принять онъ былъ, какъ не лзя лучше; даже сама соперница моя рѣшилась откровенно сказать ему, что она давно и страстно влюблена въ него, что прежде не соглашались ей родители, и видѣвъ, что она таесть отъ любви къ Графу, и здоровье ея совершенно разстроилось, теперь сами желаютъ имѣть его своимъ зятемъ. Послѣ открылось, что она никогда и никакой привязанности къ нему не имѣла и желала только выйти за него изъ

отмщенія, за тѣмъ, что-бы показать равнодушіе къ измѣннику, въ котораго она точно была влюблена.

«Графъ Ольгинъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ нѣкоторую привязанность ко мнѣ; по крайней мѣрѣ, онъ долго колебался. Но убѣжденія отца, эгоизмъ, и намѣреніе жениться по расчету, т. е. взять за женою побольше приданаго — сдѣлали перевѣсъ въ пользу моей соперницы: она была гораздо богаче меня; интересъ восторжествовалъ надъ сердечною привязанностію!

«Не буду распространяться въ описаніи горести моей. Признаюсь: не смотря на вѣроломство и гнусный поступокъ Графа Ольгина, я не могла принудить себя забыть его. Многимъ покажется не понятно, что горестъ моя усилилась, когда я узнала о несчастномъ его супружествѣ. Все говорили о дурной нравственности, вѣтренности и капризахъ Графини Ольгиной. Чувство любви къ из-

мѣннику тайлось въ моемъ сердцѣ; я принимала участіе въ немъ, противъ воли.

«Батюшка и, особенно, матушка, очень желали, чтобы я вышла за мужъ. Сватовство Графа Ольгина было негласно, и ни сколько не могло повредить моеѣ *репутации*. Но чувство привязанности къ Графу не изглаживалось изъ моего сердца, и ни о комъ другомъ я не могла помышлять. Родители мои не дѣлали мнѣ никакого принужденія.

«Вскорѣ послѣ этого происшествія, матушка скончалась. Отецъ мой, огорченный ея смертію, находилъ все утѣшеніе во мнѣ. Онъ не только одобрялъ мое намѣреніе, но даже былъ радъ, что я рѣшилась оставаться вѣкъ въ дѣвкахъ. Я приняла на себя все хозяйство, старалась по возможности усладить горестъ его, и успокаивать остатки дней его. На рукахъ моихъ окончилъ онъ жизнь свою, благословляя меня, и поручая въ милость Божию. Между тѣмъ Графъ Ольгинъ

былъ жестоко наказанъ. Пѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ ссорахъ и безпрестанныхъ непріятностяхъ съ женою. Случайно встрѣтилась она съ тѣмъ, въ кого прежде была влюблена. Слѣдствія этой встрѣчи были тѣ, какихъ должно было ожидать отъ женщины дурной нравственности: она возобновила прежнюю связь съ любовникомъ. Дуэль съ соперникомъ и разводъ съ женою довершили бѣдствіе Графа Ольгина.

«Года два спустя послѣ того, какъ дошли до меня слухи объ этомъ, получила я письмо. Почеркъ былъ мнѣ извѣстенъ, и не изгладился изъ моей памяти. Графъ Ольгинъ, приближаясь, какъ онъ писалъ мнѣ, къ концу жизни, заклиналъ меня именемъ Божіимъ увидѣться съ нимъ. Я не могла отказаться отъ свиданія, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ своемъ объяснялъ онъ мнѣ, что всю надежду свою полагаетъ на мое великодушіе, и ничего болѣе не имѣетъ въ виду, кромѣ просьбы ко

мнѣ, какъ къ Христіанкѣ — не оставить покровительствомъ моимъ бѣдной сироты, дочери его. Я увидѣла Графа, блѣднаго, худого, изнеможенного болѣзнію, почти умирающаго—одну тѣнь прежняго Графа Ольгина! Какая разница противъ того, когда мы въ первый разъ съ нимъ разстались! Онъ былъ тогда въ цвѣтъ молодости, прекрасный собою, влюбленный, съ полнымъ увѣреніемъ въ предстоящемъ ему счастьи. Разлука наша должна была продолжаться только нѣсколько дней.... Мы оба такъ претѣшились, что насъ не лъзя было узнать. Никогда не забуду я тягостнѣйшей сцены свиданія нашего! Графъ держалъ на рукахъ трехъ-лѣтнюю дочь свою, которая улыбалась, какъ Ангелъ, и протягивала ко мнѣ ручонки свои.... это теперешняя Княгиня Фольгина! Отецъ ея просилъ меня принять сироту подъ мое покровительство, и быть ей вмѣсто матери. Я съ восторгомъ взяла на себя эту обязанность. Батюшка былъ еще въ

то время живъ, и одобрилъ мое намѣреніе. Черезъ нѣсколько дней потомъ услышала я, что Графъ Ольгинъ — окончилъ жизнь.... Къ счастью, что смерть прекратила бѣдственное его существованіе. Какая жизнь, сколько горестей предстояли бы ему, ежели-бы онъ остался живъ! За всѣмъ тѣмъ, смерть его поразила меня.... Признаюсь, что воспоминаніе объ немъ до сихъ поръ еще мнѣ тягостно.

«Графъ Ольгинъ имѣлъ состояніе небольшое, и притомъ, разстроенное. Бывшая жена его вышла за-мужъ за соблазнителя своего, и покинула дочь свою, бѣдную мою Машу, безъ всякаго вниманія. Графъ Ольгинъ, отдавая мнѣ ее, вручилъ нѣсколько десятковъ тысячъ, оставшихся отъ всего имѣнія, которое онъ успѣлъ продать при жизни своей. Я положила этотъ капиталъ на имя Маши, для приращенія въ Опекунскій Совѣтъ, не касаясь до него, воспитывала и содержала ее на свой счетъ, какъ родную дочь.

Батюшка былъ на все согласенъ, и при смерти не забылъ ее въ своей духовной. Собственный ея капиталъ, увеличившійся въ продолженіе времени, также и состояніе, завѣщанное покойнымъ отцомъ моимъ, обезпечивали ее на всю жизнь. Пятнадцать лѣтъ прожила она со мною, утѣшала меня и составляла все мое счастье.

«Въ это время увидѣла она въ первый разъ хитраго; искуснаго лицемера—Князя Фольгина. Ежели ты сама, бывши къ нему совершенно равнодушною, могла ошибиться, и почитала его добрымъ и прекраснымъ человекомъ, то можно себѣ вообразить, какое сильное впечатлѣніе сдѣлалъ онъ на сердце восемнадцатилѣтней дѣвушки! Онъ и меня обольстилъ наружностію своею, хотя довольно дорого заплатила я за горькую мою опытность....

«Удивляться не чему, что онъ завлекъ невинную, неопытную дѣвушку. Всѣмъ казалось тогда, что Маша моя составляетъ

прекрасную партію. Притомъ-же, въ это время только что получилъ онъ большое состояніе, въ наслѣдство послѣ отца, и вообще имѣлъ очень хорошую репутацию. Ты сама видѣла любезность его, веселый характеръ, остроуміе, и повѣришь, что Маша страстно любила его. Но—не долго носилъ онъ маску передъ нею! Вскорѣ мотовство его, роскошь, распутство—открыли глаза несчастной его женѣ. Маша—такъ привыкла я до сихъ поръ называть ее—никому не жалуется, сносить съ истинно Христіанскою твердостью бѣдствіе свое. Даже и мнѣ никогда и ничего не говорить она, но я привыкла съ дѣтства замѣчать по лицу ея чувства. Къ счастью, во время еще успѣла я предупредить ее, чтобы она сохранила капиталъ свой для дѣтей, и отнюдь не брала-бы его изъ Опекунскаго Совѣта. Это обуздываетъ и удерживаетъ мужа ея отъ дальнѣйшихъ оскорбленій. Онъ промоталъ почти все свое имѣніе, и предвидѣть, что

скоро долженъ будетъ прибѣгнуть къ великодушію жены своей.

«Вотъ вся моя исторія. Она не длинна, но утомительна, и кажется, что рассказъ мой намъ обѣимъ былъ тягостенъ»

Въ продолженіе сего разговора, совсѣмъ не замѣтивъ, прибѣхали онъ въ Москву. Въ домъ нашли онъ тотъ-же порядокъ и тоже спокойствіе, какіе были прежде.

Отдавая все преимущество жизни свободной и независимой, Софья утвердилась въ намѣреніи своемъ — не выходить никогда за-мужъ, и не предоставлять судьбы своей во власть какого нибудь своевольнаго и несправедливаго тирана. Такъ думала она тогда о всѣхъ мужчинахъ.

Вечеръ провели Свѣяжская и Софья очень пріятно, вдвоемъ. Чтобы отклонить впечатлѣніе, оставшееся отъ разговора дорогою, бесѣдовали онъ о предстоящемъ для нихъ путешествіи къ Амаевымъ, располагали когда выѣхать, воображали, съ

какимъ удовольствіемъ будутъ приняты,
и какъ пріятно проведутъ время у Агла-
евыхъ.

ГЛАВА X.

« Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семей-
ственною жизнью, есть прямо добрый, и, слѣдо-
вательно, прямо счастливый человѣкъ... »

ЖУКОВСКИЙ.

Черезъ вѣсколько дней по возвращеніи
отъ Князя Фольгина, Свѣжская и Софья
выѣхали изъ Москвы. Свѣжская всегда
имѣла обыкновеніе, выѣзжая изъ Москвы
и возвращаясь въ Москву, посѣщать мо-

гилы родителей своихъ. Въ Донскомъ монастырѣ отслужила она панихиду, и прямо оттуда отправилась въ путь. Свіяжская просила Софью захватить съ нею, на нѣсколько дней, въ ея подмосковную; это было по дорогѣ, и никакого крюку чрезъ то онѣ не дѣлали.

Панихида на гробъ родителей возбудила горестныя воспоминанія въ Свіяжской; она поплакала, но вскорѣ отерла слезы, и съ чувствомъ сказала: «Дай Богъ всякому такъ умереть, чтобы по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ вспоминали о немъ со слезами!» . . . Это было поводомъ къ разговору о родителяхъ Свіяжской. Она рассказала, что ея родители, проживъ слишкомъ тридцать лѣтъ вмѣстѣ, не имѣли никогда ни малѣйшаго неудовольствія между собою. «Пріятно было смотрѣть на старичковъ»—продолжала она. — «Взаимная любовь и привязанность ихъ не ослабѣвали. Съ душевнымъ умиленіемъ видѣла я, какъ они старались

угождать другъ другу. Батюшка былъ довольно горячаго характера, но матушка умѣла укрощать и успокоивать его. Все хозяйство лежало на ней; невозможно, чтобы въ домъ иногда не было какойнибудь непріятности отъ людей; но она умѣла все улаживать, не допускала до его свѣдѣнія, и ничѣмъ его не тревожила. Все у нея было въ порядкѣ, напередъ обдуманно и приспособлено, и никогда не бывало слышно никакого ворчанья на людей, жалобъ на хлопоты и неудовольствія отъ нихъ, что такъ часто слышимъ мы отъ другихъ хозяекъ. Она была не кропотлива, хотя взыскательна, и даже строга, только справедливо и безпристрастно; за то она заботилась о хорошемъ содержаніи домашнихъ, и люди не только боялись и уважали, но можно сказать, боготворили ее. Самое большое наказаніе для слуги бывало то, ежели она отдаляла его изъ своего дома и отсылала въ деревню. И я до сихъ поръ слѣдую пра-

виламъ матушки. Ты сама видѣла, что у меня въ домѣ, кажется, все довольно въ порядкѣ, и на людей я жаловаться не могу.

«Съ величайшимъ вниманіемъ занималась она тѣмъ, чтобы все, что батюшкѣ нужно, и что онъ любилъ, было заблаговременно приготовлено. Во полной мѣрѣ была она заботливымъ другомъ, доброю женою и помощницею мужа своего. Батюшка все это чувствовалъ, и умѣлъ отдавать ей должную справедливость. Никогда не выйдетъ изъ памяти моей тотъ день, когда праздновали они серебряную свадьбу свою. Это было въ подмосковной, куда мы теперь ѣдемъ. На праздникъ приглашены были родные, и многіе изъ сосѣдей. Послѣ обѣдни, молебна, и угощенія всѣмъ дворовымъ и крестьянамъ, когда за нашимъ обѣдомъ стали пить за здоровье виновниковъ праздника, я, по данному мнѣ отъ батюшки знаку, встала изъ-за стола, и вмѣстѣ съ нимъ подошла къ до-

брой нашей старушкѣ. Батюшка, съ бокаломъ въ рукѣ, нѣжно поцѣловаль ее, и со слезами сказалъ ей: «Двадцать пять лѣтъ дѣлала ты меня совершенно счастливымъ; да наградишь тебя самъ Богъ! «Призываю милость и благословеніе Его на тебя, истинный, вѣрный другъ мой! «Тебѣ не страшно предстать передъ престоломъ Божіимъ: ты исполнила опредѣленіе твое на землѣ; ты была доброю, примѣрною женою и матерью. Объ одномъ только прошу Бога, чтобы дочь наша была похожа на тебя.»—«Можешь вообразить» — продолжала Свѣяжская — «какъ была тронута матушка. Со слезами бросилась я цѣловать ея руки; она попеременно обнимала, то меня, то батюшку, и отъ слезъ могла сказать только: «Другъ мой, друзья мои, истинные мои «друзья, сокровище, счастье мое на землѣ! «чѣмъ и какъ мнѣ благодарить Бога за «милость Его!» Всѣ гости, и даже слуги, находившіеся при столѣ, были тронуты

и плакали. Батюшка прекратилъ эту сцену, махнувши платкомъ. Тайно приготовленные имъ музыканты заиграли, по старинному обычаю, *тушъ*; трубы и литавры загремли, и вдругъ кругомъ дома раздалось радостное: *Ура! Ура!* Этотъ сюрпризъ сдѣлалъ батюшкѣ старый его камердинеръ, которому поручилъ онъ приготовить музыкантовъ, приведя ихъ во время обѣда, такъ, чтобы матушка не видала. Старикъ сказалъ потихоньку нѣкоторымъ изъ дворовыхъ, чтобы они стояли у оконъ подлѣ дома, и въ то время, когда музыканты заиграютъ, закричали: *Ура!* Но Староста, узнавъ объ этомъ отъ дворовыхъ, объявилъ крестьянамъ, и всѣ, отъ мала до велика, собрались, и мужики и бабы. Подлинно, они сдѣлали намъ настоящій сюрпризъ; такъ всѣ закричали, что затряслись окна, и мы вздрогнули отъ такой печаянности! Окончился праздникъ, какъ обыкновенно—прибавила Свѣяжская.—Батюшка открылъ балъ съ ма-

тушкою, Польскимъ; потомъ вся молодежь, въ томъ числѣ и я была, усердно танцовали, былъ Фейерверкъ и иллюминація. Все это помнить нѣчего; но сцены за обѣдомъ я въ вѣкъ не забуду!»

Въ подмосковную Свіяжской приѣхали довольно рано. Вездѣ видѣнь былъ отличнѣйшій порядокъ. Деревня была поселена по плану, съ большими промежутками между строеній; повсюду замѣтно было изобиліе и устройство: гумны у крестьянъ, огороды, задніе дворы, все было обгорожено; избы, овины, клѣти, анбары покрыты; передъ каждымъ дворомъ находился палисадникъ, и посажены были деревья; проулки между дворами представляли вездѣ прекрасныя аллеи; среди выгона построенъ былъ большой, запасный, каменный магазинъ, крытый желѣзомъ, и этотъ магазинъ носилъ не пустое названіе, но всегда наполнялся мірскимъ, общественнымъ хлѣбомъ, и обеспечивалъ крестьянъ на случай неурожая. Подлѣ

магазина стояло, подъ навѣсомъ, нѣсколько пожарныхъ трубъ и инструментовъ. По берегу рѣчки построено было нѣсколько крестьянскихъ бань, и вырыты въ землѣ лѣтнія печи, для печенья хлѣбовъ и приготовленія кушанья, потому, что по заведенному еще при отцѣ Свѣяжской порядку, на все лѣто въ избахъ печки были запечатаны. Устроенныя, въ замѣнъ ихъ, землянки, и сдѣланные надъ ними, на случай ненастья, навѣсы, представляли возможность крестьянамъ не разводить огня по избамъ, что очень часто бываетъ причиною пожаровъ въ деревняхъ, особенно же въ рабочее время, когда остаются дома иногда одни только ребятишки и слабая старухи.

Господская усадьба, садъ, оранжереи, гумно, анбары — все было въ хорошемъ видѣ; домъ, и прочія строенія, были старинныя, и нѣсколько уже ветхи, но поддерживались въ превосходномъ порядкѣ. Софья, безъ всякой лести, хвалила под-

московную Свіяжской. «Говорять, что женское управленіе всегда бываетъ дурно» — сказала она. — «Дай Богъ, чтобы у иного мужчины въ такомъ-же было устройствѣ, какъ здѣсь я вижу.» — Все заведено покойнымъ батюшкою — отвѣчала Свіяжская. — Я ничего не перемѣнила, оставила того-же стараго управляющаго, и стараюсь только поддержать въ прежнемъ видѣ, какъ было при батюшкѣ. Я знаю, что ему сначала было очень трудно привести все въ устройство; наши мужички не охотники до порядка, но за то послѣ, когда они привыкли, то, не только были ему благодарны, но чрезвычайно полюбили его устройство. Похороны отца моего останутся для меня на вѣкъ незабвенны! Онъ скончался зимою, въ Москвѣ. Въ день погребенія его собрались къ намъ на дворъ всѣ крестьяне, отсюда и изъ другихъ деревень нашихъ, находящихся не въ далекомъ разстояніи отъ Москвы. Всѣ просили позволенія простить-

ся съ добрымъ ихъ помѣщикомъ. Слезы — и точно нелicenseмърные, потому, что нѣтъ нужды льстить мертвымъ — проливали крестьяне на гробъ его; они взялись нести его на рукахъ своихъ въ церковь, и потомъ до могилы. Домъ нашъ былъ въ Басманной; оттуда, какъ ты сама знаешь, не близко до Донскаго монастыря. Все это далекое пространство несли они гробъ отца моего на рукахъ, перемѣняясь между собою поочередно.»

Свѣяжская провела дней пять въ своей подмосковной; ѣздила осматривать лѣса и пашни; раза по два въ день бывала въ больницѣ, которую содержала она на свой счетъ, для больныхъ крестьянъ, своихъ и чужихъ. Потомъ, въ день рожденія своего, послѣ обѣдни, сдѣлала она угощеніе, по всегдашнему обычаю, дворовымъ и крестьянамъ. Пирогы, щи, а болѣе всего вино и пиво, подносимыя мужикамъ, ленты, перстеньки и куски разныхъ матерій, разданныя бабамъ, орѣхи

и пряники, данные ребятишкамъ — распространили общее веселіе въ этомъ шумномъ обществѣ. На такихъ пиршествахъ открываются истинныя, нелицемѣрныя чувства привязанности крестьянъ къ помѣщикамъ. Бабы величали барыню и плясали; старики изъяснялись къ любви своей. «Ты наша мать!» кричали ей; «да и весь родъ вашъ таковъ; и покойный батюшка-то твой — что это былъ за человекъ!»

На другой день послѣ угощенія отправились въ Пріютово, къ Аглаевымъ. Погода была прекрасная, дорога просохла, и путешественницы благополучно совершили путь свой. Съ послѣдняго ночлега встали онѣ нарочно поранѣе, и застали Аглаевыхъ за завтракомъ. Проезжая мимо сада, увидѣли хозяевъ въ бесѣдкѣ, за самоваромъ. Катерина наливала чай; подлѣ нея сидѣла мать, и мужъ, курившій трубку. Болонская собачка Холмской первая замѣтила карету, залаяла, и обратила вниманіе всѣхъ. Софья и Свѣж-

ская видѣли, что Аглаевъ, бросивъ трубку, побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу. Катерина, на сносихъ беременная, бѣжать не могла, но, переваливаясь со стороны на сторону, также спѣшила идти изъ саду къ нимъ. Холмская, оставивъ чулокъ свой, и уговаривая Катерину не бѣжать и не спѣшить, сама перегоняла ее.

Свиданіе сестеръ было трогательно: обнявшись, цѣловали онѣ другъ друга нѣсколько минутъ. Катеринѣ, по ея положенію, такая радость была даже вредна, и ей сдѣлалось дурно. Мужъ тотчасъ побѣжалъ за гофманскими каплями и свѣжею водою. Дурнота скоро прошла, и Катерина опять бросилась цѣловать Софью. Обѣ онѣ плакали, спрашивали другъ друга, и, не дожидаясь отвѣта, перебивали другимъ вопросомъ. Мать ихъ и Свѣяжская не могли быть равнодушными при такой сценѣ. Наконецъ мать, отирая слезы, сказала: «Помилуй, Софья—да подойди-же ты ко мнѣ—ты меня совсѣмъ да-

же не примѣтила.» — Ахъ, матушка! неуже-ли я въ самомъ дѣлѣ къ вамъ не подходила?—вскричала Софья, и бросилась цѣловать ея руки. По немногу всѣ успокоились, и начался обыкновенный разговоръ. «Какъ ты перемѣнился и потолстѣлъ!»—сказала Софья Аглаеву.—«Какой свѣжій цвѣтъ лица! Теперь иные, въ самомъ дѣлѣ, найдутъ тебя даже красавцемъ.»—Какъ: *иные*?—возразила его жена—и *теперь*?—Онъ всегда былъ красавцемъ, хотя *нѣкоторыя*, дерзскія, осмѣливались спорить со мною, что онъ не такъ хорошъ лицомъ.

«Я тебя тоже скажу, любезная сестра»—отвѣчалъ Аглаевъ—«что ты также очень перемѣнилась, въ свою пользу. Впрочемъ, я никогда даже не дерзалъ ни съ кѣмъ спорить, чтобы ты не была красавица.»

— Видишь-ли? — продолжала Катерина. — Хотя мы живемъ и въ деревнѣ, но умѣемъ говорить комплименты. Однакожь, мы заговорились; самоваръ нашъ еще не

погасъ, и вамъ вѣрно съ дороги хочется чаю; пойдите въ бесѣдку. — Мальчикъ! — продолжала она. — Принеси поскорѣе свѣжихъ, густыхъ сливокъ. Это любитъ Софья, а для васъ, тетушка, давно приготовлены у меня любимые ваши крендели и сухарики. Да вели позвать повара: такихъ милыхъ гостей надобно хорошенько угостить. Къ счастью, у насъ поспѣлъ зеленый горохъ: вы, тетушка, до него охотница. Я думаю, мой дружокъ — прибавила она, обращаясь къ мужу — у насъ есть въ парникъ свѣжіе огурцы? Пожалуста, прикажи принести къ салату.

Густыя, свѣжія сливки для Софьи, и сухарики для Свѣяжской тотчасъ явились. «Я нигдѣ вкуснѣе твоихъ сухариковъ не ѣдала» — сказала Свѣяжская. — «Благодарна тебѣ, милая Катинька, что ты вспомнила обо мнѣ. Ты все также мила и заботлива, какъ была прежде, и вниманіе твое очень пріятно. Многимъ покажется это бездѣлицею, но въ общежитіи, и въ кругу се-

нейства, этъ бездѣлицы гораздо важнѣе, нежели объ нихъ думаютъ.»

— Во всемъ этомъ должно брать примѣръ съ васъ, тетушка — сказалъ Аглаевъ. — Въ нѣжности и вниманіи вѣрно никто васъ не превзойдетъ. — Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, продолжалъ онъ, обращаясь къ Софѣ: Скоро-ли мы увидимъ Г-на Чадскаго, или какого нибудь другаго несчастнаго, котораго ты мучишь своею жестокостію?

«Не знаю; а думаю, что и всѣ *прочіе* приѣдутъ сюда въ одно время съ Чадскимъ» — отвѣчала Софья, съ усмѣшкою. — «Отъ кого слышалъ ты этотъ вздоръ?»

— Какъ: отъ кого? Всѣ говорятъ, что Чадскій бывалъ у васъ всякій день, что ты, въ подмосковной у Князя Фольгина, играла съ нимъ на театрѣ, краснѣла и была прелестна, какъ Ангелъ, когда онъ подходилъ и говорилъ съ тобою!

«Въ самомъ дѣлѣ ты это слышалъ? Не-

уже-ли ты вѣришь этимъ вздорнымъ слухамъ?» сказала Софья, засмѣявшись.

— Очень вѣрю, и надѣюсь, что меня не обманули.

«Не отвѣчай ему ни слова» — сказала ей сестра. — «Открой мнѣ, *по секрету*, какъ все дѣло было.»

— Она хорошо вздумала — продолжалъ Аглаевъ. — Я все узнаю, а ты не будешь краснѣть, рассказывая мнѣ о своихъ подвигахъ.

«Краснѣть мнѣ не отъ чего» — возразила Софья. — «Я могу говорить при всѣхъ, что отъ роду никогда не играла на театрѣ съ Чадскимъ, и что я чрезвычайно равнодушна къ нему.»

— Ты не шутишь, сестра? — сказалъ Аглаевъ, съ большимъ удивленіемъ.

«Совсѣмъ не шучу, а говорю настоящую правду. Но самъ ты расскажи мнѣ: отъ кого ты все это слышалъ?»

— Я видѣлъ одного приѣзжаго изъ Москвы, у Князя Бориса Матвѣевича, въ

Никольскомъ, и онъ рассказывалъ. Теперь я вижу, что мнимая привязанность твоя лишила тебя обожателя, гораздо лучше и интереснѣе Чадскаго. Пронскій, какъ замѣтно было, говорилъ объ этомъ съ горестію, и даже съ отчаяніемъ.

«Пронскій? Это родной братъ Свѣтланиной? Мнѣ кажется, что я разъ, или два, видѣла его у тетушки въ домѣ. Совсѣмъ даже не помню я его въ лицо. Въ подмосковной у Князя Фольгина его не было.»

— Ты вѣрно-бы замѣтила, и не забыла его лица—сказала Свіяжская — если-бы вниманіе твое не обращено было тогда на Чадскаго. Пронскій не дурень собою, и точно добрый, прекрасный чловѣкъ. Теперь объясняется мнѣ причина, отъ чего вдругъ пересталъ онъ ѣздить ко мнѣ, и скрылся изъ Москвы.

«Пронскій, прямо изъ Москвы, приѣхалъ въ свою деревню, по близости Никольскаго. Онъ очень удивился, встрѣтившись тамъ съ твоею родною сестрою, и двумя

затѣями. И нечаянно сдѣлался наперсникомъ, или повѣреннымъ его. Если ты хочешь—я могу открыть тебѣ всѣ его тайны.»

Совсѣмъ я не любопытна знать ихъ—отвѣчала Софья.—И ты, Катинька, была также у сестры въ Никольскомъ?

Въ это время, Холмская и Свѣжская ушли изъ бесѣдки въ комнату, имѣя много кое-чего переговорить между собою, наединѣ.

«Нѣтъ, я не была, и, признаюсь тебѣ—по письмамъ ея, и потому, что рассказывалъ мой Петруша, никакой охоты не имѣю ѣхать туда. Сестрица наша очень проказничаетъ, и, думаю, послѣ будетъ сама жалѣть и раскаяваться. Безпрестанныя ссоры и непріятности ея съ мужемъ должны дурно кончиться. Вообрази себѣ только одно то, что она уже два раза сряду, отъ неосторожности и невниманія своего, выкинула! Вообще, все она дѣлаетъ наперекоръ мужу своему, вошла въ тѣсную дружбу съ сосѣдями своими Ар-

батовыми, съ которыми онъ имѣеть тяжбу, и которыхъ ненавидить. Я писала къ ней нѣсколько разъ, но она не уважила не только мои, но и маменькины совѣты.»

— И такъ, маменька наконецъ рѣшилась съѣздить въ это Никольское?—спросила Софья.

«Она была тамъ, вмѣстѣ съ моимъ мужемъ, но возвратилась въ такомъ огорченіи, и съ такимъ негодованіемъ на Лизу и Князя, что вѣрно впередъ никогда къ нимъ не поѣдетъ. Скупость Князя, вздорливый характеръ, ябедничество, и вообще глупость его, такъ возстановили противъ него маменьку, что она въ душѣ своей, какъ мнѣ кажется, извиняетъ Елисавету, хотя не только ей, но и мнѣ ни слова не говоритъ объ этомъ. Очень досадно, что братъ Алексѣй, который и безъ того порядочный эгоистъ, вошелъ въ короткую связь съ Княземъ Борисомъ Матвѣевичемъ и беретъ его во всемъ себя въ примѣръ.

Аглаевъ подтвердилъ, что говорила жена его. Софья очень огорчилась этимъ извѣстіемъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Послѣ того пошла она въ домъ, переѣнить дорожное свое платье.

Всѣ собрались къ обѣду. Столъ былъ не великолѣпный, и ничего необыкновеннаго не подавали, но всѣ кушанья были вкусны, и приготовлены изъ лучшей и свѣжей провизіи. Соусъ съ зеленымъ горохомъ всѣмъ понравился. Домашнія наливки, сдѣланныя милою хозяйкою, заслужили общее одобреніе.

Послѣ обѣда, обѣ старушки пошли отдыхать. Аглаевъ, посидѣвъ немного, отправился также куда-то по своему хозяйству; сестры остались вдвоемъ; Катерина рассказывала, какъ мила и внимателенъ мужъ ея. «Онъ всегда таковъ, какъ ты видѣла его сегодня утромъ»—продолжала она.—«Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ стало тяжело, и я почти не могу ходить, онъ безотлучно дома, читаетъ, играетъ на

фортепіано, ищетъ всѣхъ возможныхъ средствъ, чтобы угодить мнѣ.»—Съ радостію слушала ее Софья.

Служанка, по приказанію Катерины, пришла доложить, что Свіяжская проснулась. «Пойдемъ къ нимъ,» сказала она. «Маменька хотѣла непременно, чтобы тетушка жила съ нею въ одной комнатѣ; онѣ теперь вмѣстѣ, и я отнесу къ нимъ вишни изъ нашей оранжереи, только что поспѣвшія; я берегла для вашего прѣзда. Тетушка любитъ ихъ, и послѣ сна онѣ ее освѣжаютъ.» Свіяжская точно любила вишни, и по раннему времени это была еще рѣдкость. Она благодарила Катерину за вниманіе.

Разговоръ обратился опять на тотъ-же предметъ, который порадовалъ Софью. Катерина повторяла, что она совершенно счастлива, и превозносила похвалами своего мужа. «Это настоящій Ангелъ!» прибавила она. «Не только никакой ссоры и непріятности между нами не бывало, но

мы даже ни разу не спорили съ нимъ, да и не за что! Лишь только я пожелаю чего нибудь, татчасъ все исполнено. Хозяйство наше идетъ прекрасно, и въ такомъ отличномъ порядкѣ, что я сама удивляюсь, какъ умѣетъ Петруша мой такъ все устроить, что мы, съ небольшимъ нашимъ состояніемъ, живемъ, можно сказать, изобильно. Онъ точно мастеръ своего дѣла.» Софья удивлялась необыкновеннымъ способностямъ Аглаева; но Свѣжская не совсѣмъ раздѣляла ея восхищеніе, вздохнула, и ничего не отвѣчала.

Къ чаю собрались опять всѣ въ бесѣдку, въ садъ. Время до ужина провели очень пріятно, и совсѣмъ не замѣтили, что уже поздно. Наконецъ, въ 11-мъ часу увидѣли, что Катерина устала, и разошлись спать. Вездѣ и во всемъ видны были заботливость и вниманіе хозяйки. Софья нашла приготовленную для нея, въ мезонинѣ, комнату прелестною; фортепіано ея были привезены изъ Надежина.

Катерина знала, что Софья не любитъ спать на пуховикъ, и велѣла послать тюфякъ; на окнахъ повѣсила она гардины; даже большія креслы, къ которымъ Софья привыкла дома, поставлены были подлѣ балкона, точно такъ, какъ стояли онѣ въ ея комнатѣ въ Надежинѣ. Все доказывало, что сестра заботилась сдѣлать Софью удовольствіе, и напередъ приготовила все, что ей нравится. Такое нѣжное вниманіе тронуло Софью. Разказы Катерины объ ея мужѣ, порядокъ, видѣнный ею повсюду, спокойствіе, счастливый образъ жизни Аглаевыхъ — все это нѣсколько поколебало *твердое* намѣреніе ея оставаться вѣкъ въ дѣвкахъ. Разговоръ о Пронскомъ какъ-то пришелъ ей на память, и она, стараясь вспомнить черты лица его, заснула крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ.

ГЛАВА XI.

«Il y a un lieu sur la terre, où les passions tristes n'ont jamais d'empire, où le plaisir et l'innocence habitent toujours ensemble: c'est la maison de deux époux, qui s'aiment.»

СТ. ЛАМБЕРТ.

«Есть мѣсто на землѣ, гдѣ печальныя страсти никогда не имѣютъ никакого владычества, гдѣ удовольствіе и невинность обитаютъ всегда вмѣстѣ: это домъ супруговъ, любящихъ другъ друга.»

С. ЛАМБЕРТЪ.

На другой день разсматривали подарки, привезенные Свѣжскаго и Софьей изъ Москвы. Какъ ребенокъ обрадовался Аглаевъ прекрасной удочкѣ, купленной Софьей въ Англійскомъ магазинѣ, въ по-

дарокъ ему. Онъ тотчасъ побѣжалъ про-
бовать ее, и общался наловить множе-
ство рыбы къ обѣду. Катерина съ удо-
вольствіемъ разсматривала самый тонкій
батистъ и лучшія кружева, представлен-
ныя ей въ подарокъ, въ разныхъ ви-
дахъ—въ бѣльѣ, платьѣ и чепчикахъ, соб-
ственно для нея, и для будущаго ея ре-
бенка.

«Теперь не осмѣлюсь показать, что я
сама приготовила,» сказала она матери.
«Смотрѣть не лзя послѣ этихъ преле-
стей.

— Твое собственное рукодѣлье, конеч-
но, не такъ хорошо, какъ это—отвѣчала
Холмская—но оно имѣетъ большую цѣ-
ну въ глазахъ друзей твоихъ: служить
доказательствомъ, что ты занималась имен-
но своимъ дѣломъ, и трудами своими сбе-
регла деньги.

Катерина не мастерица была танцо-
вать, не съ большимъ искусствомъ игра-
ла на фортепіано и на арфѣ; но никто

лучше ея не умѣлъ управлять домашнимъ хозяйствомъ, и во всѣхъ женскихъ рукодѣльяхъ была она отличная искусница.

Софья проводила время въ Пріютовѣ чрезвычайно весело. Московская жизнь и городская духота ей надоели; съ удовольствіемъ дышала она свѣжимъ, деревенскимъ воздухомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ приѣзда, въ самую полночь, Софья услышала ходьбу и смятеніе въ домѣ. Катерина во весь день чувствовала себя не очень хорошо. Софья вспомнила, что Аглаевъ не садился ужинать; былъ безпокоенъ, и что крытыя дрожки его, тройкою, куда-то поскакали. Сообразивъ все это, Софья догадалась, отъ чего происходитъ смятеніе въ домѣ; сердце у нея чрезвычайно билось; кое-какъ одѣлась она и поспѣшила внизъ. Лампы вездѣ горѣли; слуги всѣ сидѣли въ передней; женщины суетились и бѣжали изъ дома въ кухню, и

оттуда назадъ. Мать свою встрѣтила Софья блѣдную и съ разстроеннымъ лицомъ. Она шла изъ спальни Катерины, скорыми шагами, прямо въ переднюю, и велѣла, первому попавшемуся ей человеку, тотчасъ ѣхать верхомъ къ Священнику, и попросить, чтобы онъ отворилъ въ церкви Царскія Врата. «Что, маменька?» спросила у нея робкимъ голосомъ Софья.—Ничего, ничего мой другъ! ложись спать.—«Я знаю и догадываюсь, что Катинька мучится; но скажите: здѣсь-ли бабушка, и какъ она себя чувствуетъ?»—Бабушка здѣсь, и все идетъ, слава Богу, хорошо; не безпокойся, и ложись спать. — Съ сими словами возвратилась Холмская въ спальню къ родильницѣ. Легко было сказать: *не безпокойся и ложись спать*—но не легко было для Софьи исполнить. На цыпочкахъ подкралась она къ двери спальни. Стоны родильницы, рыданіе ея мужа, увѣщанія матери, чтобы онъ не плакалъ, или вы-

шелъ - бы вонъ, ежели не можетъ удержаться, полурусскій разговоръ бабушки Нѣмки, которая очень равнодушно говорила: *Дербенье, судариня, дербенье!*... все это такъ сильно поразило Софью, что она насилу могла устоять на ногахъ, бросилась, въ маленькомъ кабинетъ Катерины, на колѣни передъ Образомъ, и со слезами молилась Богу. Молитва подкрѣпила ее; но оставаться долѣе по близости чувствовала она себя не въ силахъ, и вышла въ гостиную, гдѣ Свѣжская сидѣла съ старикомъ, Уѣзднымъ Докторомъ. «Что, тетушка,» спросила она по Французски, «что говоритъ Докторъ? — Ничего — отвѣчала Свѣжская. — Его не призывали туда; видно, благодаря Бога, нѣтъ нужды. — Это нѣсколько успокоило Софью. Сама Свѣжская была также въ большомъ волненіи, но принуждала себя, и разговаривала съ Докторомъ о постороннихъ предметахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ были

испуганы старою Холмскою. Какъ сумасшедшая, пробѣжала она мимо, черезъ гостиную въ залу. «Человѣкъ, человѣкъ!» — закричала она — «скажи поскорѣе, и проси сюда Священника!» Съ сими словами старушка упала безъ чувствъ на полъ. Всѣ бросились къ ней. Докторъ давалъ ей нюхать спиртъ, и теръ виски; испугъ придалъ Софѣ новыя силы: она держала мать на рукахъ. Докторъ скоро привелъ ее въ чувство. «Что такое случилось?» спросила растревоженная Свѣяжская. — Слава Богу! Слава Богу! она родила счастливо! — отвѣчала Холмская. «Зачѣмъ-же ты насъ такъ испугала?» — Я дала обѣщаніе: отслужить, тотчасъ, какъ она родить, благодарственный молебенъ, и за тѣмъ послала поскорѣе просить Священника. — Вскорѣ послѣ сего выбѣжалъ Аглаевъ; онъ былъ радъ, можно сказать, до безумія, плакалъ, цѣловалъ всѣхъ, кто ему ни попадался, даже и Доктора обнималъ съ нѣжностію. «Слава

Богу! все кончилось благополучно! Пожалуйте, Адамъ Францовичъ» — сказалъ онъ Доктору — «пожалуйте къ моеѣ жень — бабушка занята ребенкомъ. Да поскорѣе надобно послать за Священникомъ, чтобы взять молитву, и Катинькѣ успокоиться.» Софья, видя себя отъ радости, цѣловала Аглаева; наконецъ, опомнившись, спросила у него: «Скажи, по крайнѣй мѣрѣ, что вамъ Богъ далъ?» — Дочь, и, какъ двѣ капли воды, похожа на тебя! Катинька, еще мучась, просила меня, ежели родить она дочь, назвать ее Софьею. — «Можно-ли ее видѣть?» сказали вмѣстѣ Софья и Свѣжская. — Я думаю, можно: сей часъ спрошу у Доктора.

Аглаева родила благополучно, и была только слаба. Докторъ позволилъ войти къ ней на нѣсколько минутъ; но напоминалъ, чтобы какъ можно менѣе говорили съ нею. Всѣ вошли. Софья взяла ея руку, и со слезами цѣловала; другую руку держалъ мужъ ея, стоявшій на коленяхъ передъ

постелью; мать смотрѣла на нее съ радостнымъ лицомъ. Свѣяжская тронута была до глубины души такой картиною семейственнаго счастія. Катерина признавалась послѣ, что никогда не была она такъ благополучна, какъ въ это время. Боли никакой она не чувствовала, опасность ея миновалась, и она видѣла такое сердечное участіе людей ей любезныхъ.... Между тѣмъ приѣхалъ Священникъ; молитва родильницъ была прочтена, и къ свѣту въ домъ все успокоилось.

Въ продолженіе беременности Катерины никакого внезапнаго испуга и непріятнаго приключенія съ нею не случилось. Она была осторожна, внимательна, не объѣдалась, дѣлала нужное движеніе; притомъ-же была она счастлива и успокоена со стороны мужа. Послѣ благополучныхъ родинъ, по молодости своей, она скоро оправилась.

Крестить приглашали Князя Рамирскаго съ Холмскою; но онъ извинился, от-

говариваясь невозможностью въ рабочее время отлучиться изъ дома, и просилъ окрестить его именемъ заочно. Алексѣй Холмскій просилъ также, чтобы его извинили, по той причинѣ, что ему должно было отправляться въ Москву, гдѣ ему обещали такой родъ службы, въ которой-бы чины шли, по линіи, своимъ порядкомъ, а ему можно-бъ было жить въ деревнѣ. Старый дядя Аглаева отговорился невозможностію приѣхать въ Пріютово, за болѣзнію. Свѣжская, желая доставить Софѣ удовольствіе быть крестною матерью, отказалась подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ. Такимъ образомъ, Холмская съ Софьею крестили маленьку Соничку, а крестныхъ отцемъ только именовали при крещеніи.

Въ продолженіе шести недѣль приѣзжали къ Катеринѣ родные и сосѣди. Софья съ удовольствіемъ увидѣлась, и возобновила знакомство, съ прежними своими подругами. Она ко всемъ была пріятлива

и ласкова; но чтобы пріобрѣсть дружбу ея, требовалось чего нибудь побольше способности говорить. Она не весьма уважала тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, кромѣ разговоровъ о нарядахъ, не имѣли ни одной идеи для дружеской и откровенной бесѣды. Нѣкоторымъ отдавала она преимущество противъ прочихъ, но ни одной изъ нихъ не было, съ которой-бы отъ души могла она говорить. Софья избѣгала также открытія ихъ тайнъ, и развѣ только въ такомъ случаѣ соглашалась на довѣренность подруги, когда предвидѣла возможность быть ей полезно своими совѣтами.

Время текло въ Пріютовѣ въ томъ единообразномъ спокойствіи, которое многіе называютъ настоящимъ счастіемъ, и—зрядь-ли ошибаются! Аглаевъ былъ въ восторгѣ, имѣя право почитать себя отцомъ семейства. Холмская, по обыкновению бабушекъ, была въ полной радости, имѣя внуку, которую считала она за

восьмое чудо въ мірѣ. Здоровье молодой матери скоро совсѣмъ возстановилось. Видя участіе и любовь къ себѣ всѣхъ ее окружавшихъ, Катерина находила, что слишкомъ вознаграждена за свое кратковременное страданіе. Шесть недѣль прошли для нея совсѣмъ незамѣтно.

Первый выѣздъ Катерины въ церковь, для взятія молитвы и пріобщенія дочери Святыхъ Таинъ, былъ чрезвычайно ей пріятенъ. Многіе сосѣди и друзья приглашены были обѣдать въ этотъ день. Всѣ желали видѣть маленькаго Ангела. Няня рассказывала уже объ его затѣяхъ. Забавно было слышать, какъ всѣ хвалили красоту дѣвочки, находили, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на мать, а другіе, напротивъ, утверждали разительное сходство съ отцемъ. Софья удивлялась сравненіямъ, столь противоположнымъ; но ежели-бы знала она, что большая часть восхищавшихся, миленькимъ, прелестнымъ ребенкомъ, врядъ-ли взглянули даже на

него столько, что могли увѣриться, одинъ, или точно два у него глаза!... Софья извѣстно было и то, что большая часть людей, притѣзжавшихъ такъ сильно *радоваться*, и восхищавшихся, что нашли *милую и добрую ихъ Катерину Васильевну*, слава Богу, здоровою, были, можетъ быть, болѣе за тѣмъ, чтобы критиковать, насмѣхаться надъ нею, и злословить ее, когда потомъ соберутся въ другомъ домѣ!

«Замѣтили-ль вы, Ольга Петровна» — сказала Фіалкина Сундуковой — «одѣяльцо, обшитое прекраснымъ тюлемъ, и кружевной чепчикъ, на этомъ маленькомъ уродцѣ, дочери Агласвой? Я увѣрена: все это куплено на Кузнецкомъ мосту, въ Москвѣ. Изъ какихъ доходовъ такія роскоши. Мужъ въ долгу, какъ въ шелку, а она изволить щеголять!»

— А замѣтила-ли ты на ней самой капоть и чепчикъ? Какой прекрасной фасонъ и какія дорогія кружева!—отвѣча-

ла Сундукова, обыкновеннымъ своимъ тономъ насмѣшки, смѣшанной съ досадою. — У меня, кажется, побольше состояніе, чѣмъ у нея, а никогда не было у меня, даже послѣ первыхъ моихъ родовъ, канота изъ такого тонкаго батиста! Пристало-ли бѣдной дворяночкѣ такъ мотать?

«Надобно знать еще» — продолжала Фіалкина — «чѣмъ имъ за все это заплатить; да, и вообще, кажется мнѣ, большая глупость наряжать такъ роскошно дѣтей своихъ.»

— О нарядахъ ребенка ея говорить нѣчего: она сама мастерица на всякія рукодѣлья, и, можетъ быть, перешила и передѣлала изъ какого нибудь стараго своего платья. Но самой-то ей совсѣмъ нехотати носить такія дорогія вещи! Да, скажи: какъ тебѣ нравится меньшая сестра ея, Софья?

«Кто? Софья!... Мнѣ кажется.... Какъ вы сами объ ней думаете?»

— Она несносна, изволить чваниться,

и воображаетъ о себѣ Богъ знаетъ что. Я всегда имѣла къ ней *антипатію*. Особенно-же теперь, побывавши въ Москвѣ, она даже смѣшка своимъ тономъ.

«Я точно тоже думала» — отвѣчала добрая Фіалкина, которая согласилась-бы тотчасъ и тогда, когда-бы Сундукова говорила совсѣмъ противное о Софьѣ. — «Кажется» — продолжала она томнымъ, сострадательнымъ голосомъ — «сестра ихъ, Княгиня Рамирская очень несчастлива, не смѣтря на все богатство и знатность ея?»

— Это правда — продолжала Сундукова, съ довольною улыбкою — она точно несчастлива. Я напередъ предсказывала, что характеръ ея несходенъ съ мужнинымъ. Признаться тебѣ: я ихъ обоихъ терпѣть не могу. Не сказывай никому. ... А знаешь-ли? Онъ, послѣ отказа моеѣ Глафирушки, точно какъ будто съ ума сошелъ, совсѣмъ потерялъ голову, былъ въ отчаяніи, самъ не зналъ что дѣлалъ, и съ досады и изъ мщенія предложилъ ру-

ку свою Холмской. Мать тотчасъ этимъ воспользовалась, хотя Рамирскій послѣ того раскаявался, и хотѣлъ было отказаться; но ему показывали, будто ничего не замѣчаютъ, и спѣшили окончить сватьбу. Вотъ слѣдствія привязанности къ интересу.... Однакожъ, мужъ мой подходитъ.... Смотри, не проболтайся, о чемъ я тебѣ говорила.

Катерина, ни сколько не подозрѣвая, что ее критикуютъ, насмѣхаются надъ нею, и такъ сильно злословятъ ее, и не имѣя повода упрекать себя въ роскоши и мотовствѣ, продолжала наряжать дочь свою, и сама носила платья и чепчики, подаренныя ей Свѣжскою. Она не находила также предосудительнымъ, съ визитами къ сосѣдямъ своимъ, ѣздить въ каретѣ, на хорошихъ, одношерстныхъ лошадяхъ Свѣжской. Никакъ не воображала она, что все это подастъ поводъ къ новому злословію и возбуждаетъ зависть. Хотя всѣ знали, что карета и ло-

шади не ея, однакожь говорили: «Къ чему такая роскошь и хвастовство? На долго-ли станетъ у нихъ имѣнія, ежели они долѣе будутъ такъ жить?» Если-бы Аглаевъ купилъ самъ, на свои деньги, такую-же карету и лошадей, то и тогда, кажется, не болѣе было-бы злыхъ замѣчаній на счетъ его. Вскорѣ все это дошло до свѣдѣнія Софьи, и произвело въ ней справедливое негодованіе и отвращеніе къ людямъ столь низкимъ и завистливымъ. Она сдѣлалась гораздо холоднѣе въ обращеніи съ ними, и чрезъ то пріобрѣла на счетъ свой мнѣніе, что она слишкомъ важна и гордится, сама не зная чѣмъ.

«Въ какомъ свѣтѣ живемъ мы!» сказала Софья Свіяжской, сообщивъ ей нѣкоторыя злобныя насмѣшки на счетъ Катерины. «Можно-ли было ожидать такой зависти отъ мнимыхъ пріятельницъ ея!» — Точно-ли ты въ этомъ увѣрена? — отвѣчала Свіяжская. — Имѣешь-ли ясныя доказательства? Ты знаешь: не всякому слу-

ху надобно вѣрить. — «Я сама слышала эту глупую, подлую Фіалкину, когда она бесѣдовала съ такою-же, подобною ей Хандриною: все это придворныя Сундуковой, и повторяють, что она говорить. Вотъ ихъ разговоръ: «Мы съ тобою, Варвара Филиповна» — сказала Фіалкина — «знаемъ, что можно прожить и не имѣя новомодной кареты.» — Да, и не выставляемъ себя на показъ, и не хвастаемся чужимъ экипажемъ!» — отвѣчала Хандрина. — Все это говорили онъ такъ, чтобы я могла слышать. Черезъ минуту прошла мимо ихъ Катинька; обѣ бросились цѣловаться съ нею, и съ участіемъ разспрашивали ее о здоровьѣ *прелестнаго ея Ангела!* Катинька, не подозрѣвая, что онъ только что перестали забавляться на ея счетъ, обошлась съ ними по-пріятельски, и благодарила за участіе. И ко мнѣ обратились было эти лицемѣрки, съ своими привѣтствіями, но я не могла преодолѣть себя, не отвѣчала имъ ни слова,

и отошла отъ нихъ. За то имѣла я честь слышать сужденіе ихъ, что я слишкомъ чванюсь, что я самое несносное твореніе, и что мнѣ вѣкъ не найдти жениха; словомъ: что я достойная воспитанница *этой Сві-
яжской!* Ежели-бы знали онѣ, какой пріятный комплиментъ мнѣ сдѣлали!»

— Это еще тебѣ, видно, первый опытъ злости, лицемерства и *фальшивости* — отвѣчала Свіяжская, улыбаясь — отъ того-то такъ горячо и принимаешь ты его. Чѣмъ долѣе поживешь на свѣтѣ, тѣмъ болѣе будешь имѣть опытовъ, и ничему удивляться, ничѣмъ огорчаться не станешь.

«Что за удовольствіе злословить бѣдную Катиньку и меня! Мы имъ никакого оскорбленія не сдѣлали. Откуда происходитъ эта злость? Признаюсь: я никакъ не ожидала найдти въ деревнѣ столько низкихъ и фальшивыхъ людей! Я думала, что это свойственно только толпѣ

праздныхъ и разсѣянныхъ людей, въ большихъ городахъ...

— Ты очень ошибалась. Зависть, лицемерство, злость, и вообще всѣ пороки, распространяются повсюду, а злословіе и болтовство еще сильнѣе баваютъ въ маленькихъ городахъ и деревняхъ, нежели въ столицахъ, потому, что общество не такъ обширно, занятій и разсѣянія меньше, а праздныхъ людей гораздо болѣе. Но не смотря ни на что, я хочу, чтобы Катерина ѣздила въ моей каретѣ, пока пробуду я здѣсь, и это потому, что она еще не совсѣмъ оправилась. Что-же касается до тебя—ты разсудительна, и должна быть выше всего, не уважая пустошловіемъ клеветниковъ. Въ томъ кругу, гдѣ назначено тебѣ прожить весь вѣкъ, ты будешь встрѣчать ихъ на каждомъ шагу. Надобно вооружиться терпѣніемъ, и показывать, что ничего не замѣчаешь. Обнаруживая негодованіе свое, ты подашь еще болѣе повода къ злословію. Ста-

немъ смотрѣть на все, что дѣлается въ свѣтъ, въ настоящемъ видѣ, и любить людей, такъ, какъ они есть. Для собственнаго нашего спокойствія будемъ снисходительны къ слабостямъ и недостаткамъ тѣхъ, съ которыми обязаны мы провести нашу жизнь.

«Все это справедливо» — отвѣчала Софья — «но я лучше желаю ни съ кѣмъ не быть знакомою, и ограничить всѣ связи тѣснымъ кругомъ моего семейства, нежели имѣть сношенія съ такими людьми, которые въ глаза говорятъ мнѣ вѣжливости, а заочно злословятъ и бранятъ меня. Весь вѣкъ свой не буду я знакома съ этою подлою Фіалкиною. Пускай называютъ меня гордою и чванною: буду радоваться, если станутъ такъ обо мнѣ думать.»

— Я никогда еще не видали тебя въ такомъ дурномъ нравѣ — сказала, усмѣхаясь, Свіяжская. — Видно очень разобидѣли тебя добрыя сосѣдки, Фіалкина и

Хандрина, что ты такъ разгорячилась!
Но кончимъ нашъ разговоръ: насъ ждутъ
пить чай.

«Признаюсь: я точно разгорячилась»—
отвѣчала Софья. «Но вы сами согласи-
тесь, кажется, что я имѣю все право сер-
диться на нихъ.»

ГЛАВА XII.

« Во всемъ должно избѣгать крайности:
« самыя благородныя дѣйствія, самыя поз-
« волительныя чувства, ежели они выхо-
« дятъ изъ границъ, могутъ имѣть пагуб-
« ныя слѣдствія. »

Фонъ - Визинъ.

Уже мѣсяца два прожила Свѣяжская у
Аглаевыхъ; нѣсколько разъ собиралась
она уѣхать отъ нихъ, но ее убѣждали
остаться. И ей самой было у нихъ такъ
хорошо и спокойно, что время проходило

нечувствительно. Наконецъ , назначила Свѣжская рѣшительно день своего отъѣзда. Она предлагала Софѣ ѣхать съ нею въ Москву, гдѣ въ то время, по случаю пребыванія Императорской Фамиліи, были большія веселости; но Софья отказалась, и только благодарила ее за сіе предложеніе.

«Ежели ты хочешь» — сказала Свѣжская — «то я съ удовольствіемъ готова ѣхать для тебя въ Москву; но если желаешь лучше здѣсь остаться — Богъ съ тобой! Обо мнѣ не безпокойся; я буду въ моей подмосковной не одна: приглашу къ себѣ добрую нашу Кирбитову.»

— Если-бы мнѣ не хотѣлось пожить еще съ сестрою—отвѣчала Софья, цѣлуя руки Свѣжской—я лучше-бы поѣхала къ вамъ въ деревню, нежели въ Москву. По вы сами слышали, какъ убѣдительно проситъ меня Катинька. Елисавета, также обѣщала скоро быть сюда; мнѣ и съ нею хочется повидаться. Притомъ-же, при-

знаюсь вамъ въ моей слабости: я такъ страстно полюбила крестницу мою Соничку, что и съ ней разстаться мнѣ тяжело. Побывайте у себя въ подмосковной, и возвратитесь, милая тетушка къ намъ опять — продолжала Софья. Вы увидите большую перемену въ этомъ ребенкѣ; я увѣрена, что онъ часъ отъ часу будетъ милѣе; Катинька приняла для дочери прекрасную методу воспитанія, и, какъ мнѣ кажется, это доказываетъ, что она большая мастерица обходиться съ дѣтьми.

«Объ этомъ я хотѣла говорить съ тобою, обратить вниманіе твое, и подать дружескій совѣтъ, то есть, не тебѣ лично, а для сообщенія Катеринѣ. Конечно, страннымъ покажется совѣтъ старой дѣвки о дѣтяхъ; но надобно предупредить Катерину, чтобы она не занималась безпрестанно и исключительно однимъ только своимъ ребенкомъ. Мужчины могутъ ко всему приревновать, и обидѣться, какъ кажется съ перваго раза, маловажнымъ

невниманіемъ къ нимъ. Пока нѣтъ дѣтей, то добрая жена ничего болѣе не имѣетъ въ виду, кромѣ угожденія мужу; но молодая мать всегда страстно любитъ первенца своего, и это очень понятно. Кромѣ чувства, внушаемаго самою природою, новостъ ея положенія представляетъ ей что-то необыкновенное. Мужъ замѣчаетъ постепенное уменьшеніе угодливости и вниманія, которыя прежде ему одному были посвящены, а теперь раздѣляются между нимъ и ребенкомъ. Многимъ мужьямъ непріятно найти соперника — даже въ собственномъ своемъ дитяти.»

— Вы говорите, тетюшка, о людяхъ обыкновенныхъ, причудливыхъ, съ умомъ ограниченнымъ. Но вы сами согласитесь: нельзя думать также и о Петрѣ Ѳедоровичѣ?

«Я говорю вообще о мужчинахъ, и къ числу ихъ присоединяю и его. До сихъ поръ пріятно смотреть на него и Катиньку, какъ они любятъ другъ друга, живутъ въ совершенномъ согласіи, и онѣ

не теряет веселаго и любезнаго нрава; но это отъ того, что все еще шло донинѣ по его желанію. Повѣрь, мой другъ: онъ, можетъ быть, способнѣе всякаго другаго огорчиться и обидѣться, ежели замѣтитъ хотя малѣйшую перемену въ поступкахъ жены своей. Она до сего времени посвящала всю себя для него, старалась угождать ему, ни въ чемъ ему не противорѣчила: хотѣлъ-ли онъ что нибудь читать — она оставляла всѣ домашнія занятія, брала работу свою, и садилась его слушать; желалъ-ли онъ ѣхать, или гулять съ нею — она тотчасъ была готова; словомъ: она жила именно только для него. Теперь невозможно ей *посвятить себя исключительно ему одному*: у нея есть другая, столь-же священная обязанность. Предупреди-же ее, чтобы она старалась избѣгнуть крайностей. До сихъ поръ имѣла она въ предметъ одного только мужа; теперь надобно ей уметь раздѣлить свои чувства, и держаться благо-

разумной средины между мужем и дочерью.»

— Если я ошиблась въ мнѣніи моемъ о Петрѣ Федоровичѣ—отвѣчала Софья—дѣло кончено: я презираю и буду вѣкъ ненавидѣть всѣхъ мужчинъ! Но вы увидите, тетушка, что онъ ни сколько не перемѣнится, и навѣрное согласитесь, что онъ есть исключеніе изъ общаго правила.

«Дай Богъ, чтобы черезъ годъ ты говорила тоже самое»—продолжала Свѣжская. — «Впрочемъ, тутъ многое зависитъ отъ жены. Если разсмотрѣть со вниманіемъ, то легко откроется, какъ тягостна обязанность жены, какое непрерывное и, можно сказать, даже мелочное вниманіе должна она имѣть, чтобы угодить мужу, не оскорбить его самолюбія, и смириться передъ его гордостью! Мужнина съ малолѣтства привыкаетъ думать о себѣ, что онъ властелинъ, и что жена должна слѣпо ему повиноваться. Примѣры у него безпрестанно передъ глазами. Ви-

дѣвъ жизнь отца и матери, и тѣмъ болѣе еще въ тѣхъ семействахъ, гдѣ родители столь неосторожны, что въ какихъ нибудь, иногда и маловажныхъ, непріятностяхъ, не умѣютъ объясниться наединѣ, а дѣлаютъ посредниками, или свидѣтелями, дѣтей своихъ, сынъ съ малолѣтства утверждается въ мысли, что и онъ имѣетъ право требовать безусловнаго повиновенія отъ своей жены. По принятому обычаю, бывши женихомъ, каждый обманываетъ невѣсту, говоря, что воля ея будетъ для него всегда священна, что онъ всю жизнь свою посвятить ей, и проч., что обыкновенно женихи обѣщаютъ. Неопытная дѣвушка вѣритъ, хотя въ собственномъ своемъ семействѣ и видитъ между родителями совсѣмъ противное. Но всякой невѣстѣ кажется, точно такъ-же, какъ и тебѣ теперь на счетъ Петра Федоровича, что въ пользу ея будетъ исключеніе изъ общаго правила, и что женихъ ея, во всѣхъ отношеніяхъ, человекъ совершенный.»

Софья согласилась въ основательности сужденія Свіяжской, и общалась, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, сообщить Катеринѣ совѣтъ, который, какъ полагала Свіяжская, гораздо сильнѣе подѣйствуетъ черезъ сестру, нежели прямо отъ нея самой. Но въ тоже время, и еще въ первый разъ въ жизни, думала Софья, что Свіяжская ошибается на счетъ Аглаева. Ей очень хотѣлось, чтобы опытъ доказалъ, какъ несправедливо предубѣжденіе Свіяжской противъ него.

Катерина выслушала съ большимъ удивленіемъ совѣты Свіяжской, переданные ей Софьею. Не только съ неудовольствіемъ, но даже съ пренебреженіемъ думала она о тѣхъ, кто сомнѣвался, что мужъ ея не есть образецъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ. Она твердо была увѣрена, что никогда и никакъ не можетъ онъ перемѣниться. Софья была того-же мнѣнія, и предостереженіе Свіяжской не имѣло никакого дѣйствія надъ ними об-

ими. Онѣ положили, что Свѣяжская ошибается, и слишкомъ строго судить о мужчинахъ.

Почти цѣлые дни проводила Катерина въ дѣтской, и тогда даже, когда сидѣла въ гостиной, приказывала она приносить колыбель дочери къ себѣ, подѣ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ приучить ее къ шуму. Безъ матери не мыли ее, не укладывали спать, не давали груди; все было расположено по часамъ, и весь день Катерина только однимъ этимъ и занималась. Софья приказывала кушать, приняла на себя вообще все хозяйство, всегда была готова играть съ Аглаевымъ въ шахматы, или въ воланъ, пѣла, играла для него на фортепіано, слушала его чтеніе, и все для того, чтобы разсѣять его одиночество, и не дать ему замѣтить частаго отсутствія жены. Между тѣмъ Катерина ни о чемъ болѣе не думала, какъ только о своемъ ребенкѣ, не примѣчала, что мужу ся иногда не нравилось

долговременное пребываніе въ дѣтской, или безпорядокъ въ гостиной, гдѣ повсюду разбросаны были игрушки, пеленки и прочія принадлежности, которымъ настоящее мѣсто должно-бъ быть въ дѣтской комнатѣ. Но временное неудовольствіе, при первомъ взглядѣ Агласва на дочь, страстно имъ любимую, скоро проходило.

Письмо изъ Никольскаго возвѣстило давно ожидаемое посѣщеніе Княгини Рамирской. Она все откладывала, подъ ничтожными и пустыми предлогами, такъ, что Катерина потеряла было всю надежду видѣть ее у себя, и даже не очень желала, чтобы она приѣхала, особенно съ тѣхъ поръ, когда изъ писемъ ея увидѣла, что она хочетъ брать тонъ знатной барыни, покровительницы и благодѣтельницы, а не родной сестры.

«Наконецъ я рѣшилась приѣхать къ тебѣ,» писала Рамирская. «Думаю, въ концѣ нынѣшняго мѣсяца буду я въ вашей

«сторонѣ. Но предупреждаю, что долго
 «пробыть не могу, и прошу много гостей
 «для меня не звать, и никакихъ приго-
 «товленій для угощенія моего не дѣлать.
 «Софья пишетъ ко мнѣ, что твоя дѣвоч-
 «ка чудо красоты; я была напередъ увѣ-
 «рена, что вамъ съ нею она должна ка-
 «заться такою, а мнѣ можетъ она попра-
 «виться только тѣмъ, ежели не будетъ
 «часто кричать и плакать. Я терпѣть не
 «могу дѣтскаго крика, и, благодаря Бо-
 «га, у себя дома отъ этого избавлена. Со-
 «фья увѣдомляетъ, что тетушка Прасковья
 «Васильевна предлагала ей ѣхать вмѣстѣ
 «съ нею въ Москву, но она отказалась.
 «Удивляюсь, что за охота закупориться
 «въ деревнѣ; пусть-бы мнѣ сдѣлали та-
 «кое предложеніе, я не была-бы такъ
 «безразсудна. Вашъ каретный сарай, ка-
 «жется, низокъ для моей четверомѣстной
 «каretty; вели это дѣло исправить. Дрож-
 «ки и бричку вашу можно поставить гдѣ
 «нибудь въ другомъ мѣстѣ. Бѣда не ве-

«лика, ежели онъ простоятъ не подь крышею то время, которое я у васъ пробуду. Для лошадей моихъ также приготовьте мѣсто.»

Письмо было гораздо длиннѣе; но и по этому образчику можно себѣ представить, что оно прочитано было всѣми съ большимъ неудовольствіемъ. Аглаевъ казался раздраженнымъ холодностію и надменностію Елисаветы. Обѣ сестры оскорбились неприличнымъ ся тономъ, доказывавшимъ, что она потеряла всю прежнюю привязанность и уваженіе къ нимъ.

«Я надѣюсь, Катинька» — сказала Аглаевъ женѣ, въ первомъ движеніи негодованія—«что ты не будешь, по крайней мѣрѣ, при *Сіятельной* сестрѣ своей таскать вездѣ за собою колыбель. Она сама изволить предупреждать тебя, что терпѣть не можетъ дѣтскаго крика. Изъ уваженія къ ней должно тебѣ поберечь слабость нервъ ея, и отвратить отъ взгляда ея *Сіятельства* все, чего она не лю-

бить. Вообще, признаюсь — такъ, какъ мы начали теперь говорить объ этомъ — мнѣ и самому очень не правится, что ты обратила гостиную въ дѣтскую. На это есть особая комната, и ты хорошо сдѣлаешь, ежели не будешь безпрестанно таскать сюда ребенка. — Ахъ, Боже мой! Чья это карета? Кажется, Ольга Петровна Сундукова ѣдетъ къ намъ! Поскорѣ вынесите колыбель и приберите эвъ тряпки! Что она скажетъ, увидѣвъ такой беспорядокъ! — Поскорѣ приберите все! вскричалъ онъ съ неудовольствіемъ.

Насилу успѣли привести въ порядокъ гостиную, когда карета подъѣхала къ крыльцу. Все было въ смятеніи, однакожъ по пустому. Сундукова не вышла, а только переговорила съ Агласвымъ, который посѣщавъ къ ней на встрѣчу, на крыльцо. Она узнала, что Княгиня Рамирская будетъ къ нимъ, и хотѣла условиться, въ который день можно будетъ пригласить ее къ себѣ обѣдать. При чемъ такъ

же, мимоходомъ, сказала, что она надѣется—и матушка Ея Сіятельства, Наталья Алексѣевна, и сестрицы, Софья и Катерина Васильевны, и самъ Аглаевъ, сдѣлають ей удовольствіе, также съ Княгинею приѣдутъ. Последнія слова сказала она такимъ тономъ, который ясно показывалъ, какую *честь* дѣлаетъ она имъ своимъ приглашеніемъ.

Катерина, при стукѣ кареты, подѣхавшей къ крыльцу, скрылась въ дѣтскую къ дочери. Она была поражена совсѣмъ неожиданнымъ, *страннымъ* поступкомъ своего мужа. Ей пришло на память все, что говорила Свѣяжская, и она начала соглашаться, что предостереженіе совсѣмъ не было такъ несновательно, какъ ей казалось прежде.

ГЛАВА XIII.

«Que font quelques femmes? Elles habillent, s'habillent et se déshabillent.»

РАНАУТ.

«Что дѣлають нѣкѣя женщины? Боже-
сютъ, одѣваются и раздѣваются...»

ПАНАРЪ.

Обратимся на нѣкоторое время въ Никольское, къ Рамирскимъ.

«Я ѣду въ воскресенье, послѣ обѣдни, къ маменькѣ и къ сестрамъ,» сказала Елисавета.

— Очень радъ; желаю счастливаго пути—отвѣчала мужъ ея.

«Вели приготовить новую карету и вороныхъ лошадей» — продолжала она. «Я ихъ оставляю тамъ на все время, которое пробуду у маменьки.»

— Вороныхъ лошадей хотѣлъ было я на будущей недѣлѣ поставить на траву: это всякій годъ дѣлается для сбереженія ихъ. Не лучше ли тебѣ ѣхать на разгонныхъ, въ коляскѣ?

«На разгонныхъ и въ коляскѣ!... Прекрасное предложеніе, въ такой жаръ и пыль! Хороша я покажусь на своей сторонѣ.»

— Почему-же не ѣхать въ коляскѣ? Она совсѣмъ новая, и хорошаго фасона.

«Я тебѣ говорю, что въ коляскѣ ни за что не поѣду. Очень весело душиться и глотать пыль! Притомъ-же я буду на своей сторонѣ, въ кругу моихъ прежнихъ знакомыхъ. Они всѣ увѣрены, что я счастлива въ моемъ замужствѣ. Надобно, хотя на-

ружно, поддержать это ложное мнѣніе. Самъ разсуди, и увѣрься, что я говорю правду.»

— Въ томъ, по крайней мѣрѣ, я очень увѣрился — отвѣчалъ Князь Рамирскій, съ неудовольствіемъ — что у тебя громкій и пронзительный голосъ, и самый сумасбродный характеръ. Возьми, матушка, и карету, и лошадей, и все, что тебѣ хочется. Объ одномъ только прошу: не лѣзя-ли тебѣ какъ можно долѣе прожить въ своемъ семействѣ, и съ прежними твоими знакомыми, а меня оставить въ покоѣ?

«Очень рада исполнить твое желаніе,» отвѣчала Елисавета, «только дай мнѣ способности. Я нѣсколько разъ напоминала тебѣ, что у меня нѣтъ ни копейки, а теперь, кромѣ необходимыхъ издержекъ, вспомни, что ты крестный отецъ дочери у моей сестры, и что надобно, по обыкновенію, сдѣлать подарокъ крестницѣ и

кумъ. Я говорю собственно для тебя: надобно сохранять приличія.»

Она на самомъ опыть увѣрилась, что это было самое лучшее средство поколебать упорство мужа. Мысль, что *подумають*, что будутъ говорить! имѣла на него сильное дѣйствіе. Онъ боялся, что его почтутъ за скупца, или скажутъ, что онъ *не такъ богатъ*, какъ хочетъ казаться. Эта мысль приводила его въ ужасъ, и Елисавета пользовалась его слабостію. Она часто успѣвала въ своихъ намѣреніяхъ, подстрекнувъ только самолюбіе и гордость его.

Въ Приотовъ не съ большимъ удовольствіемъ ожидали приѣзда Елисаветы; въ особенности-же Катерина была очень возстановлена противъ сестры странными ея поступками. На письма отвѣчала она рѣдко, и вообще замѣтны были въ перепискѣ ея какая-то холодность и покровительствующій тонъ; ни одного слова не говорила она отъ сердца, и письма ея

всегда оканчивались какою нибудь глупою и неумѣстною шуткою на счетъ Катерины, или мужа ея. Она не была уже та милая, добрая сестра, какъ прежде: видна была въ ней, напротивъ, надменная, чванливая женщина; все ей не нравилось, и, казалось, что она всѣхъ обвиняетъ въ томъ, что надежды ея на благополучное супружество не исполнились. Выходя за-мужъ, она думала, что одно только богатство достаточно для совершеннаго счастья, разсуждала, и была увѣрена, что мужъ ея, приближавшійся уже къ преклоннымъ лѣтамъ, будетъ въ непрерывномъ восторгѣ отъ ея молодости и красоты, что онъ будетъ таять отъ малѣйшей ласки и вниманія къ нему, что она поставитъ все по своему, и станетъ дѣлать изъ него все, что ей захочется. Но очень ошиблась она въ расчетъ своемъ: нашла упорнаго, своенравнаго человѣка, который, напротивъ, требовалъ, чтобы она дѣлала все, что ему хочется,

и слѣпо во всемъ ему повиновалась. Частыя непріятности и ссоры ихъ произвели взаимное отвращеніе другъ къ другу. Елисавета, по свойственному женщинѣ упрямству, хотѣла однакожъ настоятельно достигнуть до своей цѣли, мучилась сама, нарушала безпрестанно спокойствіе мужа, и вела несчастную жизнь.

Настояніе, насмѣшки, и всякія другія средства, употребленныя ею для полученія отъ мужа побольше денегъ, наконецъ были увѣнчаны успѣхомъ. Чтобы отдѣлаться отъ нея, Князь далъ ей, сколько она хотѣла. При отъѣздѣ кое-какъ они поладили и помирились. Елисавета отправилась въ путь въ хорошемъ расположеніи, и въ надеждѣ провести время пріятнѣе, нежели до сихъ поръ проводила его. По мѣрѣ приближенія къ родинѣ, всѣ воспоминанія молодости ея возобновлялись, прежняя веселость и любезность ея возвращались, и обѣ сестры, при первомъ свиданіи, нашли въ ней ту-же до-

бую, милую Елисавету, которую онъ такъ любилъ прежде. Она хвалила перестройки и новыя украшенія въ Пріотовѣ, находила, что сестры ея похорошѣли, съ тѣхъ поръ, какъ она не видалась съ ними, поздравляла Аглаева съ свѣжестью лица и здоровьемъ, и даже удостоила приласкать и поцѣловать маленькую свою племянницу.

Старой Холмской хотѣлось прежде прибытія Елисаветы уѣхать къ себѣ въ Надежино. Она была очень недовольна всѣми ея поступками. Здоровье старушки было разстроено; она боялась, что сильно разстреложится при первомъ свиданіи сестеръ, которое, какъ она думала, будетъ не совсѣмъ пріятно, потому, что онѣ имѣли право быть въ негодованіи на Елисавету. Дочери упросили еѣ остаться, но она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ. Княгиня Рамирская желала, чтобы компаньѣнка ея, Миссъ Клокъ, имѣла особую комнату; Холмская

тотчасъ уступила ей свою, и сама отправилась къ себѣ домой, общавшись одна-кожъ всякій день видаться съ ними.

«Какъ милъ вашъ садикъ!» — сказала Елисавета. — «Какъ много у васъ цвѣтовъ, и какіе прекрасные! Мнѣ такъ надобъль нашъ обширный, скучный садъ, и вашъ, почти можно сказать, *цвѣтникъ*, дѣлаетъ мнѣ большое удовольствіе. Какой прекрасный видъ отсюда!» — продолжала она. — «Правда, все это въ миниатюръ, и мѣстоположеніе ваше, какъ будто маленькая панорама. Все это скоро должно приглядѣться и наскучить!»

— Какъ - же намъ слишкомъ двадцать лѣтъ не наскучило мѣстоположеніе въ Надежнѣ? Тамъ, кажется, нѣтъ никакихъ видовъ: передъ глазами изъ дома большая гора и лѣсъ; но прежде вамъ все тамъ нравилось — сказалъ Аглаевъ.

«Да, это правда; я сама себѣ удивляюсь», отвѣчала Елисавета. «Но ты, кажет-

ся, обидѣлся? Извини меня: я, право, не думала сдѣлать тебѣ непріятности.»

— Ежели вы находите здѣсь все въ маленькомъ видѣ — продолжалъ Аглаевъ, съ намѣреніемъ кольнуть ее — по крайней мѣрѣ, живемъ мы здѣсь спокойно и мирно, а этимъ не лзя похвастаться всякому, кто обитаетъ въ великольпныхъ чертогахъ.

Елисавета покраснѣла, не отвѣчала ни слова, и обратилась къ Катеринѣ, съ вопросомъ о сосѣдяхъ. Съ удовольствіемъ узнала она о приглашеніи Сундуковой, хотя и ненавидѣла ее отъ всего сердца. — «Непремѣнно поѣду» — сказала она. — Мнѣ чрезвычайно хочется блеснуть передъ нею, и унизить гордость ея, и не-сносной ея Глафиры. Онѣ думали было прежде завлечь въ сѣти свои моего мужа. Хороша, правду сказать, была для нихъ находка! Но онѣ богаты: это одно только можеть облегчать тягостныя оковы супружества съ такимъ человекомъ.»

— Да, ежели только можно пользоваться его богатством — возразилъ съ усмѣшкою Аглаевъ

«Ничего нѣтъ легче для смѣтливой жены,» возразила Елисавета. «Но я думаю, что эта набитая дура, Сундукова, ничего не успѣла-бы сдѣлать изъ него.»

— Вы очень скромны, и совсѣмъ не самолюбивы.

«Ты, можетъ быть, думаешь, что я хвастаю,» сказала Елисавета. «Но — будь увѣренъ, что я дѣлаю изъ него именно все, что мнѣ хочется. Напримѣръ: прибѣдъ сюда стоилъ мнѣ большихъ хлопотъ; однакожъ, ты видишь — я здѣсь Я общила-бы тебѣ все подробности, но разсказъ мой не понравится Катеринѣ, и навлечетъ на меня ужаснѣйшую, длинную проповѣдь Софьи: при нихъ не буду я говорить ни слова; но когда мы въ первый разъ останемся одни, ты все узнаешь. Кстати: ты, Катинька, вѣрно не безпрестанно сидишь съ своимъ ребен-

комъ; я надѣюсь, что ты будешь ѣздить со мною къ сосѣдямъ »

— Вы будете имѣть надъ нею гораздо болѣе власти, нежели я — сказала Аглаевъ — ежели успѣете вытащить ее изъ дѣтской, откуда она съ утра до ночи не выходитъ. Прибавъ, вашъ сдѣлавъ, по крайней мѣрѣ, то, что колыбель и игрушки вынесены изъ гостиной.

«А зачѣмъ колыбель была въ гостиной?» спросила Елисавета. «Это къ чему? Впрочемъ, всякій судить по своему; только я думаю: ежели-бы Богъ благословилъ меня, какъ говорятъ, дѣтьми, то я не таскала-бы ихъ вездѣ съ собою.»

— Я тоже думаю — возразила Софья, съ неудовольствіемъ. — Что за тонъ? что за выраженія? Можно-ли говорить съ насмѣшкою о самой священной обязанности? Признаюсь, Елисавета, тебя узнать не лъзя

«А! и ты наконецъ промолвила? Очень этому рада; надѣюсь, что и Катинька

также что нибудь скажетъ, когда перестанетъ плакать. Она сообщить мнѣ: есть-ли у васъ новые сосѣди, и стоять-ли они того, чтобы познакомиться съ ними.» — Но увидѣвъ, что Катерина не могла удерживать слезъ своихъ — «прости меня» — сказала Елисавета, взявъ ее за руку — «я, право, не думала сдѣлать тебѣ неудовольствія.»

— Совсѣмъ не *ты* огорчила меня — отвѣчала Катерина.

«Ежели мужъ разсердилъ тебя, то я не виновата: управляйся съ нимъ, какъ сама знаешь! Ежели онъ умничаешь, и дѣлаешь тебѣ неудовольствія, плати ему тѣмъ-же. Это самое лучшее средство, и я всегда такъ поступаю.»

— Эти средства еще неизвѣстны моей Катинкѣ — сказалъ Аглаевъ, взявъ ее за руку, поцѣловавъ, и нѣжно прижавъ ее къ сердцу. Онъ болѣе ничего не прибавилъ; но и этого было уже довольно для успокоенія и утѣшенія доброй Кате-

рины. Она перестала плакать, и сдѣ-
лась по прежнему весела. Елисавета так-
же нечувствительно оставила свой над-
менный тонъ; дружескій, откровенный
разговоръ сократилъ время; всѣ поздно
разошлись спать, въ согласіи, и доволь-
ные другъ другомъ.

ГЛАВА XIV.

« Si jamais la vanité fit quelques heureux »
« sur la terre, à coup sûr cet heu reux »
« n'était qu'un sot. »

ШАТЕНАУВЬЯНД.

« Если когда нибудь тщеславіе дѣлало »
« кого нибудь счастливымъ, то, навѣрное, »
« тотъ счастливецъ былъ дуракъ. »

ШАТОБРИАНЪ.

На другой день, утромъ, когда всѣ собрались къ чаю, Княгиня Рамирская возобновила разспросы свои о сосѣдяхъ. « Фамусовы, ваши новые сосѣди, должны быть порядочные люди? » сказала Елисавета.

— Безъ сомнѣнія, ежели судить по богатству, потому, что одно только большое состояніе можетъ дать имъ право называться *порядочными людьми*—отвѣчалъ Аглаевъ.

«Богатство совсѣмъ не дурное дѣло,» продолжала Елисавета — Ты ѣдешь къ Фамусовой, Катенька?—Кто: ты ей, или она должна тебѣ визитомъ?»

— Мы выдаемся очень рѣдко; не помню навѣрное, а, кажется, я у нея была послѣдняя. Впрочемъ, ежели ты очень хочешь видѣть ее, и познакомиться съ нею, то можешь завтра все это сдѣлать на ярмаркѣ, въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Я вчера говорила тебѣ объ этомъ.

«Какого она происхожденія?» спросила Елисавета. «Я что-то такое странное слышала о ней.»

— Каролина Карловна Фамусова—отвѣчалъ Аглаевъ—происхожденія *Нѣмецкаго*, какъ она говоритъ; а по всѣмъ вѣроятностямъ заключить должно, что ро-

дители ея были добрые колонисты, жившіе въ окрестностяхъ Петербурга. Она очень долго была экономкою въ домѣ нынѣшняго мужа своего, знаменитаго Фамусова. Вышла она за него по одному странному случаю, который стоитъ того, чтобы рассказать вамъ. Надобно напередъ знать, что мужъ ея прежде былъ въ нашемъ городѣ цѣловальникомъ, понажился, вошелъ въ участіе откупа, постепенно, чрезвычайно разбогатѣлъ, и купилъ много имѣній въ здѣшней сторонѣ. Между прочимъ, большая часть деревень покойнаго батюшки теперь принадлежить ему. Бывши откупщикомъ, тѣжалъ онъ въ Петербургъ, къ торгамъ на откупа, и тамъ всегда проживалъ много на обѣды. Страсть его была — приглашать къ себѣ знатныхъ и чиновныхъ особъ; отъ хорошей вкусной ухи съ стерлядями, отъ свежихъ устрицъ и отъ Шампанскаго никто не откажется. Фамусовъ черезъ обѣды свои познакомился со многими.

Одинъ изъ значительныхъ чиновниковъ, которыхъ угощаль онъ въ Петербургъ, проѣзжалъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, чрезъ его деревню, гдѣ была почтовая станція. Отъ нѣчего дѣлать, спросилъ онъ: чья деревня? Ему сказали: Максима Петровича Фамусова. Онъ вспомнилъ, что этотъ Максимъ Петровичъ былъ ему знакомъ; господскій домъ былъ близко отъ почтоваго двора; ему хотѣлось напиться чаю, и, пока запрягали лошадей, онъ отправился къ Фамусову.

Знатный этотъ проѣзжій былъ въ дорожномъ сюртукѣ, притомъ-же пришелъ пѣшкомъ; слуги думали, что это какой нибудь бѣдный дворянинъ, или повѣренный, и объявили, что барина нѣтъ дома, а хозяйка его—такъ называли тогда Фамусову люди—въ саду, въ бесѣдкѣ, варить варенье. Гость просилъ служителей показать ему дорогу, и, въ твердой увѣренности, что видитъ жену Фамусова, подошелъ къ ручкѣ, сказавъ притомъ,

что имѣлъ удовольствіе познакомиться съ ея супругомъ въ Петербургѣ. Въ это время гость растегнулъ сюртукъ свой, и нынѣшняя Г-жа Фамусова увидѣла на фракѣ его двѣ звѣзды. Можно вообразить себѣ ея смятеніе! Она чрезвычайно испугалась, и не смѣла вывести гостя изъ заблужденія, объявивъ, что она не жена Фамусова, тѣмъ-же болѣе, что онъ цѣловаль у нея руку. Этотъ гость, основатель всего ея благополучія, какъ вы увидите далѣе, напился чаю, и хотя пробылъ не долго, но наговорилъ множество комплиментовъ, и прощаясь поцѣловалъ опять хозяйкѣ руку. На другой станціи встрѣтился онъ съ самимъ Фамусовымъ, который возвращался домой. У знатнаго посѣтителя были уже готовы лошади, и онъ шелъ садиться въ карету въ то время, когда приѣхалъ Фамусовъ. Мимоходомъ, знатный баринъ успѣлъ только сказать ему, что былъ у него въ домѣ, имѣлъ удовольствіе познакомиться

съ его супругою, и очень благодаренъ за сдѣланное ему угощеніе. Какъ громомъ пораженъ былъ Фамусовъ сими словами, а приѣхавъ домой, и узнавъ, что Его Сіятельство, Князь.... изволилъ цѣловать руку у его экономки, принявъ ее за жену его, занемогъ было отъ испуга, боясь, что Князь, оскорбленный ошибкою, будетъ мстить ему. Чтобы поправить все дѣло, рѣшился онъ на самый умный подвигъ: какъ можно скорѣе женился на экономкѣ. Отъ этого брака произошла дочь, первая по богатству невѣста во всей здѣшней сторонѣ. Вотъ вамъ исторія Г-жи Фамусовой. Она служитъ доказательствомъ, что важныя дѣйствія бывають отъ маловажныхъ причинъ. Можно-ли было предвидѣть, что провѣздъ знатнаго барина черезъ деревню будетъ поводомъ простой колонисткѣ сдѣлаться богатою помѣщицею въ здѣшнемъ уѣздѣ?

Елисавета смѣялась такому странному стеченію обстоятельствъ, и просила Аг-

лаева рассказывать далѣе, о самомъ Фамусовѣ, и дочери его.

«Фамусовъ необразованный, простой человекъ, и съ перваго взгляда покажется вамъ самага ограниченнаго ума,» продолжалъ Аглаевъ. «Но что онъ не глупъ, или, по крайней мѣрѣ, смѣтливъ, этому служить доказательствомъ то, что онъ изъ ничего пріобрѣлъ большое состояніе. Впрочемъ, въ старину не такъ тяжело было разбогатѣть — не то что теперь! Въ нынѣшнее время явилось много спекулянтовъ, и все до такой степени утончено, что теперь тотъ только богатѣетъ, кто не проживаетъ своего имѣнія и не дѣлаетъ долговъ. Но обратимся къ семейству Фамусова. Странно въ старикъ, что онъ, доживъ слишкомъ до 70-ти лѣтъ, все также застычивъ въ обществѣ, какъ былъ прежде, молчитъ, нюхаетъ, или куритъ безпрестанно табакъ, и ни въ какіе разговоры не вступаетъ. Теперь онъ разбогатѣлъ, и по дому ни во что

не входить: все домашнее хозяйство, въ томъ числѣ и воспитаніе дочери, передано въ полное распоряженіе и власть достойной супругъ, которая думаетъ, что исполнила весь *родительскій долгъ*, взявъ къ себѣ *Мадамъ*, за дорогую цѣну. Эта *матушка - Мадамъ* жила у *Фамусовыхъ* очень долго, и образовала воспитанницу свою, какъ не лзя лучше: она болтаетъ по Французски, и бранчить кое-какъ на *фортезіано*; но съ 12-ти лѣтъ *Мадамъ* читала съ нею романы, и такъ хорошо успѣла ее настроить, что въ 15-ть, при первомъ взглядѣ на молодаго Француза, бывшаго учителемъ у одного изъ сосѣдей, воспитанница страстно влюбилась въ него, и была увѣрена, что *непреодолимое чувство симпатіи* влечетъ ее къ нему. *Добрая Мадамъ* подкрѣпляла ее въ этомъ мнѣніи, и, по условію съ своимъ соотечественникомъ, который обѣщалъ дать 50-ть тысячъ рублей, ежели женится на такой богатой невѣстѣ, она сдѣлалась,

повѣренною, передавала записочки, и уже все готово было къ побѣгу, какъ Фамусова печально открыла эту интригу. Мадамъ тотчасъ была выгнана изъ дома, а юная героиня романа получила нѣсколько оплеухъ, съ строжайшимъ подтвержденіемъ: не помышлять болѣе о Французѣ! Вскорѣ оставилъ онъ домъ, гдѣ жилъ, и объ немъ уже ничего не было слышно. Фамусовъ, узнавъ о подвигахъ своей дочери, очень удивился, понюхалъ табаку, и не сказалъ ни слова, а бѣдная оставленная Аріадна, получившая при первомъ опытѣ романическихъ приключеній дюжину полновѣсныхъ пощечинъ, съ тѣхъ поръ — или отъ того что почитаетъ себя жертвою страстной любви, или вновь опять въ кого нибудь влюблена — только ходитъ всегда съ поникшею головою, съ темными глазами, вздыхаетъ, и продолжаетъ читать романы.

«Вотъ прекрасное семейство! Одинъ другого стоять. Непременно хочу съ ни-

ми познакомиться, и для этого нарочно отправляюсь на ярмарку," сказала Елисавета, помирая со смѣху. «Кто со мною поѣдетъ? Катинька, неужели ты не рѣшишься оставить куклу свою на нѣсколько часовъ?»

Катерина покраснѣла и робко поглядѣла на своего мужа, ожидая, что онъ скажетъ.

«Дѣлай, что тебѣ хочется, мой другъ!» отвѣчалъ Аглаевъ. «Я знаю, что ты желала-бы лучше остаться дома; я буду проводникомъ Княгини; можетъ быть, и Софья Васильевна поѣдетъ съ нами.»

— А ей почему не ѣхать? Что ей здѣсь дѣлать? — сказала Елисавета. — У нея нѣтъ даже никакой собачки, которая-бы требовала ея попеченія; отговариваться нечѣмъ; развѣ она захочетъ заняться дѣланіемъ наливки, или постилы изъ ягодъ, которыя, какъ я видѣла, сей часъ принесли изъ сада?

«Я иногда и этимъ занимаюсь», отвѣча-

ла холодно Софья. «Очень помню, что первый урокъ въ искусствѣ дѣлать наливки и постилы получила я отъ *Ея Сіятельства*, Княгини Рамирской.»

— Ты это помнишь, а я совсѣмъ забыла — отвѣчала Елисавета, сильно тронутая и раздраженная сею колкостью.

Послѣ того на нѣсколько минутъ настала тишина, и Аглаевъ, чтобы скрыть смѣхъ, ласкалъ свою собачку. Онъ былъ очень радъ, что *знатная барыня* такъ ужасно *унижена*, и получила славный урокъ.

Тотчасъ послѣ ранняго обѣда, Аглаевъ уѣхалъ впередъ на дрожкахъ, въ городъ, гдѣ у него было какое-то дѣло. Онъ обѣщалъ встрѣтить Княгиню при въѣздѣ въ городъ, и проводить до ярмарки. Елисавета принялась за туалетъ свой, надѣла жемчуги, брилльянтовый фермуаръ, лучшую шаль, и дорогой блондовый вуаль. Хотя такой нарядъ совсѣмъ былъ неприличенъ для ярмарки въ уѣздѣ

помъ городъ, но ей хотѣлось показать себя во всемъ блескъ старымъ знакомымъ, которые еще не имѣли чести видѣть ее за-мужемъ.

Катерина, проводивъ мужа и сестеръ, отправилась тотчасъ по отъѣздѣ ихъ въ дѣтскую.

Дорогою, Елисавета упрекала Софью въ сказанной ею колкости. «Ты сама первая начала,» отвѣчала ей Софья. «Я не знаю, почему ты думаешь, что имѣешь право говорить грубости, и обходиться со мною и съ сестрою такъ свысока? Довольно странно и смѣшно въ наше время гордиться тѣмъ, что ты *Княгиня*. И передъ кѣмъ-же? Передъ родными сестрами?»

— Я не сержусь — отвѣчала Елисавета. — Въ нашемъ семействѣ, между своими, я могу сносить все равнодушно, но прошу тебя быть осторожнѣе при постороннихъ. И безъ тебя извѣстно, что я не вѣкъ была *Княгинею Рамирскою*;

мнѣ также забыть этого не лѣзя, смотря только на то, какъ вы обѣ живете. Катерина за-мужемъ — но Богъ знаетъ, что это за супружество? И ты сама играешь роль первой ея служанки, или экономки. Цѣть! я увезу тебя непременно къ себѣ, въ Никольское.

«Всякій смотреть на вещи по своему,» отвѣчала Софья. «Мнѣ кажется, что живши въ домѣ у сестры, я не отправляю никакой низкой должности. Присмотрѣ за ея хозяйствомъ приняла я на себя съ удовольствіемъ, и вообще мнѣ здѣсь такъ пріятно и хорошо, что совсѣмъ я не имѣю намѣренія уѣзжать отсюда. Все, что я здѣсь вижу, напоминаетъ мнѣ молодость мою. Мы точно такъ жили у маменьки. Не во всемъ было у насъ изобиліе, но за то всегда были мы веселы и спокойны.»

— Опять сатира противъ меня!—сказала Елисавета, засмѣявшись. — Но пора мнѣ привыкнуть, и не обижаться. Прав-

да, жить мнѣ не совсемъ весело, но знай, что я почти всегда настаиваю и дѣлаю то, что мнѣ хочется. Мы съ супругомъ своимъ такъ равнодушны другъ къ другу, что намъ перессориться и наговорить взаимно грубостей, ничего не стоитъ. Досадно только, и то не надолго, тому, кто долженъ уступить. Мнѣ кажется, вообще равнодушіе въ супружествѣ гораздо лучше, чѣмъ страстная любовь. Я поставлю въ примѣръ Катеньку: ежели мужъ скажетъ хоть одно слово, которое ей не нравится, она тотчасъ готова плакать. Послушала бы ты насъ съ Княземъ: какія ужасныя нежности мы говоримъ другъ другу, и оба ни мало не огорчаемся!

«Я вижу, что ты неисправима,» отвѣчала Софья, «и желая избавить себя отъ бесполезнаго горя, въ Никольское съ тобою я не поѣду; гораздо лучше останусь я здѣсь, и предпочту благополучную

бѣдность несчастной знатности и величїю!»

— Знатность и величїе! Ты думаешь найти это у насъ въ Пикольскомъ? Какъ ты ошибаешься! Никто къ намъ не ѣздитъ; меблированная, прекрасная гостиная наша похожа на мебельный магазинъ; бронзовыя канделябры, лампы и зеркала накрыты полотномъ; позолота на креслахъ обвернута бумагою, и — я живу въ совершенномъ уединенїи. Мужъ мой теперь безпрестанно въ полѣ; отправляется съ утренней зарей на работу, и возвращается, уставшій, весь въ пыли, къ обѣду. Онъ и такъ не очень прелестенъ собою, а теперь загорѣлъ ужасно, бѣсится одинъ разъ въ недѣлю, и съ черно-желтымъ лицомъ своимъ, съ небритою бородою, въ панковомъ, запачканномъ сюртукѣ, и въ какомъ-то странномъ картузѣ, онъ сдѣлался такъ гадокъ, что ты не узнаешь его! Притомъ же онъ часъ отъ часу становится скуише, угрюмше и

своенравіѣе — и съ такимъ-то уродомъ должно мнѣ провести весь вѣкъ!

«Очень понимаю, что жизнь твоя не совсѣмъ пріятна,» отвѣчала Софья. «Но сама разсуди: жалобы твои, упрямство и настойчивость, сдѣлали-ль какую нибудь пользу? — Кажется мнѣ, что съ самаго начала ты могла, ежели-бы искусно дѣйствовала, передѣлать мужа по своему, и пріобрѣсть уваженіе его и довѣренность. Теперь поздно: ты потеряла навсегда привязанность его къ себѣ!»

— Точно правда — сказала Елисавета — но какъ быть? Надобно утѣшиться. Впрочемъ, я не неблагодарна, и плачу ему взаимно такою-же холодностію и равнодушіемъ. — Но оставимъ этотъ непріятный разговоръ, и позволь мнѣ также съ своей стороны сказать тебѣ, что я съ сожалѣніемъ вижу намѣреніе твое остаться вѣкъ въ дѣвкахъ. Тебѣ надобно-бы выйти за-мужъ, хотя для того, чтобы служить примѣромъ женамъ. — Да,

кетати, расскажи мнѣ о Чадскомъ. Пронскій, приѣхавъ изъ Москвы, говорилъ, что ты скоро выйдешь за него за-мужъ. Видно вы перессорились, или все это былъ вздоръ? Ты ни слова не говоришь о немъ. Мнѣ казалось, что ты чрезвычайно нравишься самому Пронскому. Минимая привязанность твоя къ Чадскому удержала его; но при первомъ свиданіи я постараюсь вывести его изъ заблужденія, и тебѣ совѣтую не упускать его изъ виду: это отлично хорошій человекъ.

«Прошу тебя не хлопотать объ этомъ; мы видѣлись съ нимъ разъ или два, и видно наружность его не имѣетъ ничего привлекательнаго, потому, что я даже почти совсѣмъ забыла его. и удивилась, когда мнѣ стали здѣсь объ немъ говорить.»

— Тогда ты была влюблена въ Чадскаго.

«И это неправда: я никогда влюблена въ него не была. Онъ мнѣ нравился, и

точно, можетъ быть, я рѣшилась-бы выйти за него, ежели-бы, къ счастью моему, онъ самъ не такъ скоро открылъ бышшй характеръ свой. О Пронскомъ теперь мнѣ часто говорятъ, и я начинаю припоминать, что у него открытое и доброе лицо, и прекрасные глаза; но вообще наружность такая, что ничего ни дурнаго, ни хорошаго сказать не лзя. Впрочемъ, врядъ-ли я съ нимъ что нибудь говорила — развѣ нѣсколько обыкновенныхъ привѣтствій, потому, что я уважаю и люблю сестру его, Свѣтлану.»

— Следовательно, о твоёмъ умѣ, о талантахъ твоихъ, о тихомъ и прекрасномъ характерѣ, о разсудительности и благоразуміи твоёмъ — сообщила ему болтливая молва? Онъ такъ усердно выхвалялъ въ тебѣ всѣ эти добродѣтели!

При этихъ словахъ, онъ прибѣжалъ въ городъ. Агласъ встрѣтилъ и проводилъ ихъ.

Ярмарка въ уѣздномъ городѣ ничего достопримѣчательнаго представить не могла. Множество простаго народа толпилось около возовъ мелочныхъ торговцевъ. Подгулявшіе крестьяне пѣли пѣсни; кочующіе Цыганы и Цыганки плясали. Ученый медвѣдь заставлялъ смѣяться отъ чистаго сердца всѣхъ окружавшихъ его. Въ сторонѣ было построено нѣскольکو временныхъ лавокъ, или балагановъ, гдѣ толпилась избранная провинціальная публика. Въ числѣ сихъ балагановъ была даже одна модная лавка, съ залежалыми чепчиками и шляпками тѣхъ фасоновъ, которые, можетъ быть, уже съ годъ, перестали носить въ Москвѣ. На вывѣскѣ возвѣщено было, что всѣ товары привезены съ Кузнецкаго моста, отъ Мадамъ Тринне. Въ этой лавкѣ было наиболѣе стеченія помѣщиковъ и помѣщицъ. Туда отправилась Княгиня Рамирская, купила себѣ кой-какихъ бездѣлицъ, расцѣловалась съ Сундуковыми и Фіал-

киною, и взаимно наговорили множество самых искреннихъ привѣтствій.

Въ это-же время вошла въ этотъ модный балаганъ ея старинная знакомая и подруга, помѣщица Простодушина. Она была за-мужемъ за небогатымъ дворяниномъ, и Елисавета показала видъ, что вовсе незнакома съ нею; на поклонъ ея не только она не отвѣчала, но сѣ вздумалось даже подсмѣяться съ Фіалкиною надъ нарядомъ старой подруги. Простодушина, не зная, что въ модныхъ лавкахъ, по первому запросу, тотчасъ вынимають деньги и платятъ, чтобы Мадамъ ни угодно было потребовать, стала торговаться. Княгиня позволила себѣ тогда явно шутить надъ нею, и сказала нѣсколько острыхъ словъ на ея счетъ. Простодушина обернулась къ ней, и очень хладнокровно спросила: «А вы, матушка, видно помощница этой Мадамы, что такъ заступаетесь за нее? . . . Ахъ, Боже мой! да это бывшая *Лизанька Холм-*

ская!» — прибавила она, обращаясь къ другой дворинкѣ, которая вмѣстѣ съ нею вошла въ балаганъ; — «а вѣдь я было не узнала ее!»

Елисавета чрезвычайно смѣшалась при этихъ словахъ, и бросила на нее грозный взглядъ; но и Простодушина сама на нее также посмотрѣла. «Напрасно, матушка, изволите гнѣваться, и такъ сердито на меня смотрите,» сказала она. «Я имѣю такое-же право гнѣвно на васъ глядѣть, какъ и вы на меня.» Тутъ она передразнила ее, и точно такъ-же посмотрѣла. Сундуковы и Фіалкины насилу могли удержаться отъ смѣха. Елисавета, въ ужасномъ негодованіи и замѣшательствѣ, поспѣшила выйти изъ лавки, а Простодушина продолжала: «Вотъ какая знатная барыня! Не хочетъ узнавать старыхъ знакомыхъ, и позволяетъ себѣ дѣлать грубости; но я не намѣрена спускать ей, и также, не хуже ся, умѣю сердито смотрѣть.» — *Истинныя прия-*

тельницы Княгини Рамирской, которая только что передъ тѣмъ наговорили ей такъ много привѣтствій, хохотали отъ всего сердца.

Между тѣмъ, Елисавета, съ своими спутниками, уже была далеко отъ лавки. Она просила Аглаева отыскать ея карету, и хотѣла отправляться домой; но Городничій, старинный знакомый съ семействомъ Холмскихъ, узнавъ, что Княгиня Рамирская на ярмаркѣ, приѣхалъ нарочно просить ее къ себѣ, на чашку чаю. Елисавета согласилась, и приближаясь къ дому Городничаго, увидѣла, что впереди ихъ подъѣхала къ крыльцу прекрасная карета. «Кто это впереди насъ?» спросила она.—Это сама знаменитая Фамусова, съ дочерью — отвѣчалъ Аглаевъ. — Изъ кареты выльзала довольно долго тучная, пожилая женщина; она остановилась на крыльцѣ, для разныхъ приказаній людямъ, и Елисавета имѣла время рассмотреть небольшую, краснощекую

ея фигуру. Фамусова подтверждала кучеру своему, чтобы онъ не напился пьянъ, чтобы карету поставилъ въ сарай, а лошадей отпрягъ и поводитъ, а пуще всего, чтобы берегъ молодую подручную.

Городничій встрѣтилъ Фамусову и Княгиню Рамирскую на крыльцѣ. «Все-ли вы въ добромъ здоровьѣ, Софья Васильевна?» сказала Фамусова, поцѣловавшись съ нею. «Давно-ли въ нашей сторонѣ? Что ваша сестрица, видно, слава Богу, хорошо себя чувствуетъ, потому что я вижу супруга ея съ вами?» Софья разцѣловалась съ нею, съ ея дочерью, и отрекомендовала ей сестру свою, Княгиню Рамирскую. При словѣ: *Княгиня*, Фамусова низко поклонилась, и посиѣшшла представить дочь свою. «Я сама непременно буду у Вашего Сіятельства, съ мужемъ моимъ, засвидѣтельствовать вамъ наше низжайшее почтеніе,» сказала она. «Надѣюсь, что и Ваше Сіятельство сдѣласте намъ честь, осчастливите насъ своимъ посѣщеніемъ?»

Всѣ эти рекомендаціи происходили въ залѣ. Войдя въ гостиную, Елисавета нашла тамъ много старыхъ знакомыхъ, и послѣ урока, даннаго ей Простодушиною, была она съ женою Городничаго, и съ прочими, очень привѣтлива и ласкова.

ГЛАВА XV.

« Среди прилива и отлива радостей и горестей въ здѣшней жизни, кто можетъ надѣяться на слажаться всегда непоколебимымъ и постояннымъ благополучіемъ? »

М. Н. Муравьевъ.

На другой день Сундукова прислала звать обѣдать къ себѣ *Княгиню Рамирскую*, и родныхъ ея. Хотя Елисавета весьма ее не жаловала, но чтобы имѣть удовольствіе блеснуть передъ ея дочерью своими нарядами, и чтобы вездѣ говори-

ли, что Сундукова дѣлала обѣдь и приглашала сосѣдей для *Княгини Рамирской*, она отвѣчала, что непременно, въ назначенный день, будетъ. Софью кое-какъ уговорила она ѣхать съ собою, но *Аглаевъ* и жена его рѣшительно отказались.

Лишь только уѣхалъ чловѣкъ, присланный отъ Сундуковой, *Фамусова*, съ мужемъ и съ дочерью, явилась къ *Аглаевымъ*. Она, по обыкновенію своему, много говорила, мужъ ея нюхалъ табакъ и молчалъ, дочь ея вздыхала, поднимала и опускала глаза, и также была безмолвна. *Фамусова* убѣдительнѣйше просила пріѣхать къ ней обѣдать, на слѣдующей недѣль, въ четвергъ; тщетно отговаривалась *Катерина*, подъ тѣмъ предлогомъ, что ея маленькая нездорова. «Привезите маленькую вашу съ собою; дорога и воздухъ сдѣлають ей пользу, а я вею отвести для нея особую комнату; ей будетъ спокойно у меня.» *Катерина*, чтобы

отдѣлаться, общалась приѣхать, съ намѣреніемъ, въ назначенный день сказать-ся больною.

Къ обѣду Сундуковой нарядилась Елисавета, какъ не лѣзя лучше. Ей очень хотѣлось, чтобы Глафира, прежняя соперница ея, бѣсилась отъ зависти, и видѣла, что она красотою и любезностью своею уничтожила всѣ ея бывшіе планы на Князя Рамирскаго. Софья нарядилась, какъ можно простѣе, и чрезъ то была гораздо прелестнѣе сестры. Елисавета еще возобновила убѣжденія свои Аглаеву, ѣхать съ нею; но онъ былъ довольно самолюбивъ, отказался рѣшительно быть у такихъ людей, которые гордились передъ нимъ, и тѣмъ болѣе еще, что онъ не имѣлъ возможности самъ принять и угостить ихъ въ своемъ домѣ. «Для меня, конечно, было-бы много чести явиться въ свитѣ Ея Сіятельства, Княгини Рамирской,» сказалъ онъ; «но, право, никакъ не могу.» Елисавета

оскорбилась насмѣшкою, и не упрасивала его болѣе.

При входѣ Елисаветы и Софьи въ гостиную, онѣ улышались очень ясно, что хозяйка закричала: *Стъ! стъ!* Догадаться было можно, о чемъ разговаривали: притомъ-же покраснѣвшее лицо Сундуковой изобличало ее. Среднюю дочь Фіалкиной, Фіону Павловну, застали на срединѣ комнаты: она была, можно сказать, поймана на самомъ дѣлѣ. Очень было замѣтно, что она рассказывала, и даже представляла въ лицахъ, сцену Княгини Рамирской съ Простодушиною въ лавкѣ.

Все утихло при входѣ Елисаветы. После обыкновенныхъ привѣтствій и разговора о погодѣ, и о большой пыли, спросила Сундукова о здоровьи Аглаевыхъ, и очень холодно изъявила сожалѣніе, что они не приѣхали. Видно было, что она не ждала ихъ. Нѣсколько минутъ продолжалась тишина; никто не говорилъ ни слова; наконецъ Сундукова, досадуя на

себя, что смѣшалась передъ женщиною, которую помнила ребенкомъ, и всегда ненавидѣла, преодолѣла свое замѣнательство, и приняла обыкновенный свой видъ холодности и надмѣнности, столь приличный и соответственный блѣдно-оливковому цвѣту широкаго ея лица.

Сундукова боялась, чтобы не замѣтили, какъ много сожальють она сама и дочь ея, что упустили такого выгоднаго жениха, каковъ былъ Князь Рамирскій, и что-бы не дать торжествовать счастливой соперницѣ, она хотѣла всегда принимать ее ласково. Внезапный входъ Елисаветы, въ то самое время, когда всѣ такъ забавлялись на ея счетъ, привелъ Сундукову въ замѣнательство, но ничто не могло поколебать необыкновенной наглости дочери ея, Глафиры. Не смотря на то, что Сундукова употребляла всѣ средства отклонить разговоръ о непріятной сценѣ между Елисаветою и Простодушиною, дочь ея просто начала говорить объ этомъ:

«Я думаю, дерзость бѣдной дворянки этой должна была привести васъ, Княгиня, въ большое смущеніе, особенно-же при такомъ множествѣ зрителей?»

— Грубость и дерзость такихъ тварей ни сколько не трогаетъ меня—отвѣчала Елисавета.—Благодаря Бога, я въ такомъ положеніи, что имѣю все право презирать зависть и злобу.

Слѣдствіемъ сего разговора была-бы вѣрно весьма непріятная сцена; но, къ счастью, вскорѣ вошелъ въ комнату отецъ Глафиры. Его только одного боялась Глафира, тотчасъ перемѣнила разговоръ, и принужденная улыбка сдѣлала ее еще безобразнѣе и отвратительнѣе. Елисавета была всегда *фавориткою* Сундукова. И, въ самомъ дѣлѣ, прежде замужства, веселый нравъ, острота и любезность ея всѣмъ нравились. Впрочемъ, и того было уже слишкомъ достаточно для пріобрѣтенія благосклонности Сундукова, что жена его терпѣть не могла Елисаветы.

необыкновенныхъ способностяхъ дочери ея къ музыкѣ, танцамъ и рисованью, сообщая къ общему свѣдѣнію разные анекдоты объ ея молодости, и какъ, когда, при комъ, какое именно острое слово она сказала, чѣмъ и отъ чего она была больна, и кто ее лечилъ. Во весь столъ она одна только и говорила, и всѣмъ надобла. Тотчасъ послѣ обѣда Елисавета отправилась домой, сознавшись сама себѣ, что удовольствіе помучить бывшую соперницу слишкомъ вознаграждалось утомительною скукою въ обществѣ ея матери.

«Намъ вѣрно будетъ веселье у Фамусовой» — сказала она Софьѣ, вѣхавши съ нею домой. — «Тамъ глупость, чванство и дурной вкусъ слишкомъ очевидны, и мы посмѣемся отъ чистаго сердца. Во что-бы то ни стало, а Петра Оседоровича я непременно потащу съ собою: онъ насъ позабавитъ на счетъ хозяевъ.»

— Вотъ самое христіанское и доброе намѣреніе!—отвѣчала Софья. — Этого я отъ тебя не ожидала. Конечно, не лѣзя не находить смѣшными глупыхъ, необразованныхъ людей, вышедшихъ изъ низкаго званія, когда хотятъ они играть ролю знатныхъ; но бѣжать только для того, чтобы смѣяться надъ ними — это уже слишкомъ!

«Бѣдная Софья!» сказала засмѣявшись Елисавета. «Ты создана совсѣмъ не для здѣшняго свѣта: такая строгая добродѣтель приведетъ тебя прямо въ монастырь. Важное преступленіе — забавляться надъ дураками! Да они созданы для этого. Я расскажу твои слова Петру Ѳедоровичу; мы вмѣстѣ съ нимъ посмеемся надъ тобою.»

Между тѣмъ онѣ прибѣжали, и Агласѣвъ вышелъ встрѣтить ихъ на крыльцѣ. «Посмотри, какое у него постное лицо; въ самомъ дѣлѣ надобно развеселить его» — сказала Елисавета. Софья точно за-

мѣтила, что Аглаевъ былъ печаленъ, и въ дурномъ расположеніи. «Вѣрно какая нибудь неосторожность Катерины, на счетъ ея ребенка, причиною этого» — думала она. — Аглаевъ помогъ выйти изъ кареты, и на шутки Елисаветины, что онъ слишкомъ задумчивъ, принужденно улыбался. Софья, не сказавъ ему ни слова, поспѣшила къ сестрѣ; въ гостиной ее не было, и Софья нашла ее въ дѣтской, въ горькихъ слезахъ, подлѣ колыбели спящей дочери. «О чемъ ты плачешь?» спросила у нея Софья. Катерина бросилась въ ея объятія, и отъ слезъ не могла сказать ни одного слова. — «Да, что такое?» повторила Софья. — Сама посуди, виновата-ли я — отвѣчала Катерина, заливаясь слезами. — Послѣ обѣда предложилъ онъ мнѣ играть въ шахматы, хотя видѣлъ, что должно было уложить Соничку спать. Онъ разсердился за отвѣтъ мой, что мнѣ *никогда*. Если-бы я выѣзжала, если-бы предпочита-

ла разсѣянiе и удовольствiе долгу моему, то ни сколько-бы не дивилась, что онъ сердится; но какъ можно ставить мнѣ въ вину, что я занимаюсь дома и не-кусь о собственномъ его ребенкѣ!

«Какъ трудно быть счастливою въ супружествѣ?» подумала Софья, со вздохомъ. «Безпрерывныя представляются преграды на этомъ трудномъ поприщѣ, и самыя похвальные чувства могутъ имѣть такія непріятныя послѣдствія.... Ты видишь — сказала она сестрѣ, — тетюшка справедливо предостерегала тебя, что не лзя исключительно заниматься однимъ только ребенкомъ, и мать должна всегда помнить, что она притомъ и супруга. Мужъ твой не любитъ уединенія, ему нужно общество, и ежели не найдетъ онъ разсѣянiя въ собственномъ своемъ домѣ, то будетъ искать его въ другомъ мѣстѣ. Ты сама приучила его къ этому, была всегда съ нимъ, старалась во всемъ ему угождать; теперь, уви-

дѣвъ въ тебѣ перемѣну, онъ будетъ скучать домашнею жизнью, и со временемъ ты сама будешь, можетъ быть, жаловаться, что онъ оставилъ тебя. Мужчины, какъ-бы страстно ни любили они дѣтей своихъ, не могутъ войти въ чувства матери, не могутъ имѣть этого, иногда даже мелочнаго вниманія, ни этого нѣжнаго попеченія, и иногда слишкомъ даже увеличеннаго опасенія матери на счетъ здоровья ребенка. Твой мужъ видитъ, что Соничка, благодаря Бога, весела, знаетъ, что за нею смотрять няня и кормилица, и почитаетъ, можетъ быть, твоею прихотью, что ты не хочешь отойти отъ ея колыбели, пока она совсѣмъ не заснетъ. Но къ чему повторять то, что ты сама знаешь? Я увѣрена, что ты лучше меня разсудишь и придумаешь, какъ тебѣ должно дѣйствовать въ нынѣшнюю, правду сказать, критическую эпоху твоей жизни.»

Катерина продолжала плакать; едва

могла Софья уговорить ее перестать, и придти ужинать, вмѣстѣ со всѣми. Она явилась съ блѣднымъ лицомъ, заплаканными, и даже распухшими отъ слезъ глазами.

«Я очень радъ, что теперь нѣтъ никого посторонняго,» сказалъ Аглаевъ, поцѣловавъ у нея руку. «Посмотри на себя въ зеркало: иной могъ-бы подумать, что я прибилъ тебя.»

— А! такъ и вы иногда ссоритесь? — сказала Елисавета. — Я очень этому рада; не я-же одна бранюсь съ моимъ мужемъ. Однакожъ я умнѣе тебя, Катерина: супругъ мой никогда не имѣетъ удовольствія видѣть, какъ я плачу. У меня есть свой языкъ и, вѣрно, я никогда не спущу ему; тебѣ тоже совѣтую дѣлать.

«Хотя непріятно видѣть прекрасное личико моей Катиньки обезображенное слезами, однакожъ все лучше, нежели вашъ совѣтъ. Полно, мой другъ» — продолжалъ Аглаевъ, обратясь къ женѣ своей — «пе-

рестань; завтра мы все расскажем Софьѣ Васильевнѣ, и сдѣлаемъ ее судьейо нашимъ. Пусть она рѣшитъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ.»

Катерина старалась преодолѣть себя, но тщетны были всѣ ея усилія удержатъ слезы; она ушла къ себѣ въ спальню и не могла ужинать. На другой день, рано утромъ, Аглаевъ разсказалъ Софьѣ все происшествіе.

«Тотчасъ, какъ вы побѣдили, мы сѣли обѣдать. Ты сама знаешь привычку мою: послѣ обѣда курить трубку, пить кофе, и въ это время сыграть одну, или двѣ партіи въ шахматы; притомъ же и ты и она наканунѣ обыграли меня; мнѣ хотѣлось доказать, что я проигралъ не отъ того, что не умѣю, а точно потому, что не занялся игрою. Но несносная дѣвчонка наша кричала во все горло, такъ, что не было покоя отъ нея во всемъ домѣ. Катинька пошла унимать ее, а я пока сталъ читать книгу; крепко заснулъ,

и почти до самого чая проснаться. Съ головою болью, потому, что мнѣ послѣ обеда совсѣмъ не годится спать, я отправился въ дѣтскую. Соничка была очень мила, плясала, улыбалась, протягивала ручонки, и сама пошла ко мнѣ. Съ полчаса очень пріятно пробылъ я въ дѣтской. Между тѣмъ время уже было подавать чай; я звалъ Катиньку въ садъ. Ты знаешь, что я люблю пить чай на свѣжемъ воздухѣ, куря трубку. Она общалась тотчасъ придти, и говорила, что только уложить спать Соничку. Я замѣтилъ, что это можно было и безъ нея сдѣлать; она отвѣчала мнѣ по Французски, что няня не очень ловка, и она на нее не надѣется. Такимъ образомъ отправился я одинъ пить чай, выкурилъ трубку, читалъ книгу; все это мнѣ чрезвычайно надобно, и въ 8-мъ часу пошелъ я опять въ дѣтскую, посмотреть, что дѣлаетъ тамъ Катинька. Я нашелъ, что Соничкѣ не угодно было ложиться спать,

«Очень благодаренъ вамъ, милая и добрая Княгиня Елисавета Васильевна,» сказалъ онъ, цѣлуя ея руку, «что вы не забыли старыхъ знакомыхъ. — Здоровъ-ли вашъ Князь? Я думалъ, что и онъ съ вами приѣдетъ.»

— Когда ему!—отвѣчала Елисавета. — Теперь рабочая пора, и онъ безпрестанно въ полѣ.

«Онъ всегда былъ хорошій хозяинъ; у него и нашему брату, старику, есть чему поучиться. Я непременно къ вамъ приѣду; но не прежде, когда вы возвратитесь: я не люблю ѣздить туда, гдѣ не надѣюсь пайдти навѣрное хозяйку.»

— Мѣстоположеніе въ Школьскомъ, говорятъ, прекрасное — сказала Глафира, желая переменить разговоръ.

«Да, мѣстоположеніе многимъ нравится,» отвѣчала Елисавета, «а теперь и старинный домъ нашъ принялъ совсѣмъ другой видъ, съ тѣхъ поръ, какъ вновь прекрасно отдѣланъ и меблированъ.»

— Какъ отдѣланъ и вновь меблированъ? Князь нѣсколько разъ увѣрялъ, что пока онъ живъ, никогда ничего не перемѣнитъ.

«Да, это онъ *тебѣ* говорилъ» — замѣтилъ, съ коварною улыбкою, Сундуковъ; — «но ты теперь сама видишь, что молодая, прелестная женщина можетъ все по своему поставить.»

Глафира покраснѣла отъ досады; Сундукова, въ ужасномъ бѣшенствѣ, насилу удерживала себя; вѣрѣ ея очень страдалъ; но, скрѣпя сердце, она молчала, и Елисавета не могла скрыть торжественной улыбки. Общій разговоръ на нѣсколько секундъ прекратился. Въ это время приѣхала Фамусова, съ дочерью; ихъ только и ожидали, и тотчасъ пошли къ столу.

За обѣдомъ отличалась болѣе всѣхъ Фамусова: она подробно рассказывала о хозяйствѣ своемъ, о приготовленіи впрокъ разныхъ овощей и фруктовъ, о

опъ себя не ожидала. Конечно, не лзя не находить смѣшными глухихъ, необразованныхъ людей, вышедшихъ изъ низкаго званія, когда хопятъ они играютъ ролю знашнихъ; но ѣханъ только для того, чшобы смѣяться надъ ними — это уже слишкомъ! —

«Бѣдная Софья!» сказала засмѣявшись Елисавета. «Ты создана совсѣмъ не для здѣшняго свѣта: такая строгая добродѣтель приведетъ тебя прямо въ монастырь. Важное пресупленіе — забавляться надъ дураками! Да, они созданы для этого. Я расскажу свои слова Пешру Федоровичу; мы вмѣстѣ съ нимъ посмѣемся надъ шобою.»

Между тѣмъ онѣ пріѣхали, и Аглаевъ вышелъ встрѣтить ихъ на крыльцѣ. «Посмотри, какое у него пошное лицо; въ самомъ дѣлѣ надобно развеселить его — сказала Елисавета. Софья шочно замѣтила, что Аглаевъ былъ печалень, и въ дурномъ расположеніи. «Вѣрно какая ни-

будь неоспорожность Кашерина, на счесть ея ребенка, причиною этого» — думала она. — Аглаевъ помогъ выйдти изъ кареши, и на шушки Елисаветины, что онъ слишкомъ задумчивъ, принужденно улыбался. Софья, не сказавъ ему ни слова, поспѣшила къ сестрѣ; въ гостинной ея не было, и Софья нашла ее въ дѣтской, въ горькихъ слезахъ, подлѣ колыбели спящей дочери. «О чемъ ты плачешь?» спросила у нея Софья. Кашерина бросилась въ ея объятія, и ошъ слезъ не могла сказать ни одного слова. — «Да, что такое?» повинорила Софья. — Сама посуди, виновата-ли я — отвѣчала Кашерина, заливаясь слезами. — Послѣ обѣда предложилъ онъ мнѣ играть въ шахматы, хотя видѣлъ, что должно было уложить Соничку спать. Онъ разсердился за отвѣтъ мой, что мнѣ *нѣкогда*. Если-бы я выѣзжала, если-бы предпочитала разсѣяніе и удовольствіе долгу моему, то ни сколько-бы не дивилась, что онъ сердится; но какъ можно сжавишь мнѣ

въ вину, что я занимаюсь дома, и пе-
кусь о собственномъ его ребенкѣ! —

«Какъ трудно быть счастливою въ
супружествѣ!» подумала Софья, со вздо-
хомъ. «Безпрерывныя представляющіяся
преграды на этомъ трудномъ поприщѣ,
и самыя похвальные чувства могутъ
имѣть такія непріятныя послѣдствія...
Ты видишь—сказала она сеспрѣ, — ше-
пушка справедливо предостерегала ше-
бя, что не лзя исключительно зани-
маться однимъ только ребенкомъ, и
мать должна всегда помнить, что она
припомъ и супруга. Мужъ швой не лю-
битъ уединенія, ему нужно общество,
и ежели не найдетъ онъ разсѣянія въ
собственномъ своемъ домѣ, то будетъ
искать его въ другомъ мѣстѣ. Ты сама
приучила его къ этому, была всегда съ
нимъ, старалась во всемъ ему угождать;
теперь, увидѣвъ въ тебѣ перемѣну, онъ
будетъ скучать домашнею жизнью, и со
временемъ ты сама будешь, можешь
быть, жаловаться, что онъ оставилъ те-

бя. Мужчины, какъ-бы спрасшно ни любили они дѣшей своихъ, не могушъ войдши въ чувсва машери, не могушъ имѣнь эшого, иногда даже мѣлочнаго вниманія, ни эшого нѣжнаго попеченія, и иногда слишкомъ даже увеличеннаго опасенія машери на счетъ здоровья ребенка. Твой мужъ видишь, что Соничка, благодаря Бога, весела, знаешь, что за нею смошряшъ няня и кормилица, и почишаешь, можешъ бышь, швоею прихотью, что ты не хочешь опойдши онъ ея колыбели, покамѣшъ она совсѣмъ не заснешъ. Но къ чему повшоряшъ шю, что ты сама знаешь? Я увѣрена, что ты лучше меня разсудишь и придумаешь, какъ тебѣ должно дѣйствовать въ нынѣшнюю, правду сказашь, крипическую эпоху швоей жизни.»

Кашерина продолжала плакать; едва могла Софья уговорить ее перестать, и придши ужинашь, вмѣстѣ со всѣми. Она явилась съ блѣднымъ лицомъ, заплаканными, и даже распухшими онъ слезъ глазами.

« Я очень радъ, что теперь нѣтъ никого посторонняго, » сказалъ Аглаевъ, поцѣловавъ у нея руку. « Посмотри на себя въ зеркало: иной могъ-бы подумашь, что я прибилъ тебя ! »

— А! шакъ и вы иногда ссоритесь ? — сказала Елисавета. — Я очень этому рада; не я-же одна бранюсь съ моимъ мужемъ. Однакожъ я умиѣю тебя, Кашерина: супругъ мой никогда не имѣетъ удовольствія видѣть, какъ я плачу. У меня есть свой языкъ и, вѣрно, я никогда не спущу ему; тебѣ же совѣшую дѣлать.

« Хотя непріятно видѣть прекрасное личико моей Кашиньки обезображенное слезами, однакожъ все лучше, нежели вашъ совѣтъ. Полно, мой другъ » — продолжалъ Аглаевъ, обращаясь къ женѣ своей — « переспанъ; завтра мы все расскажемъ Софѣ Васильевнѣ, и сдѣлаемъ ее судьей нашимъ. Пусть она рѣшитъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ. »

Кашерина старалась преодолѣть себя, но щещины были всѣ ея усилія удерж-

жашь слезы; она ушла къ себѣ въ спальню и не могла ужинать. На другой день, рано утромъ, Аглаевъ разсказалъ Софѣ все происшествіе.

«Топчасъ, какъ вы побѣхали, мы сѣли обѣдать. Ты сама знаешь привычку мою: послѣ обѣда куришь пирубку, пьешь кофе, и въ это время сыграешь одну, или двѣ партіи въ шахманы; припомъ же и ты и она наканунѣ обыграли меня; мнѣ хотѣлось доказать, что я проигралъ не отъ того, что не умѣю, а точно пошому, что не занялся игрою. Но несносная дѣвчонка наша кричала во все горло, шакъ, что не было покоя отъ нея во всемъ домѣ. Кашинька пошла унимать ее, а я покамѣснѣ спалъ читая книгу, крѣпко заснулъ, и почти до самаго чая проспалъ. Съ головою болью, пошому, что мнѣ послѣ обѣда совсѣмъ негодился спать, я опсправился въ дѣшскую. Соничка была очень мила, плясала, улыбалась, пропягивала ручонки, и сама пошла ко мнѣ. Съ полчаса очень пріятно

пробылъ я въ дѣтской. Между тѣмъ время уже было подавать чай; я звалъ Капнирку въ садъ. Ты знаешь, что я люблю пить чай на свѣжемъ воздухѣ, куря трубку. Она обѣщалась пошчасъ придти, и говорила, что только уложитъ спать Соничку. Я замѣнилъ, что это можно было и безъ нея сдѣлать; она опивчала мнѣ по Французски, что няня не очень ловка, и она на нее не надѣялся. Такимъ образомъ очисти́лся я одинъ пить чай, выкурить трубку, читать книгу; все это мнѣ чрезвычайно надо́ло, и въ 8-мъ часу пошелъ я опять въ дѣтскую, посмотрѣвъ, что дѣлаетъ тамъ Капнирка. Я нашелъ, что Соничкѣ не угодно было ложиться спать, и маменька все время изволила забавлять ее, пѣла и плясала передъ нею. Признаюсь, это вывело меня изъ терпѣнія: какъ можно пашь, или шеснь часовъ сряду занимашься такимъ вздоромъ! я рассердился, и ушелъ гулять одинъ. Она пошчасъ догнала меня; должно при-

знался: съ досады, наговорилъ я ей много непріятностей; она спала плакашь; это еще болѣе взбѣсило меня... Теперь мнѣ досадно на себя, что я шакъ забылся и огорчилъ Капинуку. Но ты сама, сесюра, согласишься, что цѣлый день сидѣть одному совсѣмъ непріятно. Упрямъ, до обѣда, могу я кое-какъ пробыть въ моемъ кабинетѣ; но вечеромъ мнѣ нужно разсѣяніе; я склоненъ къ ипохондріи, прошивъ которой мнѣ надобно безпрестанно борюся, и ежели такая жизнь долѣе продолжится, то, право, я долженъ буду ѣздить по гостямъ. Ты не вѣкъ будешь жить здѣсь; когда уѣдешь, то не съ кѣмъ будешь мнѣ слова промолвить, пошому, что Капинука ни на минушу не хочетъ выйти изъ дѣтской. Ты, можешь быть, скажешь, чтобы и я съ нею сидѣлъ тамъ; но лепетанье, прыганье ребенка, разговоры няни и кормилицы—все это чрезвычайно скучно.»

Софья не могла совершенно оправдать сесюры, но убѣждала Аглаева не сер-

дѣлалась на нее, пошому, что такая слабость извинительна въ мажери; однакожь она общалась поговорить съ нею:

Каперица весь слѣдующій день при-
нуждала себя, и не безпрестанно была
съ ребенкомъ своимъ; но въ то время,
когда оплучалась она изъ дѣвической, и
сидѣла со всѣми, такая печаль, такая
поска замѣшны были на лицѣ ея, что
Аглаевъ самъ совѣщивалъ — или велѣнь
приноситъ ребенка въ госпиную, или
ей поскорѣ идти въ дѣвическую. Только
при взглядѣ на дочь свою, Каперица
спановилась спокойна и весела.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.